

НАУЧНЫЙ МЕТОД И МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ

Свердловск ♦ 1986

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ РСФСР
УРАЛЬСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. А. М. ГОРЬКОГО

НАУЧНЫЙ МЕТОД И МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

}

СВЕРДЛОВСК, 1986

A518.15
Н 345

Печатается по постановлению редакционно-издательского совета Уральского ордена Трудового Красного Знамени государственного университета им. А. М. Горького.

Научный метод и методологическое сознание: Сб. науч. тр. Свердловск: УрГУ, 1986. 156 с.

Межвузовский сборник является очередным выпуском продолжающегося издания «Актуальные проблемы теории отражения, логики и методологии научного познания». В нем исследуются общие проблемы научного метода, оперативный аспект некоторых форм научного мышления и структурные особенности ряда общенаучных методов, не получивших пока достаточного освещения в современной литературе.

Редколлегия: **Д. В. Пивоваров** (Уральский университет) — отв. редактор, **Л. П. Туркин** (Свердловская высшая партийная школа), **П. П. Чупин** (Уральский университет)

© Уральский государственный университет, 1986

НАУЧНЫЙ МЕТОД И МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ

Редактор **О. Л. Сафьянова**
Технический редактор **Э. А. Максимова**
Корректор **Т. В. Мамонтова**

Темплан 1986, поз. 50.

Сдано в набор 4.12.85. Подписано к печати 28.04.86. НС 11095. Формат 60x84¹/₁₆. Бумага типографская № 3. Гарнитура литературная. Печать высокая. Объем 9 усл. печ. л. 9 уч.-изд. л. Тираж 700. Заказ 5402. Цена 1 р. 50 к. Уральский ордена Трудового Красного Знамени государственный университет им. А. М. Горького. Свердловск, пр. Ленина, 51.

г. В. Пышма, тип. Управления издательств, полиграфии и книжной торговли

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Методологическому анализу средств и способов научного познания в последние годы посвящено значительное количество литературы. Интерес к исследованию сущности и гносеологических особенностей методологического сознания далеко не случаен. Философами и специалистами в области конкретнаучного знания все больше и больше осознается мировоззренческая неточность и практическая недостаточность наивно-реалистической установки, согласно которой истина совершенно не зависит от методов ее получения и проверки. Сегодня утверждается диалектическая идея о том, что процесс научного поиска подчинен двум взаимопологающим противоположным тенденциям. С одной стороны, наука стремится элиминировать из концептуальных образов изучаемых объектов операционно-методологический компонент, чтобы воспроизвести сущность этих объектов в чистом виде, независимую от путей и средств ее познания. С другой стороны, ученые постоянно наполняют продуцируемое ими знание новыми схемами действия, с тем чтобы проверить его, развить и применить на практике.

В конечном счете человек видит и понимает мир так, как умеет с ним практически обращаться; чем богаче и разнообразнее арсенал методов научного познания, тем более точным и полным становится теоретический образ действительности и тем меньшей оказывается зависимость содержания знания от своего операционного компонента. Имеющее известное оправдание увлечение представителями той или иной научной школы узко ограниченным набором методологических инструментов, а тем более попытки универсализировать какой-либо сравнительно общий, «сквозной» метод научного познания объективно предопределяют одностороннее видение исследуемого объекта, затрудняют понимание и конструктивную критику тех альтернативных концепций, которые имеют иное методологическое обеспечение.

В первом разделе данного сборника предпринимается попытка продолжить анализ ряда дискуссионных или малоисследованных вопросов, связанных с выявлением гносеологических (в частности, праксеологических) оснований методов научного познания. Во втором разделе рассматриваются структурные особенности некоторых общенаучных методов, не получивших пока достаточного освещения в литературе. В сборнике обсуждаются следующие методологические проблемы.

Методология Нового времени начала разрушение натуралистических представлений о никогда не ошибающейся «природе» мышления, но вместе с тем осталась верной цели отыскать некий «абсо-

лютный метод», частными модификациями которого выступали бы все известные методы научного познания. Своеобразие различных учений о методах так или иначе связано с пониманием природы человеческих заблуждений. В зависимости от трактовки структуры процесса познания, от оценки роли в ней чувственной и рациональной сторон, культурной традиции, стиля и иных форм научного мышления конструировались различные методологические системы. Неудавшиеся до сих пор сценарии «естественной» классификации общенаучных методов, основанием которой объявлялась либо индукция, либо дедукция, либо метод альтернатив и т. д., дают почву для доказательного заявления о принципиальной невозможности познавать бесконечный качественно разнообразный мир с помощью какого-то одного универсального метода, поиск которого являлся бы конечным методологическим идеалом. Объективное отсутствие «субстанциального» метода вместе с тем не отменяет необходимости в классификациях общенаучных схем действий, последовательность которых может варьироваться в зависимости от конкретной направленности долгосрочных исследовательских программ и потребностей науки на данном этапе ее развития.

Анализ субъект-объектного отношения в научном познании в плане раскрытия именно конкретных специфических механизмов (а не «абсолютного метода»), которые обеспечивают организацию, функционирование, развитие и применение научных знаний, и должен в таком случае составлять предмет методологии науки как специальной философской дисциплины.

Метод реализует эвристические возможности научного знания, переводя систему знаний с логико-семантического уровня на прагматический, и, в свою очередь, нормативные методологические положения способны превращаться в новую систему дескриптивных высказываний об объекте. Метод непосредственно не содержится в объекте познания, он включается в содержание самого субъекта познания, выступая фундаментальной внутренней детерминантой научного творчества. Вместе с тем способ действия с объектом косвенно обусловлен и содержанием самого объекта. Установившаяся научная традиция хранит и воспроизводит познавательные схемы, нередко канонизируя их. Научные методы передаются от поколения к поколению через парадигмально регламентированные тексты, научная традиция—через социокультурный «контекст» парадигмических операционных структур. В периоды становления новых фундаментальных схем действий и критики научной традиции появляется особая форма знания и сознания — методологическая форма, которая, выявляя границы и возможности прежних методологических оснований, помогает утвердиться новым парадигмам и исследовательским программам. Методологическое сознание — своеобразное зеркало внутринаучного противоречия между старым и новым.

Противоречие между установившейся культурной традицией и становящейся культурой (между репродуктивным и продуктивным) служит содержанием субъекта самодеятельности, самоопределения, оно развивает в личности ученого социокультурные структуры, открытые к новым вариантам деятельности и общения. Исследование гносеологических особенностей и социальных оснований методологического сознания в особенности необходимо сегодня, в условиях ускоряющейся научно-технической революции.

Развитие идеи классиков марксизма-ленинизма о решающей роли практики в процессе познания применительно к вопросам методологии означает дальнейшее выявление и описание конкретных операций и процедур, которые составляют «двигательную» основу тех или иных форм научного мышления и способов познания объективной реальности. Среди огромного множества практических операций можно выделить сравнительно узкий класс базовых операций, интериоризирующихся в общие понятия, категории, логические процедуры. Познавая посредством выделения базовых операций свою собственную природу, человек изменяет ее, передавая частично свои собственные функции техническому средству.

Каждая категория мышления, с операционной точки зрения, может быть представлена как результат процедуры обобщения и абстрагирования того или иного типа, той или иной разновидности. Будучи сопряженной с особым базовым действием, категория не может быть редуцирована по своему содержанию к иным категориям (даже близлежащим) путем строгого определения одних категорий через другие. Существование множества систем категорий диалектики свидетельствует о кризисе идеи «моносистемы», на повестку дня выдвигается задача совершенствования метода анализа конкретной ситуации как общетеоретического метода, а также проблема предвидения тех концептуальных изменений, которые объективно вызываются категориальной и формально-логической дедукцией.

Даже строго алгоритмизированный метод подчас приводит к альтернативным результатам, поэтому существенные характеристики метода следует искать не только в объективной стороне научной деятельности, но во взаимосвязи метода с формами активности социального субъекта: мировоззрением, ценностными, целевыми культурными установками. В сборнике анализируется методологическая функция понимания в научном познании, а также взаимосвязь метода и стиля научного мышления.

Предметом исследования в статьях второго раздела сборника являются прежде всего операционные структуры тех схем умственных действий, которые сравнительно недавно не относили к самостоятельным общенаучным методам.

П. П. ЧУПИН
Уральский университет

НАУЧНЫЙ МЕТОД И МЕТОДОЛОГИЯ НАУКИ

Мир человека — это прежде всего мир человеческой деятельности, а свою деятельность люди реализуют в многообразных формах и различными способами. Способ осуществления любой планомерной целенаправленной деятельности субъекта обычно называют методом, вкладывая в данном случае в этот термин самый широкий смысл.

Таким образом, метод при ближайшем его рассмотрении предстает как система приемов и операций, с помощью которых происходит материальное или духовное освоение субъектом объектов действительности. Акцентирование этой стороны метода — общая черта его многочисленных определений¹. Но как бы ни была важна характеристика метода в данном аспекте, научное определение метода не может быть ограничено этим. Всякий метод — это не только «совокупность приемов и операций» как внешне объективированной стороны деятельности, но и определенная форма знаний, описывающих, предписывающих и регулирующих порядок осуществления этих операций, осуществления целенаправленной деятельности вообще. Структура метода включает в себя не только операционально-функциональный, но и концептуально-теоретический и контрольно-управленческий аспекты. Поэтому в полное определение метода должна быть включена не только система деятельности субъекта, направленная на объект, но и система знаний об объекте, включающая и способ ее построения и обоснования. Метод, следовательно, есть единство и взаимодействие этих систем, т. е. такой способ деятельности субъекта, который основан на знании как отражении существенных связей и отношений вещей.

В свете изложенного научный метод можно кратко определить как способ взаимодействия субъекта с объектами с целью их познания или преобразования на основании отражения общих и специфических закономерностей тех предметных областей, к которым эти объекты принадлежат. Данное определение, разумеется, самое общее, и оно должно быть детализировано применительно к конкретным методам или группам методов.

В философской литературе неоднократно предпринимались по-

¹ См. напр.: Философский энциклопедический словарь. М., 1983, с. 364.

пытки осуществить возможно более полную и адекватную классификацию научных методов, эта работа продолжается и в настоящее время. Встающие на этом пути трудности проистекают из многих причин, но прежде всего они обусловлены громадным количественным и качественным многообразием самих научных методов и сложным характером их взаимосвязей друг с другом в реальных познавательно-преобразовательных актах. Поскольку же любая достаточно строгая классификация методов разрывает по крайней мере часть этих связей или же значительно упрощает, огрубляет их, создается коллизийная ситуация: выполнение основных требований классификации разрушает «естественные» связи членов деления (методов), сохранение же этих связей, напротив, влечет невыполнение таких ее условий, как единство основания, взаимоисключение членов и непрерывность.

Так, например, при самом общем подходе все методы науки естественно разделить на два вида: 1) методы прямого, «контактного» (как правило, предполагающие использование определенных технических устройств) исследования объектов как фрагментов самой реальной действительности, возможно, помещенных в контролируемые условия; 2) методы оперирования с абстрактными объектами, т. е. с идеализированными и схематизированными заместителями в актах познания реальных объектов, их свойств или отношений, с моделями, представляющими собой в том числе и знаковые системы. Но такое деление, приемлемое для предварительной группировки естественнонаучных методов, не вполне учитывает специфику методов гуманитарных наук и обществоведения. С наименьшими трудностями сталкиваются и попытки линейно выстроить методы в зависимости от характера их связи с практикой, или так называемая «уровневая» классификация.

Существует и множество других оснований для группировки методов. Так, в конкретных отраслях науки методы могут подразделяться на основные и вспомогательные, простые и сложные, количественные и качественные, точные и приближенные, аналитические и синтетические, дедуктивные и индуктивные, «содержательные» и формализованные и т. д. и т. п. Иногда проводят также различия между методами исследования, открытия и доказательства. Однако такое разделение методов чисто условное: все методы так или иначе, если выполняют функцию по приращению знаний, выполняют и функции, связанные с их организацией, обоснованием и доказательством.

В философской литературе наибольшую известность имеет классификация методов, основанная на сфере их «действия». С этой точки зрения обычно различают всеобщие, или философские, методы и специальные, подразделяя последние на две подгруппы: общенаучные и частнонаучные. Но и эта классификация, обладая из-

вестными достоинствами, также имеет ряд моментов, требующих уточнения. Во-первых, фактическим основанием деления в ней является не только широта сферы применения метода, но и их характер. Философские методы отличаются от специальнонаучных тем, что они раскрывают в объектах в аспекте основного гносеологического вопроса проявление всеобщих законов универсума. «Отличительной особенностью философских методов,— говорится в «Философской энциклопедии»,— является их универсальность: они включены в ткань научного познания во всех его сферах»². Но это не единственная особенность и, пожалуй, производная. Философские методы органически связаны с мировоззрением и решают все познавательные проблемы не иначе, как под углом зрения отношения субъекта к объекту³. И именно в этом прежде всего нужно видеть особенности философских методов.

Во-вторых, не все методы, принадлежащие философии, в равной мере являются и всеобщими, и научными. Идеализм, например, безусловно является всеобщим методом, но он в принципе не может быть научным, хотя в нем и могут быть подняты проблемы, искаженно отражающие реальную диалектику вещей. Всеобщим философским научным методом является метод материалистической диалектики. Он приложим не к какой-либо одной отрасли знания (и соответственно сфере реальности), а ко всем ее отраслям; указуя общий путь движения знания к объективной истине, он раскрывает в аспекте субъект-объектного отношения универсальные характеристики вещей как конкретные проявления всеобщих связей и законов движущейся материи. Именно поэтому метод материалистической диалектики не просто принадлежит системе научных методов, но играет в ней руководящую роль, конкретно проявляясь в таких познавательных приемах, как движение от конкретного (конкретночувственной действительности) к абстрактному и от абстрактного к конкретному (мысленной конкретности как единству в многообразии), как взаимосвязь анализа и синтеза, логического и исторического, индукции и дедукции и т. д.

В-третьих, необходимо уточнить и понятие общенаучного метода. С одной стороны, термин «общенаучный» понимается здесь не обязательно в том смысле, что актуально применяется в каждой науке, и тем более — что играет в ней ведущую роль. Эксперимент, например, является одним из таких методов, но существуют науки, где его применение весьма ограничено. Следовательно, под общенаучным фактически нужно понимать такой метод, который отличается высоким динамизмом, богатыми возможностями модификаций и

² Философская энциклопедия. М., 1964, т. 3, с. 410.

³ Вахтомин Н. К. Генезис научного знания. (Факт. идея, теория). М., 1973, с. 10 и след.

принципиальной неограниченностью проникновения в другие отрасли знания по мере достижения ими соответствующего уровня развития или открытия нового направления исследований. С другой стороны, если всякий метод опирается на теорию (точнее, на теоретические представления разной степени развитости), то наличие таких методов предполагает и существование теоретических представлений, которые с определенной стороны характеризуют объекты, принадлежащие разным предметным областям, и выполняют конструктивно-регулятивную функцию в их познании. Таким образом, общенаучный метод представляет собой некоторое обусловленное его структурой функциональное единство в многообразии проявления соответствующих познавательных средств и приемов исследовательской деятельности. Объекты социально-экономического или социологического исследования, например, существенно отличаются, скажем, от объектов физической науки, но поскольку и там и тут возможно применение экспериментального метода, его принципиальная структура оказывается достаточно гибкой (способной к модификациям) по всей длине ее функционального поля.

Понятие «метод» иногда сближают с понятием «методология» и причем так, что они становятся неразличимыми⁴. Одной из причин этого, возможно, являются этимологические соображения. Но гораздо более основательной причиной нужно считать слабую разработанность специфики методологического знания, отсутствие у него точно определенного статуса⁵. Именно этим прежде всего порождается тот терминологический разнобой, который имеет место в литературе.

Что такое методология науки? Это понятие нередко использует в качестве синонима для обозначения совокупности приемов, методов и иных познавательных средств, применяемых в науке. В других случаях в него вкладывают иное содержание: специальное учение об этих методах и средствах. Иногда оба эти значения используются одновременно. В том случае, когда понятие методологии науки трактуется в смысле специального учения, опять-таки происходит разделение: одни авторы отождествляют его с общеполитическим, другие придают ему статус самостоятельной дисциплины или направления исследований. Центральным пунктом дискуссий является вопрос о специфике и статусе методологического знания, о месте методологии научного познания как в общей системе наук, так и в системе философского знания.

⁴ «Методология — не просто учение о методах познания (и практической деятельности), а сам этот общий метод познания и его применение». (Алексеев М. Н. Предмет и структура марксистской философии. М., 1973, с. 314).

⁵ БСЭ. 3-е изд., т. 16, с. 165.

Поскольку методология имеет своим объектом науку, а именно «науку как систему, порождающую научное знание»⁶, создается определенная возможность отличить ее как от дисциплин, формирующих «предметное» знание о мире, так и от других аспектов метаучной (науковедческой) проблематики. Сложнее решить вопрос о ее соотношении с философией. На этот счет существуют самые различные точки зрения и подходы: от объявления методологии специальной нефилософской дисциплиной до отождествления ее с философией, рассматриваемой в аспекте ее методологической функции в познании.

Так, в недавно выпущенном «Философском энциклопедическом словаре» о методологии науки сказано, что она представляет собой самостоятельную область знания, охватывающую все многообразие методологических и методических принципов, приемов, операций и форм построения научного знания. Эта область знания включает в себя несколько уровней, высшим и определяющим среди которых является философская методология⁷. В таком понимании методология науки не имеет дисциплинарного статуса, а представляет собой некоторое комплексное образование (А. Д. Урсул называет подобные образования, представляющие своеобразный сплав философии и частных наук, интегративно-междисциплинарными феноменами), содержащее множество отдельных методологических дисциплин, располагающихся на соответствующих уровнях методологического знания и находящихся между собой в сложных взаимосвязях и отношениях. И действительно, поскольку, как сказано, этот комплекс охватывает все многообразие методологических и методических средств, в нем должны иметь своих, так сказать, полномочных представителей все науки. Как пишет Ле Хью Танг, «каждая наука должна иметь свою методологию»⁸.

В том же словаре (двумя страницами выше) подчеркивается, что методология не может быть представлена как единая теория методов, и реальной проблематикой методологического анализа является исследование общей структуры и типологии существующих методов, выявление тенденций и направлений в их развитии, их взаимосвязи в научных исследованиях. Однако, если к реальной проблематике методологического анализа относится осмысление природы и общей тенденции в развитии методов, исследование границ и специфики их действия в различных областях, т. е. исследование под определенным углом зрения **всех** методов, но **не всего** в этих методах (их конкретнаучное содержание, разумеется, анализиру-

⁶ Лекторский В. А., Швырев В. С. Методологический анализ науки. — В кн.: Философия. Методология. Наука. М., 1972, с. 10.

⁷ См.: Философский энциклопедический словарь. М., 1983, с. 367.

⁸ Танг Ле Хью. О содержании понятия «методология». — Филос. науки, 1979, № 4, с. 104.

ется самими конкретными науками), то спрашивается, предметом какой теории может быть данная проблематика? Несомненно, что теория, анализирующая «субстратные» и структурно-функциональные свойства любого теоретического построения, которые превращают его в метод, в средство познания и преобразования действительности, есть именно то, что называют общей теорией методов, которая входит составной частью в структуру методологии науки как учения об общих принципах и конкретных механизмах движения научного знания. Понятно также, что теория, анализирующая такую проблематику, по самой своей сути может быть только одна, а по своему характеру не может не быть философской. Нет и не может быть общей теории методов, которая не была бы философской и тем более такой, которая претендовала бы на роль нефилософской альтернативы ей. Реальная проблема состоит здесь не в том, чтобы соединить эту теорию с философией (такая связь между ними всегда есть и в принципе не может быть элиминирована), а в достижении такого положения, чтобы основу данной теории составляли принципы научной философии.

Каждая наука действительно имеет свою методологию, но не в смысле самостоятельного учения (как некоторой конкретнаучной альтернативы названной выше теории), а в смысле системы принципов, приемов и других исследовательских средств, которые она применяет в диалектической взаимосвязи с всеобщими философскими и общенаучными методами и средствами и которые получают свое мировоззренчески-теоретическое обоснование в общей методологии наук — специальной философской дисциплине, ориентированной на науку, на анализ особенностей ее структур и развития. Прогресс научных знаний ведет к усложнению структуры методологии науки, но при этом она не распадается на множество самостоятельных методологических дисциплин, а представляет собой целостное образование как расчлененное единство, обладающее собственным предметом, специфической структурой и особыми функциями, которые и позволяют определить ее место как в общей системе наук, так и в системе философского знания.

Предметом методологии науки является субъектно-объектное отношение в научном познании, анализируемое под углом зрения раскрытия тех конкретных специфических механизмов, которые обеспечивают организацию, функционирование, развитие и применение научных знаний. Проблематика методологии науки не совпадает с общепhilosophической, но в то же время, поскольку она связана с исследованием одного из важнейших аспектов субъектно-объектного отношения, она находится не вне философии, а внутри нее и составляет один из разделов или специализированное направление философского исследования. В этом смысле методологию науки можно назвать специальной философской дисциплиной.

Главной задачей методологии науки является исследование общих оснований, путей и закономерностей научного познания, его специфических структур и функций, принципов и методов как средств его организации, функционирования, развития и применения. Методология науки вырабатывает типовые приемы научного описания и объяснения, создает общие схемы реконструкции объекта в научной картине мира в соответствии с достигнутым уровнем развития материальной и духовной культуры общества. Решение этих задач может потребовать привлечения в конкретных методологических ситуациях не только общефилософских, но специально-научных средств анализа, которые усложняют ее структуру, но в целом имеют в ней вспомогательное значение и служат целям усиления воздействия принципов материалистической диалектики на прогресс научного знания и адекватное понимание механизмов его развития. При этом сама возможность применения специально-научного аппарата и пределов его применения в конкретных проблемных ситуациях не может быть установлена в рамках той или иной частнонаучной дисциплины, она опирается на определенные представления о сущности, содержании и характере познавательной деятельности, вырабатываемые философией⁹

Как самостоятельная дисциплина методология науки имеет свою специфическую структуру, которая включает в себя 1) изучение общих оснований и закономерностей научного познания; 2) исследование форм, принципов, приемов и методов, с помощью которых осуществляются организация, функционирование, развитие и применение научных знаний; 3) анализ специальных методологических понятий, в которых резюмируются основные этапы движения научного знания и выявляется категориальный механизм диалектических переходов от одного этапа к другому. В соответствии с преимущественно выполняемыми функциями эти понятия могут быть объединены в категориальные блоки — программирующий, формирующий, разрешающий и оценочный (внутренняя и внешняя оценка), отличительной чертой которых является то, что входящая в их состав система понятий уже непосредственно отражает наиболее существенные особенности научных структур и тем самым позволяет создать теоретически адекватную реконструкцию реального процесса движения знания, включая мотивацию, формулировку конкретных целей и наиболее эффективных средств их реализации.

Методологический анализ науки исходит из того, что наука — одно из важнейших проявлений человеческой культуры, она создает духовное богатство, но это такое богатство, практическое использование которого многократно увеличивает реальные преобразова-

⁹ См.: Современные проблемы теории материалистической диалектики. — *Вопр. философии*, 1972, № 6, с. 13—14.

тельные возможности человека. Характеризуя в этом смысле науку как наиболее основательную форму общественного богатства, К. Маркс подчеркивал, что она есть идеальное и вместе с тем практическое богатство — одна из форм развития производительных сил человека¹⁰.

При таком понимании предмета и задач методология науки представляет собой нечто большее, чем только канон научного познания, она выступает в качестве его подлинного органа. В ее компетенцию входит не только теоретическое осмысление и критическая оценка уже осуществленных актов научного прогресса, но и определение реальных возможностей, путей и перспектив его дальнейшего движения. В этом смысле методология неотделима от узловых мировоззренческих вопросов, от глобальных проблем современного общественного развития.

Человечество вступило ныне в такой этап своего развития, когда судьбы дальнейшего социального прогресса непосредственно и во всевозрастающей степени оказались зависимыми от достижений научной мысли, ее технических и иных приложений. Современное общество делает большую ставку на ускорение темпов научно-технического прогресса именно потому, что связывает с ним реальную возможность уже в недалеком будущем окончательного решения таких извечных человеческих проблем, как неуклонный рост благосостояния всех людей, труд, мир, свобода и счастье народов. Обоснованны ли эти надежды? Еще на заре первой промышленной революции великие просветители и ученые связывали с научно-техническим прогрессом самые смелые надежды человечества. В «Эскизе исторической картины прогресса человеческого разума» Ж.-А. Кондорсе писал: «Прогресс наук обеспечивает прогресс промышленности, который сам затем ускоряет научные успехи, и это взаимное влияние, действие которого беспрестанно возобновляется, должно быть причислено к наиболее деятельным, наиболее могущественным причинам совершенствования человеческого рода»¹¹. Б. Франклин видел в прогрессе наук не только возрастающую мощь человека в овладении силами природы, но и прямой путь к нравственному усовершенствованию людей¹². Капитализм разрушил эту иллюзию. Он вочую показал всю противоречивость научно-технического прогресса, его обусловленность общественными отношениями, классовой структурой общества, как бы нарочито подтверждая сенсационный тезис Ж.-Ж. Руссо, что науки и искусства обязаны своим происхождением не добродетели, а человеческим порокам.

¹⁰ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. 2, с. 33.

¹¹ Антология мировой философии. М., 1970, т. 2, с. 691.

¹² Там же, с. 695.

Сегодня в буржуазном мире много говорят и пишут о «кризисе технической цивилизации», об антигуманном характере современной научно-технической революции, разрушившей подлинно человеческие ценности, предлагают различные утопические рецепты выхода из того положения, в котором оказался этот мир во второй половине XX столетия. Но безумный мир предлагает и безумные средства для своего лечения, в том числе и такие, которые направлены против самого научно-технического прогресса, а не тех социальных условий, в которых он принимает уродливые и даже опасные для судеб всего человечества формы. Действительно, выдающиеся достижения науки и техники уже сейчас открывают перед человечеством поразительные возможности в деле осуществления дерзновенных его надежд и истинно гуманистических идеалов. Однако социально-политическая разделенность мира, наличие в нем классового антагонизма и международной вражды стимулирует и, к сожалению, не в меньшей степени альтернативные возможности использования этих достижений.

Процесс развития науки и техники осуществляется в соответствии с объективными закономерностями, а его характер обуславливается теми ценностными ориентациями, которые отражают специфику типов социально-экономической структуры общества. Отсюда следует, что вопрос о том, в каком направлении идет этот процесс и чьим интересам в основном служит, как оградить человечество от «разрушительного натиска человеческого безрассудства»¹³, не может быть решен в отрыве от анализа классовой структуры общества. Изменить характер или направление этого процесса, заставить его всецело служить на пользу, а не во вред людям есть в конечном счете задача социальной революции.

Современный научно-технический прогресс необычайно широко раздвинул границы человеческих возможностей в деле преобразования мира, завоевания свободы. Вместе с тем он впервые в столь острой форме поставил вопрос о рациональном использовании этих возможностей, о выработке нового стиля мышления, который бы в полной мере учитывал глобальные последствия бурного развития «технической цивилизации». В этой связи особенно актуальное значение приобретают вопросы о «моральной стороне науки»¹⁴, об огромной ответственности ученых перед обществом за содержание и реальные последствия применения результатов их научных изысканий, т. е. о четкой социальной позиции ученого в борьбе за социаль-

¹³ Винер Н. Творец и робот. М., 1966, с. 75.

¹⁴ Вернадский В. И. Размышления натуралиста. Научная жизнь как планетное явление. М., 1977, кн. 2, с. 68. «Станным образом, еще очень часто приходится слышать, — писал В. И. Вернадский, — что наука не знает ни добра, ни зла, — не знает, как не знает его природа... «Добро» и «зло» есть также создание ноосферы, как и все другое...» (там же, примечание).

ный прогресс, об общественном контроле над наукой, решение которых, как и всего комплекса проблем, обусловленных стремительно возрастающей ролью науки в жизни общества, было и остается актуальнейшей задачей современности, важнейшим этапом борьбы за утверждение подлинного гуманизма на нашей планете.

Д. М. НИКОЛАЕВ
Уральский университет
В. В. РОМАНОВ
Свердловский факультет МФЮЗО
при Академии МВД СССР

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ТЕОРИИ И МЕТОДА

В современной философской литературе взаимосвязь теории и метода является установленным фактом, но при этом, как правило, не проводится должного различия между ними. Все различия между этими двумя компонентами знания обычно сводятся лишь к функциональному различию: «...Любая теория по существу выступает в функции метода... Поэтому различие между теорией и методом носит функциональный характер»¹. На наш взгляд, подобное решение проблемы соотношения теории и метода является упрощенным, и следовательно, малопродуктивным.

Решение данной проблемы предполагает прежде всего выяснение содержания понятий «теория» и «метод». Главным признаком теории является ее способность объяснять имеющиеся и предсказывать новые факты. Объяснительная и предсказательная функции теории возможны лишь потому, что в ней формулируется особое знание, определяемое как закон. «Ничто, заслуживающее почтенного титула «объяснение», не может быть дано без обращения по крайней мере к одному закону»². Высказывания, выражающие законы, в символической форме записываются универсальным условным суждением $\forall x (Ax \rightarrow Bx)$.

Вторым существенным признаком теории является наличие в ней логической структуры. Хорошо сформулированная теория представляет собой класс высказываний, имеющих определенные логические связи. Логическая связность должна обеспечивать детерминистичность как необходимое свойство теории³, ее цельность и возможность осуществления предсказаний.

Философский энциклопедический словарь. М., 1983, с. 364. См. также: Философская энциклопедия. М., 1960, т. 4, с. 410.

² Карнап Р. Философские основания физики. М., 1971, с. 43.

³ Грязнов Б. С. Логика. Рациональность. Творчество. М., 1982, с. 49.

Отличительным свойством научного теоретического знания является нацеленность его на истину. Это позволяет выделить в качестве основного признака теории ее предметность. Предметом теории в конечном счете всегда является действительность, исследуемая на разных уровнях абстракции. Для теорий с достаточно высоким уровнем абстракции (например, математические, формально-логические системы и т. п.), где многие понятия возникают путем многоступенчатого отвлечения и обобщения (абстракции от абстракций), в целях семантического обоснования создаются модели из идеальных конструкторов, не всегда имеющих непосредственных референтов в действительности, и может возникнуть впечатление, что высказывания теории относятся исключительно к этим идеальным конструкторам. Однако это не так. Настоящим предметом теории является в конечном счете действительность, и любая, даже строго формальная система, не будет иметь практического смысла, если ее невозможно интерпретировать на содержательной области⁴. Выявление границ интерпретации определенной теории, и следовательно, предмета этой теории составляет одну из важных задач научного исследования и заключается в том, чтобы установить пределы применимости теории на предметной области как для объяснения уже имеющихся, так и для предвидения новых фактов. Именно поэтому данная теория становится определенной. Границы интерпретации теорий не всегда бывают четко очерчены. Так происходит, например, в математических теориях, вследствие чего и существует тенденция называть математику просто «универсальным языком науки». Чаше же всего теории в качестве своего предмета имеют более или менее четко очерченный фрагмент действительности, о котором создается концептуальное представление посредством описания фактов и формулирования законов.

Таким образом, теорию можно определить как концептуальный класс логически связанных высказываний, на основе которых делаются объяснения и предсказания относительно действительности. Здесь необходимо сделать некоторые уточнения. В существующей научной литературе термин «теория» зачастую употребляется в значительно более широком смысле, нежели в приведенном определении. Согласно традиции, берущей начало от противопоставления теоретического и эмпирического знания, теоретической подчас называется вообще любая деятельность, связанная с рациональным осмыслением и познанием явлений действительности. Такое представление обусловлено отсутствием четких разграничений между тем типом теорий, которые можно назвать вполне сформулированными и обладающими всеми перечисленными признаками, и теориями, находящимися на стадии формирования. Однако решение про-

⁴ Карри Х. Основы математической логики. М., 1969, с. 84.

блсмы соотношения теории и метода требует строгого представления именно о том типе теорий, которые называют «зрелыми» или «хорошо сформулированными» или, иначе говоря, создания идеальной модели теории.

Такое же строгое значение следует установить для понятия «метод». Этимологически метод означает путь, способ достижения некоторой цели. В этом значении метод как описание последовательности операций с предметом познания с целью решения познавательной задачи совпадает с понятием «алгоритм» с той разницей, что последнее выражает эффективный процесс, который в силу направленности и отношения детерминированности между простыми высказываниями необходимо приводит к определенному результату, а метод лишь предполагает ожидаемый результат, но не гарантирует его. С этой точки зрения понятие «метод» является более общим, родовым по отношению к понятию «алгоритм».

Существуют различные классификации методов: философские и специально-научные, однозначно-детерминистские и вероятностные, дедуктивные и недедуктивные, методы классификации, формализации и т. п. Но так или иначе все они описывают способы оперирования предметом познания или готовым знанием с целью получения нового знания. В этом заключается вторая основная характеристика метода как средства получения нового знания.

Третья важнейшая характеристика методологического знания основана на том, что метод преимущественно является не отражением определенного объекта познания, не имеет предметного содержания, а задает общее направление исследования, принципы подхода к изучаемым явлениям, служит отправной точкой при оценке полученных результатов. Конечно, в описании метода неявно содержится знание о мире и поэтому успех в применении метода зависит от того, соответствует ли метод предмету исследования. «Методологический рефлексивный анализ, — справедливо отмечают В. А. Лекторский и В. С. Швырев, — включает в качестве своего компонента рассмотрение некоторого содержания знания»⁵. Но совершенно ясно, что такое знание не является в строгом смысле знанием, позволяющим создавать концептуальное представление о данном фрагменте действительности. «Для того, чтобы быть элементом методологического подхода, это содержание должно, однако, рассматриваться не только как коррелят бытия, объективного мира, но и как элемент, предпосылка, условие деятельности по решению каких-то познавательных задач, по выработке какого-то нового знания»⁶. В противном случае теряется специфика методологического подхода.

⁵ Лекторский В. А., Швырев В. С. Методологический анализ науки. — В кн. Философия. Методология. Наука. М., 1972, с. 35.

⁶ Там же.

Метод указывает нам, каким образом следует оперировать с определенным классом предметов, но ничего не говорит в явной форме о том, каковы эти предметы. На этом основана относительная универсальность применения любого метода. В целом метод можно определить как способ практического и теоретического оперирования предметом познания с целью получения нового знания. Здесь также необходимо отметить важное различие между существованием метода как явления научной практики, реального процесса научного познания и описанием метода в теоретической или, точнее, вербальной форме. В последнем случае метод может быть представлен как класс императивных высказываний, предписывающих субъекту определенный порядок действий с предметом познания или как описание этого порядка действий в дескриптивных терминах.

Положение о том, что знание как таковое содержит в себе два основных компонента — операционный и предметный⁷, позволяет выдвинуть предположение о том, что в своем развитии и совершенствовании эти компоненты оформляются в два основных вида научного знания — методологическое и теоретическое. В своей относительно завершенной форме эти виды знания хотя и опираются на один и тот же фундамент «протознания», восходящего к практике, тем не менее имеют существенные различия, игнорирование которых недопустимо. Совершенно ясно, что метод, рассматриваемый как совокупность конкретных действий с предметом познания, независимо от того, производятся ли они разумом в сфере абстракций либо связаны с практическим экспериментом, не может быть назван теорией, так как является реальностью иного порядка. Именно в этом смысле утверждение о том, что «метод — это сама удостоверенная практикой теория, обращенная к практике же исследования»⁸, является неточным. Также неверным, на наш взгляд, является структурное деление метода на содержательно-генетическую и формально-логическую части, когда под содержательно-генетической частью понимаются принципы, обобщения, теории⁹. Метод, даже будучи представленным как класс высказываний в императивных или дескриптивных терминах, не может ни в какой своей части содержать теорию, так как в нем не формулируются законы, позволяющие делать объяснения и предсказания относительно действительности.

Но, поскольку любой метод неявно содержит в себе определенное знание о мире, это знание с помощью исследовательских процедур может быть извлечено и преобразовано в теорию. Покажем

⁷ Пивоваров Д. В. Предметность и операциональность научного знания. — В кн.: Ленинская теория отражения. Свердловск, 1975, вып. 6, с. 26.

⁸ Философская энциклопедия. М., 1960, т. 4, с. 410.

⁹ См.: Законы и категории научного коммунизма. М., 1972, с. 26.

это на примере метода аналогии как одного из самых древних и продуктивных способов познания. Аналогия определяется как метод установления сходства между объектами на основе их тождества в некоторых сторонах, свойствах, отношениях. С логической точки зрения аналогия есть «умозаключение, в ходе которого на основании обнаружения сходства или общности ряда существенных признаков у двух объектов или частичного тождества соотношения их элементов и учета различий между ними в других отношениях делается вывод о том, что одному из них присущи такие свойства, которые обнаружены при исследовании другого объекта»¹⁰. Из этих определений с помощью трансформационной логики, представляющей возможность «порождения имплицитных форм (структур) мысли из эксплицитных»¹¹, выводятся следующие утверждения: существует некоторое множество объектов; эти объекты тождественны в некоторых сторонах, свойствах, отношениях; знание этого отношения между объектами в одних существенных признаках позволяет установить посредством умозаключения сходство в других признаках.

Последнее утверждение и может быть переформулировано и выражено в форме закона: для всяких двух объектов некоторого множества, тождественных по крайней мере в одном из признаков, существует сходство в других признаках.

На основе этих утверждений реконструируем аксиоматическую теорию T_1 :

1. Определение понятий. Все понятия, использованные в формулировке закона, интуитивно понятны и не нуждаются в уточнении, за исключением понятий сходства и тождества. Сходство определим как утверждение о наличии в исследуемых объектах не менее двух тождественных признаков. Для определения понятия тождества воспользуемся аксиоматическим определением, принадлежащим Д. Гильберту¹²:

$$(1) x = x$$

$$(2) x = y (A_x \rightarrow A_y)$$

2. Аксиомы:

1) существует множество объектов M ;

2) все объекты множества M обладают сходством.

3. Правила вывода. В качестве правил вывода используются правило подстановки и правило заключения (модус поненс).

Из аксиом 1) и 2) посредством правила заключения выводится

¹⁰ Ваголеев К. Б. Аналогия и модели в познании. Новосибирск, 1981, с. 43.

¹¹ Брутян Г. А. Трансформационная логика. — *Вопр. философии*, 1983, № 8, 102.

¹² См.: Новоселов М. А. Категория тождества и ее модели. — В кн.: Кибернетика и диалектика. М., 1978, с. 187

в качестве теоремы вышеупомянутый закон: для всяких двух объектов множества M , тождественных по крайней мере в одном из признаков, существует сходство в других признаках.

Теория T_1 построена без заданного интервала абстракции¹³ и для того, чтобы получить предсказания в пространственно-временных параметрах относительно действительности; необходимо осуществить эмпирическую интерпретацию ее на предметной области.

Проведенная реконструкция теории T_1 позволяет утверждать, что в основе метода аналогии лежат определенные теоретические представления о структуре реальности. Является ли это утверждение верным по отношению к любому методу, входящему в арсенал современных технических и гуманитарных наук? Внимательный анализ с помощью трансформационной логики дает право утверждать, что это так. Даже метод наблюдения и эксперимента, казалось бы, совершенно свободный от прямого теоретического обоснования, имеет в качестве предпосылок своего существования вполне определенные взгляды на мир и отношение к нему человека. Достаточно напомнить, что становление экспериментального метода в Новое время сопровождалось сломом идеалистических представлений о возможности полного познания мира посредством обращения к текстам Священного писания и философии Аристотеля. Естествознание Нового времени, освободившись от теологии и схоластицированного Аристотеля, в своем развитии опиралось на философские идеи, выраженные Ф. Бэконом, которого К. Маркс назвал родоначальником английского материализма и экспериментирующей науки¹⁴. Таким образом, метод как таковой не является теорией, но, поскольку опирается на определенные гносеологические и онтологические предпосылки, может быть преобразован в теорию высокого уровня абстракции.

Сложнее вопрос о методологическом статусе теории. Действительно, теоретические положения и принципы используются как регулятивы и нормы научного исследования. Более того, ни одно исследование с применением самых разнообразных методов не может быть проведено без предварительного теоретического осмысления проблемы. Не дает ли это право называть теорию методом? Исходя из данных выше определений, нет. Признание теории методом может быть не более чем метафорическим. Иллюзия «методологичности» теории возникает в силу того, что теория способна специфическим образом «прссматривать» эмпирическую область, задавать «интенциональный контур» исследования, и любой факт, попадающий в поле ее обзора, получает соответствующее ее духу объ-

¹³ См.: Лазарев В. Ф. Трифонова М. К. Структура познания и научная революция. М., 1980, с. 85.

¹⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 2, с. 142.

яснение. Но подобное объяснение, иногда с помощью гипотез *ad hoc*, не является в подлинном смысле характеристикой общего понятия «метод». Характеристики метода могут быть применены лишь к положениям, которые выводятся из теории в качестве норм научного исследования.

При этом не всякая часть теории может стать методом, так же как не может стать методом и вся теория в целом. Ведь теория не обладает каким-то нерасчлененным единством. В современной методологии науки принято выделять следующие компоненты теории¹⁵: 1) исходная эмпирическая основа — множество экспериментально установленных фактов, требующих теоретического объяснения; 2) множество абстракций, постулатов и принципов, фиксирующих эмпирические факты и образующих в совокупности идеализированный объект, подлежащий теоретической обработке и обоснованию, — исходная теоретическая основа; 3) логика теории, т. е. совокупность допустимых в данной теории правил логического вывода и доказательства; 4) совокупность полученных теоретических положений с их доказательствами, составляющих основную часть теоретического знания.

Вполне понятно поэтому, что выступать в качестве научного метода не могут ни отдельно взятые эмпирические данные, ни совокупность образующих идеализированный объект абстракций, постулатов и принципов, поскольку они сами еще подлежат обоснованию и объяснению. А многие исходные принципы построения теории в явном виде формулируются и раскрываются в ходе становления теории (особенно характерно это для естественнонаучных теорий). Методом, порождаемым данной теорией, не может выступать и логика этой теории, поскольку совокупность правил логического вывода и доказательства не вырабатывается заново в каждой конкретной теории, а формулируется логической наукой и применяется в процессе познания, своеобразно преломляясь в каждом конкретном теоретическом исследовании. Именно поэтому логический аппарат теории зачастую даже в математических теориях в явном виде не формулируется, поскольку правила их построения предполагаются ясными и очевидными.

Данный вывод подтверждается и тем фактом, что в сформированную теорию входит далеко не все знание, которое имелось на первых этапах ее становления. Часть исходного знания может быть отброшена в ходе создания научной теории вследствие выяснения его ложности или несовместимости с ее основными принципами, а также невозможности объяснения его средствами этой теории. Из

¹⁵ См. напр.: Рузавин Г. И. Научная теория: Логико-гносеологический анализ. М., 1978, с. 10; Швырев В. С. Теория. — Философский энциклопедический словарь. М., 1983, с. 677.

сформировавшейся теории могут быть исключены и те фрагменты, которые имели лишь вспомогательное, операциональное значение.

Таким образом, методом научного исследования выступает лишь та часть теории, которая представляет собой совокупность теоретических положений, формирующихся в итоге развития теории, и лишь в том случае, когда эти теоретические положения превращаются в совокупность приемов и операций, регламентирующих теоретическую и практическую деятельность по освоению действительности.

А. И. ЛУЧАНКИН
Уральский университет

НАУЧНАЯ ТРАДИЦИЯ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ

На наш взгляд, два момента в связи с понятием метода можно сегодня считать несомненными. Первый связан с тем, что «всякий метод — следствие своей среды»¹, а второй связан с двойкой интерпретацией «внутреннего» состава метода, будучи важным итогом дискуссии вокруг «парадигмы» Куна: **один и тот же элемент метода** (или методологического сознания) может рассматриваться как с **методологической**, так и с **социологической** точки зрения². В первом случае метод или его элемент рассматривается в связи с теорией и научной картиной мира как способ приращения знания, во втором — в контексте культуры и организационных структур науки.

В статье выясняются условия генезиса и функционирования методологической формы сознания (рефлексивного знания о методах познания) в механизме научной традиции. С этой целью мы кратко рассмотрим решение и интерпретацию геометрической темы треугольника методами докантовских научных традиций, далее — как эту тему продолжил и решил Кант, а затем кантовское понимание «схемы» рассмотрим в связи с понятиями парадигмы и научной традиции. Нас будет интересовать преимущественно социологический аспект проблемы.

Понятие научной традиции, как указывает Е. Б. Рашковский, было введено в научный обиход Д. Прайсом, который истоки со-

¹ «Метод — следствие своей среды. Так же как для западноевропейского мышления закономерен принцип «переделывания мира» — начало активное, вторгающееся, вверившее человеку задачу пересоздания мира, так же для дальневосточного мышления естественен метод у вэй — не переделывания мира, а прииравливания к нему, к его предустановленному ритму» (Григорьева Т. П. Японская художественная традиция. М., 1979, с. 134).

² Юдин Б. Г., Методологическая и социокультурная определенность научного знания.— В кн.: Идеалы и нормы научного исследования. Минск, 1981, с. 131.

временных научных традиций возвел к временам создания первых научных программ эллинизма: евклидовой геометрии и птолемеевой космологии, где были синтезированы начала ближневосточной математики и навыки греческого умозрения.

С социологической точки зрения отсутствие научной традиции означает, что труд ученого протекает либо по «логике» индивидуального произвола, либо определяется давлением институтов власти. Напротив, труд в традиции принимает в расчет научную картину мира и научные методы осуществления человеческих проектов, опираясь не на авторитете или предании (мифе), а на рационализированном опытном знании в атмосфере открытого научного спора³. Рассмотрим в этой связи борьбу двух известных философских традиций и соответствующих им теоретических представлений таким образом, чтобы показать связь методологии и социологии.

Первая традиция воспроизводит теоретически-замкнутый тип науки, где фактически нет обратной связи с экспериментом и практическими приложениями, а основным познавательным предметом является особое пространство идеальных сущностей⁴. Это традиция, идущая от элеатов к Платону, неоплатонизму Ренессанса и Гегелю.

Вторая традиция фундаментально обоснована Аристотелем — здесь вещи являются не вторичным отражением идей, а существуют сами по себе: особенное и общее находится, следовательно, посредством классификационной деятельности, где важно получить определение некоторой генетической всеобщности. В «Метафизике» Аристотель берет треугольник как порождающее основание всех других многоугольников, как некий «минимум угольности», когда нет фигуры помимо треугольника и производных от него фигур. Только тогда, когда «у фигур и одушевленных существ в последующем всегда содержится в возможности предшествующее, например: в четырехугольнике — треугольник...»⁵, имеет смысл говорить об общем, существующем реально, а не в мысли. Но здесь Аристотель приходит к парадоксу: «Если ничего не существует помимо единичных вещей — таких вещей бесчисленное множество — то как возможно достичь знания об этом бесчисленном множестве? Ведь мы познаем все вещи, поскольку у них имеется что-то единое и тождественное и поскольку им присуще нечто общее»⁶. К примеру, дом как единое, тождественное и общее не мо-

³ Рашковский Е. Б. Науковедение и Восток. М., 1980, с. 166—167.

⁴ Грязнов Б. С. Логика. Рациональность. Творчество. М., 1982, с. 22.

⁵ Аристотель. Соч.: В 4-х т. М., 1976, т. 1, с. 400.

⁶ Там же, с. 109.

жет быть родом или родами: «Мы не можем принять, что есть некий Дом, помимо отдельных домов»⁷.

Этот парадокс заострил Дж. Беркли, критиковавший Локка за индуктивизм «отвлеченных идей» в «Трактате о принципах человеческого познания». Беркли убедительно доказывает, что получить идею треугольника «вообще», который был бы, как это у Локка, «ни косоуголен, ни прямоуголен, ни равносторонен, но который есть вместе и всякий и никакой из них», невозможно, ибо идея треугольника — это всего лишь знак для обозначения признаков множества треугольников, полученный путем индуктивного обобщения⁸.

Напротив, представитель неоплатонической традиции Николай Кузанский ищет общее не только у многоугольников, но и у всех фигур в геометрии. Если основание треугольника закрепить, а вершину протянуть в бесконечность, то размеры треугольника будут уменьшаться по мере приближения вершины к искомой бесконечности. По достижении ее две боковые стороны треугольника, образующие угол при вершине, сольются в прямую, и мы увидим, что «бесконечная линия есть максимальный треугольник»⁹. Аналогично Кузанец показывает тождественность в бесконечности не только линии и треугольника, но и шара и круга. Любую «геометричность» он, в конечном счете, редуцирует к точке, деонтологизируя традиционные первоначала мира и сам мир в мысленном пространстве теоретизирующей способности («ума»).

Рефлексия этой теоретической способности, осуществленная впервые Декартом, в дальнейшем становится прерогативой методологического сознания как такового. И вскоре в черновике письма к Синклеру Гегель опишет особенность методологического сознания так: оно есть «не что иное, как критика, опровержение и уничтожение своего начала...»¹⁰. При этом Гегель недвусмысленно отождествит метод как форму со знанием как содержанием, ибо метод, по Гегелю, то же самое содержание, только в сжатом, конспективном виде. Если Гегель, после Канта, вновь вернется к платоновской традиции гипостазирования общего, то у Канта мы обнаруживаем попытку синтеза этой традиции с аристотелевской в терминах методологического сознания. Вот почему Кант критикует Локка не с сенсуалистической, как Беркли, а с критико-методологической позиции, новой по сути: «В действительности в основе наших чистых чувственных понятий лежат не образы предметов, а схемы. Понятию о треугольнике вообще не соответствовал бы никакой образ треугольника. В самом деле, образ всегда

⁷ Там же, с. 110.

⁸ Беркли Дж. Соч. М., 1978, с. 161.

⁹ Кузанский Ник. Соч.: В 2-х т. М., 1979, т. 1, с. 69—70.

¹⁰ Гегель. Работы разных лет: В 2-х т. М., 1971, т. 2, с. 336.

ограничивался бы только частью объема этого понятия и никогда не достиг бы общности понятия, благодаря которой понятие приложимо ко всем треугольникам — прямоугольным, остроугольным и т. п.»¹¹.

Соединяя чувственность и рассудок способом, «каким воображение доставляет понятию образ», схема позволяет преодолеть противоречия индуктивного метода за счет той же самой «деонтологизации» реальности: пространство и время, считавшиеся прежде формами бытия внечеловеческого мира, предстали формами человеческой чувственности, вещи — явлениями, вещная диалектика общего и единичного — учением о схематизме рассудка. Поэтому схема позволяет вначале сконструировать идеальный объект и только затем отыскать его референт в реальности, т. е. предсказать вещи, с которыми мы еще не имели дела.

Поскольку трансцендентальная схема не должна содержать в себе ничего эмпирического и одновременно быть единством интеллектуального и чувственного¹², то Кант полагает, что в основе схематизма рассудочных понятий находится нечто такое «третье», которое не «эмпирично», но сознаваемо и чувственно, т. е. выглядит как некий условный код чистого априорного воображения (но не эмпирического априорного воображения, нагруженного чувственными образами). Такую «кодовость» Кант объясняет тем, что схема оказывается априорным определением времени и как таковая подводит пассивную пространственную способность схватывания (аппрегензию) под синтетическое единство апперцепции¹³. Другими словами: схема возникает тогда, когда понятия иллюстрируются чем-то **длящимся во времени**, поскольку время однородно как категорию, так и чувственным явлениям. Значит, схема выступает своеобразным методом «иллюстраций», хотя как метод и не дает четкого представления о получении общих понятий (в смысле Аристотеля); но приближает нас к разгадке¹⁴.

Теперь, с социологической точки зрения, весьма важно подчеркнуть, что кантовская установка по поводу универсального времени, одинаково применимого ко всем событиям в неизменном пространстве¹⁵, с неизбежностью приводит к пониманию схем как **неизменных**: ньютоновское, обыденное понимание времени отразилось на трактовке схем познавательной деятельности как статичных и неподвижных. Абсолютизовав набор познавательных схем только одной, ньютоновской, парадигмы, Кант во многом предвосхитил мо-

¹¹ Кант И. Соч.: В 6-ти т. М., 1964, т. 3, с. 223.

¹² Кант И. Соч., т. 3, с. 221.

¹³ Там же, с. 226.

¹⁴ Там же, с. 223.

¹⁵ Там же, с. 225—226.

дель развития науки, которую почти через 200 лет предложил Томас Кун.

Очевидно, что схемы нельзя отождествлять с категориями: важен не только категориальный состав схем, но и их конкретно-историческое «чувственное наполнение» — аналогии, метафоры, образы и т. д. Категории лишь членят мир в сознании субъекта, но не обязывают к творчеству: рассудок подводит под категории не невесть откуда взявшийся «иллюстративный» материал, а в метриках вполне конкретных метафор, транслируемых не только в пределах данной науки, но и в общекультурном контексте. В этом смысле схемы — это способ сопряжения «далековатых идей», способ метафорообразования (любое понятие — это метафора, свидетельствующая о реальности по принципу «как если бы...», где есть обязательно «иллюстративный» фон, онтологическая «картинка», символизирующая реальность); тут налицо единство метода (знания о процессе постижения объекта) и теории (где метафоры концептуализированы в системе так называемых идеальных объектов). Заметим, что Кант этот «иллюстративный» материал критической рефлексии не подвергает, а останавливается на факте антиномического выбора его исследователем, косвенно описывая две различные традиции и тем самым антиномичность методологического сознания своего времени. Так в знаменитых космологических антиномиях Кант описывает воззрения на мир, пространство и время двух традиций в физике — Ньютона и Лейбница, описывает несовместимость (сейчас мы бы сказали «дополнительность») двух подходов — континуалистского и дискретного, альтернативность принципов метафорообразования, т. е. в выборе иллюстративного материала. На этой констатации Кант останавливается, так как дальнейшее движение вывело бы его за пределы исходного «образа науки» как организованного единства истинного знания (получаемого посредством критико-рефлексивной работы самосознания в русле трансцендентальных идей) за пределы внутринаучной рефлексии в... социологию.

В самом деле: системность, теоретичность, законченность знания, по Канту, нельзя получить из опыта, следовательно, необходимо допустить в качестве условия существования явлений чувственно воспринимаемого мира некую умопостижимую сущность, т. е. бога¹⁶. Эта идея бога приращения знания не дает, так как она регулятивна, а не конститутивна и в этом качестве отсекает все лишние иллюстрации, обеспечивая и взаимопонимание ученых разных традиций, и преемственность знания. Здесь, по существу, Кант указывает на институционально-нормативный характер науки, но науки в «пределах только» одного научного сообщества, апеллируя к сверхсуществу.

¹⁶ Кант И. Соч., т. 3, с. 573.

Так «чистая» теория оказывается погруженной в социологическое основание. С этой точки зрения очевидно, что действительной борьбы традиций Кант не видит, находясь «внутри» ньютоновской парадигмы физики, когда последняя победила, вытеснив (до поры до времени) альтернативные подходы и концепции...

Это сближает Канта с концепцией Куна, поэтому рассмотрим ее кратко, не останавливаясь на общеизвестных местах, поскольку главное здесь — это соотношение «парадигмы» и «традиции».

Кун понимает развитие науки «как последовательность связанных между собой узлами традиции периодов, прерываемых некумулятивными скачками»¹⁷. Период так называемой «нормальной науки» Кун связывает с конкуренцией научных сообществ по поводу разрешения единых для всех «головоломок». Победа какого-либо набора схем решения головоломок, т. е. парадигмы, ведет к господству последней. Когда в парадигме накапливаются «аномалии», связанные с увеличением количества головоломок, не решаемых в ней, наступает «кризисный» период, длящийся до победы новой парадигмы и установления фазы «нормальной науки»¹⁸. Но поскольку каждая парадигма имеет свой уникальный набор познавательных схем, то парадигмы несоизмеримы, и характерные для них схемы исчезают вместе с «проигравшими» парадигмами как своими основами.

«Во время революции, — пишет Кун, — когда начинается изменение нормальной научной традиции, ученый должен заново воспринимать окружающий мир»¹⁹. Поскольку смена мировосприятий ученых ведет к смене интерпретативных схем, то фактически каждое новое научное общество начинает — по Куну — с «нуля», вырабатывая свою онтологию, свои факты, свой иллюстративный материал (принципы метафорообразования). Здесь нет разницы между прошлым, овеществленным научным трудом (знанием) и живым, актуальным научным трудом (познанием), и, абсолютизируя дискретность в развитии науки, Кун тем самым, как и Кант до него, абсолютизирует любую (но отдельно взятую — здесь различие с Кантом) парадигму. Абсолютизируя регламентированность нормальной науки, Кун ничего не говорит о нормативности предпарадигмальной стадии ее развития, когда парадигмы может не быть, либо в пределах одного сообщества ученых их сосуществует несколько. Выходит, что за прогресс в науке (как у начинающего любителя живописи) признается лишь парадигмальная регламентация, а отход от парадигмы или «реанимация» старой — это регресс: если для аристотеликов прогресс был во все большей «обкатке» учения Стагирита, то платонизм Кузанского или объективизм Бэкона — это регресс. Да и вопросы

¹⁷ Кун Т Структура научных революций. М., 1975, с. 262.

¹⁸ Там же, с. 105.

¹⁹ Там же, с. 146.

творчества нового остаются у Куна за бортом его концепции и описываются как допарадигмальное состояние.

В свете сказанного мы считаем необходимым переосмыслить понятие парадигмы и считать ею — вслед за В. В. Налимовым — известный набор норм «защитного» порядка. В этом новом значении парадигма предстает защитно-стабилизирующим механизмом науки, предохраняющим последнюю (на определенном этапе движения) от информационных искажений, экспансии в неплодотворные области и т. д. Парадигма становится канонем, догматическим тормозом, мешающим возникновению инноваций, что проявляется прежде всего в предвзятой технологии рецензирования рукописей, экспертизе, разного рода «давлениях» и поощрениях. Важно, что такое понимание парадигмы не отрицает поливариантности в развитии науки, допуская, что «в одно и то же время разные группы ученых могут работать, находясь под влиянием разных парадигм»²⁰.

Для чего науке такая каноническая парадигма?

Благодаря ей ученый не просто идентифицирует себя с тем или иным научным сообществом, а осуществляет саморефлексию, контролируя свой труд по ее законам. Далее, парадигма регенерирует информацию, так как знание, взятое как прошлый овеществленный труд, вне контакта с живым трудом (познанием) имеет свойство со временем забываться. Исторически и логически научное сообщество начинает свою деятельность с производства тождественных текстов по заданному канону, который образует некоторый «порог выживания», ниже которого сообщество распадается. Поэтому в интровертивном смысле парадигма — это своеобразное послание коллектива самому себе в будущее, предохраняющее его труд от засорения элементами (схемами) других парадигм.

Заметим, что в результатах парадигмально регламентированной деятельности мы всегда найдем схему производства данного типа текстов, их «теорию», неотделимую от них. Данный факт обуславливает непрерывность процесса обучения неопитов непосредственно на рабочем месте, где индивид становится профессионалом, проходя этапы «простого подражания, манеры, стиля» (Гете). Это свидетельствует о том, что **от одного поколения ученых к другому переходят не научные методы, а парадигмально регламентированные тексты:** подобно Поликлету, отцу канона, который изваял статую и написал книгу, назвав и то и другое одним словом «канон», научное сообщество создает канонические тексты, где теория и метод тождественны.

Если на этом факте остановиться, то станет ясно, почему Кун абсолютизировал «нормальную», т. е. нормализованную науку:

²⁰ Налимов В. В. Логика принятия гипотез в развитии научного познания. — В кн.: Наука в социальных, гносеологических и ценностных аспектах. М., 1980, с. 151, 160.

действительно, в парадигме, взятой как образец для подражания и обучения молодых ученых, знание и познание, теория и метод различимы лишь в абстракции. Да и методологического сознания на этом этапе нет: оно возникает на этапе «стиля», который связан с возможностью перехода индивида от одного вида деятельности к другому, из одного научного сообщества в другое.

Когда коллектив ученых свободно выбирает парадигму или их «букет», тогда возникает **научная традиция**, которая хранит и восстанавливает познавательные схемы и соответствующие социокультурные структуры. Вот здесь, в критике парадигм и их «контекста» — традиции — и появляется особая форма научного знания и сознания — методологическая: в связи с этим возможно самоопределение ученого не только в данной науке, но и в истории, культуре, возможен индивидуальный стиль ученого. Последний характеризует действительность методологического сознания ученого, степень критического отношения к собственным «подражаниям» и «манерам», способность видеть свои тексты не только в контексте своей школы, но и в контексте культуры и истории...

И самое интересное: **если традиция хранит и восстанавливает схемы деятельности, то парадигма-канон хранит и восстанавливает традицию**. Это легко видно в периоды «революций» или когда появляются различные «модные веяния»: в этот период парадигма усиливает свое влияние, объединяя нормы жизнедеятельности коллектива в целостность, выдавая «особенный интерес за всеобщий», универсализируя особенные познавательные схемы, ибо только жесткая система парадигмальной регламентации рецензирования статей, правил ведения научной полемики, экспертных оценок, «диссертабельных» тем и т. п. может противостоять внешнему «иномыслию» и «внутреннему инакомыслию». Научная традиция, напротив, характерна для периода «нормальной науки», допуская поливариантность точек зрения и парадигм и развиваясь благодаря этому. Чем больше иллюстративного материала различных познавательных схем не только «других» парадигм в пределах данной отрасли науки, но и из других сфер культуры вовлекается в научный труд коллектива, тем четче и артикулированное выявляет последний свои собственные методологические основания, создавая — посредством научных текстов, их массива — предпосылки для... новой парадигмы!

Помня о догматическом характере парадигмы, нельзя не отметить ее эвристическое значение. Помимо того, что она образует зримый, конкретный пережиток (и соответствующих персонифицированных апологетов-догматиков), в борьбе с которым новое вынуждено принимать его «правила борьбы» (тем самым осуществляя преемственность как знания, так и институтов науки), парадигма образует то, что называют «здоровым смыслом науки». Речь идет о

парадигмальном знании, общезначимом для усвоения каждым ученым (что обеспечивает взаимопонимание представителей различных традиций и защиту от внеучебных форм деятельности) — нормах научной этики, формальной логики, правилах полемики, отношении типа «учитель—ученик» и т. д. Сделайте последнее «невидимым», и ученые потеряют всякую опору дальнейшей деятельности. Жесткая парадигмация не всегда регресс: наличие двух похожих научных текстов заставляет тот же «здоровый смысл» сомневаться в подлинности одного из них (плагиат? фальсификация? копия?). Поэтому в парадигме—и как бы Кун на этом ни настаивал—нет абсолютного конформизма. К примеру, этнографам давно известно, что один тип (крой) одежды участников обряда, предусматривающий один-единственный канон — орнамент, не повторяется. Здесь имеется отношение не копий, а вариантов, не «конвейер», а живая игра по поводу реализации одного канона... В любом случае это одежда не этнографического ансамбля из города, пошитая машиной по-солдатски одинаково.

Эта особенность парадигмальной регламентации исследуется недостаточно: изучаются, как правило, не отдельные **научные тексты и нормы их индивидуального текстообразования в контексте парадигмы**, а сами парадигмы как варианты текстообразования в корпусе науки данного периода; выделяя инвариант, не замечают варьирования, хотя научная традиция и методологическое сознание существуют и развиваются благодаря вариациям.

Заканчивая, отметим, что предпосылки продуктивного историко-научного анализа не в последнюю очередь связаны с выяснением диалектики познавательных схем, парадигм и научных традиций как объективных мыслительных форм методологического сознания. И тогда становится ясно, почему «то, что не в традиции — то плагиат» (Стравинский), становится ясной необходимостью социологического исследования науки.

Д. В. ПИВОВАРОВ
Уральский университет

К ПРОБЛЕМЕ СИСТЕМАТИЗАЦИИ МЕТОДОВ НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ

Метод как форма практического и теоретического освоения действительности и система регулятивных принципов деятельности¹ стал объектом рефлексии значительно позже, чем исследование при-

¹ Философская энциклопедия. М., 1964, т. 3, с. 409.

роды категорий и принципов науки: Предпосылкой формирования абстракции «метод» явилось развитие у человека способности обобщать «не только будущий результат как цель своей деятельности, но и ту последовательность шагов в предстоящих ему действиях, которая даст возможность кратчайшим путем и с наименьшими усилиями достичь поставленной цели»².

Теоретическое отражение этой человеческой способности привело к представлению об известной самостоятельности и специфичности метода как формы действия в отношении к содержанию действия, имеющего телеономичный характер. Сформировались особые группы специалистов — технологов, методистов, методологов, которые стали разрабатывать и впрок планировать более или менее общие способы действий с классами предметов и последовательность их применения. Так, технологическая карта, используемая в производстве, предписывает работнику, какие и в какой последовательности методы обработки материала он должен осуществить, чтобы выполнить поставленную задачу.

Возникает вопрос: если во всякой конкретной технологической программе обнаруживается более или менее четкая формулировка последовательности осуществления приемов и методов действия, то нельзя ли построить единую систему если не всех, то хотя бы наиболее распространенных методов, установить их взаимосвязь и субординированность по степеням общности, существенности и эффективности? В этой статье мы обсудим три аспекта данной проблемы:

а) как эта проблема связана с пониманием предмета научной методологии?

б) можно ли создать универсальную систему общенаучных методов научного познания?

в) можно ли вывести (или свести) многие сравнительно общие методы развития знания из (или к) одной известной или пока неизвестной универсальной схеме действия, частными модификациями которой они бы выступали и которая явилась бы «началом» системы методов научного познания?

1. Предмет методологии науки и проблема систематизации методов.

Решение проблемы систематизации методов научного познания тесно связано с тем или иным пониманием самого предмета методологии науки. В самом общем плане методологию науки связывают с анализом путей и форм приращения знаний³, но при конкретизации ответа на вопрос о ее предмете единогласия, как известно, еще

² Куприян А. П. Проблема эксперимента в системе общественной практики. М., 1981, с. 20.

³ Сачков Ю. Ф. Методология науки: выбор направления. — Вопр. философии, 1977, № 4, с. 63.

не достигнуто. По нашему мнению, одна из действительных причин расхождения взглядов исследователей этой проблемы заключается в сознательной или чаще всего непреднамеренной изоляции тем или иным методологом одного из присущих методологии аспектов от других — либо предметного, либо операционного, либо нормативно-оценочного.

1.1. Предметное значение знания — это содержание знания, которое не зависит от сознания и деятельности субъекта и обусловлено содержанием преобразуемого и познаваемого предмета. При гипертрофировании предметного (а в самом общем плане — мировоззренческого) аспекта методологии на первый план выдвигается ее онтологическая сторона. Тогда «научный метод» прежде всего интерпретируют как «теорию в действии», что вуалирует его операционную специфику. Анализ особенностей природы отдельного метода в таком случае обычно сводится к анализу конкретного содержания того класса предметов, средством изменения которых выступает данный метод. Онтологическая программа вряд ли может реализоваться в чистом виде в силу того, что между теорией и связанным с нею методом существует не только некоторое тождество (теория создает абстрактные предпосылки формирования схемы действия с реальными объектами), но и заметное различие. Теоретическое знание и знание методологическое — это различные и подчас даже малосравнимые между собой по своему концептуальному качеству системы⁴. Например, теория механики оперирует понятиями масса, энергия, импульс и т. п., а ориентированный на нее метод описывается понятиями эксперимент, модель, идеализация и т. п., включает в себя помимо теоретических и эмпирические процедуры. Принципиально новое знание невозможно вывести из уже существующих теорий; без специального инструментально-операционного оснащения теория бессильна превратиться в метод получения такого знания. В этом смысле мы не можем безоговорочно разделять, например, утверждение о том, что материалистическая диалектика как теоретическая система одновременно является всеобщим методом научного понимания. Чаще всего метод получения новых знаний начинается формироваться в проблемных ситуациях, т. е. возникает не из завершенных теорий, а, скорее, из «теорий-полуфабрикатов»⁵. Таким образом, взгляд на метод как на теорию в действии является весьма упрощенным.

1.2. Существует предложение свести методологию к исследованию общих схем научной деятельности с точки зрения их происхождения и функционирования, отвлекаясь от влияния на нее мировоз-

⁴ Бухалов Ю. Ф. Соотношение теории и метода в научном познании. — Филос. науки, 1981, № 4, с. 135.

⁵ Юдин Б. Г. Методологический анализ функционирования научного знания. — Вопр. философии, 1982, № 8.

зренческих и социокультурных факторов. Смысл такой идеологически нейтральной исследовательской программы — в объективной реконструкции познавательных целей и связанных с ними схем действий тех ученых, которые оставили заметный след в истории науки. По сути дела такая методология превратилась бы в эволюционно-историческую теорию научной деятельности, описывалось бы и объяснялось, как и почему ученые создавали и применяли те или иные методы⁶. Проблема систематизации методов научного познания стала бы в основном проблемой истории науки, гносеологический аспект которой заключался бы в разнесении методов в соответствии с эмпирическим и теоретическим уровнями научного познания и в зависимости от времени зарождения этих методов.

Чисто историко-операционная программа систематизации методов является односторонней, поскольку процедурная сторона метода не может быть удовлетворительно понята без соотнесения ее с предметным содержанием метода, которое поставляется теоретическим знанием. Чем больше теория предсказывает, тем больше вероятность возникновения на ее основе эффективного метода. Нельзя не учитывать мировоззренческий аспект методологии, поскольку специфика и структурные особенности того или иного метода в определенной степени подчиняются «объективной логике» тех классов предметов, для освоения которых человек изобретает свои методы⁷. Сами по себе методы, пишет Ле Хью Танг, не приводят к неверным результатам, не могут квалифицироваться как порочные, но результаты применения методов могут быть неверно или верно истолкованы в зависимости от мировоззренческих установок методолога⁸. Чрезмерное расширение сферы приложимости отдельного метода приводит к появлению метафизических методологических программ всеиндуктивизма, вседедуктивизма, всеальтернативизма и т. п.

1.3. Наконец, односторонней нам представляется и программа построения методологии как сугубо нормативно-оценочной дисциплины, которая, будучи мировоззренчески нейтральной, была бы нацелена на систематическое описание ныне существующих методов как строго сформулированных алгоритмов деятельности, причем отвлекаясь от истории их становления. Сильной стороной этой программы является ее практическая, методическая, прикладная сторона, а также ее особый интерес к обсуждению сущего и должного в действиях ученых, путей оптимизации утвердившихся методов.

Кмита Е. Методология науки как теоретическая дисциплина. — *Вопр. философии*, 1973, № 5, с. 101.

⁷ *Ильичев Л. Ф.* О соотношении философских и методологических проблем. — *Вопр. философии*, 1967, № 4.

⁸ *Танг Ле Хью.* О содержании понятия «методология». — *Филос. науки*, 1976, № 4, с. 102.

Однако ориентация только на анализ текущего методологического опыта без привлечения результатов историко-научных исследований методологической реальности значительно снижает возможности вскрывать тенденции изменения форм методологического сознания. Методология, описывающая только набор методов и ситуаций, в которых целесообразно применять определенные сочетания методов, свелась бы к методике, а проблема систематизации методов потеряла бы особый теоретический смысл. Но аналогично тому как криминалистика, исследующая методы совершения преступлений, не может заменить собою криминологию, изучающую общие причины преступности, методика не подменяет собою методологию без ущерба для последней.

Стиль методологического мышления меняется в зависимости от повышения или понижения интереса методологов и философов к какому-либо одному из аспектов методологического знания — к предметному, операционному или нормативно-оценочному. Эти аспекты сопряжены соответственно с тремя структурными компонентами субъект-объектного отношения: объектом, деятельностью и субъектом. Однако конъюнктура не должна приводить к забвению того или иного присущего методологии науки аспекта, в противном случае методологическое знание обедняется, развивается однобоко. Действие (метод) всегда предметно; предметное содержание познается субъектом в процессе воздействия на предметы; правильность, эффективность и ценность способа действия с предметами зависит от глубины познания сущности предметов.

Следовательно, в процессе систематизации методов научного познания очень важно учитывать диалектическое единство всех трех обсужденных выше аспектов методологии, не гипертрофировать и не исключать из поля зрения какой-либо один из них. Вместе с тем «не гипертрофировать» — не значит не выделять среди этих аспектов ведущий, основной. Научный метод прежде всего есть знание о способе достижения практической или познавательной цели, которую ставят перед собою ученые. Законы познания производны от практической деятельности людей, а эта деятельность далеко не всегда совпадает с содержанием предмета, на который она направлена. Например, операционные структуры способов определения веса тела путем взвешивания на пружинных весах или путем вычисления объема вытесненной телом жидкости отличаются друг от друга, и особенности этих методов невозможно прямо вывести из сущности гравитационного поля.

Являющийся прежде всего алгоритмом деятельности метод не следует трактовать как знание о предметах как таковых, т. е. самих по себе, хотя в методе, если он достаточно хорошо пригнан к сущности более или менее широкого класса предметов и эффективно выполняет свои функции, неявно запечатлено и предметное (истин-

ностное) содержание. Операционная и предметная стороны метода находятся в единстве, далеко не всегда совпадая друг с другом. Чем глубже деятельность ученого погружается в предмет, тем точнее совпадение предметной и операционной сторон метода, тем меньше различие между его «правильностью» и «истинностью». Решать, что в сплаве предметного и операционного в методе обусловлено особенностями нашей деятельности, а что самими вещами, позволяет только дальнейший прогресс науки и практики. Актуально же, независимо от того, осознается или не осознается это обстоятельство, методы в первую очередь детерминированы спецификой деятельности, в частности научной. Поскольку методологическое знание интериоризуется из устойчивых структур научно-практической или умственной деятельности, постольку при решении проблемы систематизации методов научного познания основное внимание следует уделять именно операционному аспекту методологии, исследуя его как в историко-научном, так и в нормативно-оценочном плане.

II. Возможна ли универсальная система общенаучных методов?

Итак, метод как форма действия прежде всего имеет инструментальный характер. В отличие от содержания того или иного конкретного действия метод сопряжен со средством деятельности, с орудием труда, применимым не только в данной, но и во многих других ситуациях. Поставленная цель может осуществляться самыми различными способами, при помощи самых различных инструментов. Будучи осознанными и эксплицированными, эти способы действия (т. е. операции) становятся методами. Если действия соотносятся с целями, отмечает А. Н. Леонтьев, то операции соотносятся с условиями действия⁹. Например, идеализированный объект является инструментом мысленного эксперимента, модель — средством моделирования, аналогия — средством осуществления аналогии как метода научного познания.

Если принимать во внимание сложность и противоречивость взаимодействия предметного и операционного компонентов, входящих в содержание метода, то нетрудно увидеть, что проблема построения системы общенаучных методов имеет два аспекта:

а) **предметный аспект:** система методов представляет собой образ существенных связей между предметами окружающего нас мира; в этом случае «метод» и «теория» мало чем отличаются друг от друга;

б) **операционный аспект:** система методов мыслится как некоторая целостная система связей наиболее общих типов действий по

⁹ Леонтьев А. Н. Проблема деятельности в психологии. — Вопр. философии, 1972, № 9, с. 106.

освоению мира¹⁰; метод и теория могут существенно отличаться друг от друга.

Совершенно ясно, что ни чисто «предметную», ни чисто «операционную» систему методов в отрыве друг от друга построить нельзя, поскольку предметный и операционный компоненты являются атрибутами метода. Речь может идти лишь о расстановке акцентов: то ли при построении системы методов нужно прежде всего обращать внимание на ее предметный аспект, то ли на операционный. Весьма сомнительными представляются нам попытки создания системы методов по аналогии с «онтологическими системами» категорий диалектики, а также попытки систематизировать методы по основанию очередности их возникновения в истории науки. Такого рода системы весьма искусственны, в них трудно провести водораздел между «существенностью» одного метода (скажем, метода формализации) и «несущественностью» другого метода (например, метода дедукции).

Как инструмент познания и действия метод закрепляет в себе успех действия с кругом идеальных или материальных объектов. Можно ли создать в принципе систему методов, в которой отражалась бы раз и навсегда заданная последовательность общих и наиболее общих способов действий по преобразованию природной и социальной действительности? Полагаем, что это вряд ли возможно, если реально смотреть на вещи. Последовательность операций в значительной степени определяется конкретными и разнообразными условиями действия, меняется в любом направлении, зависит от совершенствования инструментария. Тот или иной материальный объект можно обрабатывать по-разному, используя, например, методы резания, кручения, дробления и т. п. Теоретическое познание в одном случае может начинаться с индуктивного обобщения опытных данных, в другом — с конструирования системы аксиом или математической схемы, в третьем — с мысленного модельного эксперимента.

Спрашивается, с чего нужно начинать действовать, с какого инструмента и с какого сопряженного с ним типа действия? Очевидно, всякий раз последовательность операций определяется веществом предмета, его сущностью и характером потребности человека. В одном случае начинают действовать молотком, в другом — пилой и т. д. По-видимому, аналогично обстоит дело и в случае с системой общенаучных или философских методов. Их последовательное сочетание определяется объектом рассуждения или действия. Здесь напрашивается параллель с реально функционирующими в практике научного и философского исследования (а не просто с провозглашаемыми рядом философов) системами категорий диалектики, кото-

¹⁰ Подчеркнем, что речь идет именно о систематизации методов, а не об их классификации (например, на частнонаучные, общенаучные и философские).

рые вовсе не претендуют на универсальность. Скажем, содержащаяся в «Капитале» К. Маркса система категорий диалектики начинается с категорий «абстрактное» и «конкретное». Так того требует специфический предмет исследования «товарное производство», ключом к которому служит анализ диалектики абстрактного и конкретного труда. Исследование такого предмета, как «развитие», обычно начинается с выяснения диалектики устойчивости и изменчивости, а далее привлекаются категории обратимости и необратимости, тождества и различия, сущности и явления, противоречия... Система гносеологических категорий начинается с диалектической пары «практика—познание», вокруг которой komponуются категории материи и сознания, объективного и субъективного, а далее следуют «истина—заблуждение», «знание». Иначе говоря, каждая из систем категорий или методов применима только в ограниченной области, выполняет вполне определенную функцию и не является универсальной.

Конструирование различных сочетаний общенаучных методов имеет, на наш взгляд, такую же ценность, как создание логико-математического аппарата. Как не существует единственной и подходящей для всех случаев системы «фигур логики», так и не может существовать универсальной системы общенаучных методов. Можно просто впрок планировать различные последовательности методов действия с конкретным материалом, которые можно применять в зависимости от специфики производственной или исследовательской программы. Инвариантное содержание, обнаруживающееся в процессе сравнения между собой различных вариантов сочетаний операций над конкретным материалом, вероятно, и есть независимый от специфики научно-исследовательской деятельности предметный (в онтологическом смысле мировоззренческий) аспект системы общенаучных методов.

III. Проблема субстанциального метода научного познания

Можно ли выделить из ныне существующих методов или создать в будущем какой-то один универсальный (назовем его субстанциальным) метод научного познания? Эта проблема, уже не одно столетие волнующая исследователей, сегодня становится особенно актуальной для системного анализа методологии и тесно связана с задачей систематизации методов. Впервые в явном виде она была сформулирована философией Нового времени (прежде всего Ф. Бэконом и Р. Декартом) и представлена двумя альтернативными методологическими программами эмпиризма и рационализма.

Эмпиризм возник как реакция на натурфилософию. Новые и новые доставляемые науке экспериментом факты входили в непримиримое отношение к прежним умозрительным «системам природы». Ф. Бэкон усмотрел субстанциальный метод научного познания в ин-

дукции, хотя и не всегда проводил свой взгляд последовательно, поскольку сам способ доказательства этого утверждения был построен им на основе дедукции. По мнению эмпириков, наука должна начинаться с поиска фактов, в которых ученый индуктивно усматривает общее, формулирует эмпирические регулярности и теоретические законы. Всеиндуктивизм породил кумулятивистский взгляд на развитие науки: постепенное накопление и индуктивное обобщение фактов будто бы лишь экстенсивно расширяет здание теорий, но не меняет принципиальным образом существа науки (П. Дюгем).

Несостоятельность всеиндуктивизма стала особенно очевидной в период кризиса методологии позитивизма. Стало ясно, что здание науки не может базироваться на индуктивно упорядоченных «чувственных данных». Факт не есть нечто абсолютно автономное, он теоретически нагружен, зависит в известной мере от его концептуальной интерпретации и, более того, он подчас сам дедуктивно предсказывается теорией. Поэтому индукция далеко не всегда является исходным научным методом.

Отвергая попытки объявить индукцию субстанциальным методом научного поиска, Ф. Энгельс писал: «...Вот приходят Геккели со своей индукцией и трубят, как о каком-то великом деянии — против Гегеля — о том, что надо восходить от единичного к особенному и затем к всеобщему <...>. По мнению индуктивистов, индукция является непогрешимым методом. Это настолько неверно, что ее, казалось бы, надежнейшие результаты ежедневно опрокидываются новыми открытиями»¹¹.

Пантеоретизм, выступая методологической альтернативой всеиндуктивизму, безуспешно надеялся найти универсальный метод развития и проверки знания внутри самого здания теории. В качестве такового провозглашался гипотетико-дедуктивный метод, посредством которого можно было бы «выводить» факты из некоторой умозрительно построенной схемы. В особенности такой подход характерен для неокантианской методологии. Вскрывая неправомерность сведения всей системы научных методов к индукции, неокантианцы полагали, что к теории следует идти не от индукции и не от эмпирии, а наоборот, от дедуктивно преобразуемой онтологической схемы к эмпирии, от общего к частному (Г. Коген). И открытием такого рода схемы объясняется феномен революции в науке.

Однако пантеоретизм оказался слабым как раз в том, в чем была сильная сторона всеиндуктивизма. Как все-таки возникает новое знание? Если не из новых фактов, то, по-видимому, из интуиции, изолированной от практики и призванной «конструировать» эту практику? Но откуда же черпает свои интуиции и посылки для де-

Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 540—543.

дуктивных преобразований рационалист-методолог? Этот вопрос оказался подлинным камнем преткновения для вседдуктивизма.

Односторонность эмпиризма и рационализма в решении проблемы систематизации общенаучных методов и указания субстанциального метода стала явно ощущаться сегодня многими представителями философии науки. В последние десятилетия можно констатировать известное сближение двух методологических программ, их синтез в некий диалектико-образный «критический рационализм».

Это сближение, в частности, выражается в том, что позитивизм отказался от метода верификации как от якобы фундаментального средства научного поиска и универсального критерия истины (верифицируемость есть сторона позитивистски трактуемого метода индукции). К. Поппер, предлагавший в свое время в противовес верифицируемости считать универсальным методом фальсификации, в конце 1970-х годов был вынужден ослабить суверенность фальсификации, признал ее ограниченность.

И все же стремление сконструировать новую монистическую концепцию научного открытия, которая была бы лишена пороков как эмпирического редукционизма, так и пантеоретизма и в то же время, как и они, исходила бы из веры в существование субстанциального метода научного познания, остается одной из характерных и неустрашимых черт буржуазной философии науки.

В создаваемых за последнее время вариантах такой системы методов обращает на себя внимание попытка эксплицировать так называемый метод альтернатив и примерить его на роль первоначала в системе философских и общенаучных методов. Данный метод, несомненно, обладает в известных границах эвристической ценностью. Но, незаконно квалифицируемый как базовая детерминанта всякого научного открытия, он имеет тенденцию превращаться в своего догматического двойника, попирающего «демократические права» иных общих методов научного творчества. Суть этого метода — в требовании конструировать как можно больше альтернатив и с их помощью критиковать существующие теории, не приближаясь однако к какой-то единой точке зрения на объект исследования.

Невозможно найти отправной пункт познания, утверждает К. Поппер, а потому неважно, с чего начинать познание. Важно лишь то, что если у нас имеется в запасе некоторая гипотеза, нужно попытаться отыскать для нее альтернативу и в ходе критики взаимомисключающих догадок выявлять и устранять ошибки¹². «Знание построено на песке, но оно может быть развито посредством критики»¹³ П. Фейерабенд описал структуру метода альтернатив¹⁴ и в

¹² Popper K. *Objective Knowledge*. Oxford, 1972, p. 143.

¹³ Там же, p. 104.

См.: Фейерабенд П. Ответ на критику. — В кн.: Структура и развитие науки. М., 1978, с. 421—422.

особом его статусе усмотрел методологическое оправдание плюрализма теорий, описывающих один и тот же объект¹⁵. Основной вывод, к которому пришли Поппер и Фейерабенд, заключается в суждении: «критика альтернатив есть все, а истина — ничто», что слабо согласуется со здравым смыслом.

Всегда можно привести немало примеров тому, как критика, в особенности на ранних этапах развития теории, не только не благоприятствует делу, но, напротив, наносит ему ущерб. Атмосфера релятивизма и беспредельной критики возбуждает у ученого состояние психологической неуверенности при выборе гипотезы, затрудняет развитие концепции до ее логического завершения. Как верно отмечает Т. Кун, «изобретение альтернатив — это как раз то средство, к которому ученые... прибегают редко... Как и в производстве, в науке смена инструментов — крайняя мера, к которой прибегают лишь в случае действительной необходимости»¹⁶. Далеко не всегда альтернативы способны быть соразмерными утвердившимся в науке фундаментальным теориям. Выработка альтернативы так или иначе предполагает использование целого набора общенаучных методов, а потому не может считаться безусловно первичным условием научного познания. Как видим, попытки философов науки отыскать новый субстанциальный метод научного поиска не приводят к ожидаемому успеху.

Немало было высказано и предложений положить в начало системы общенаучных методов так называемые сквозные методы, входящие в той или иной форме в операционную структуру ряда эмпирических или теоретических методов. Большие надежды в этом отношении возлагаются, например, на метод экстраполяции, который пронизывает и индукцию, и дедукцию, и аналогию, и метод моделирования, и вообще все те методы, которые связаны с операцией переноса знания с одной предметной области на другую. Исследования показали однако, что экстраполяция приносит верные результаты далеко не всегда; как общенаучный метод правильна лишь та экстраполяция, которая последовательно проходит (а тем самым ограничивается) через эмпирические, теоретические и мировоззренческие «фильтры правильности»¹⁷.

Все эти методологические уроки наводят на мысль о том, что для структуры совокупной научной деятельности вряд ли характерна жесткая субординация в отношениях между общенаучными спосо-

¹⁵ Анализ метода альтернатив см. в статье: *Пивоваров Д. В. Метод альтернатив в современной «философии науки» и его границы.* — *Филос. науки*, 1979, № 6.

¹⁶ *Кун Т. Структура научных революций.* М., 1977, с. 109.

¹⁷ См.: *Андрусенко В. А. Поливариантность и истинность научной экстраполяции.* — В кн.: *Ленинская концепция истины и идеологическая борьба.* Свердловск, 1980.

бами развития знания. Более того, если эти методы рассматривать безотносительно к конкретным исследовательским программам, в которых их иерархия может выстраиваться как угодно, то, по-видимому, не лишено смысла утверждение, что они коррелируют, скорее, на равных основаниях, взаимополагают, но не подменяют друг друга. Мир бесконечно разнообразен, требует для своего познания создания все новых и новых методов, которые дифференцируются и интегрируются в процессах дифференциации и интеграции наук. Поэтому, по крайней мере сегодня, маловероятно выстроить иерархию методов в зависимости от близости их к «субстанциальному» методу.

Особую сложность представляет вопрос о систематизации философских методов и о выделении среди них исходного метода философского исследования. Обычно в качестве такого метода в марксистской философии называют «диалектический метод». Быть может, это верно, но лишь в самом широком смысле, когда под диалектическим методом подразумевают антиметафизический подход к исследованию явлений действительности. Однако это скорее некоторый особый «дух» научного исследования, его стиль, но не метод в точном смысле слова. Диалектика как «всеобщий метод» есть образование комплексное, состоящее из совокупности специальных приемов, принципов, операционно нагруженных законов и категорий. Так или иначе встает проблема систематизации диалектико-логических операций. Диалектические методы не подменяют собой общенаучные методы и не являются их прямолинейным обобщением. Вряд ли правильно было бы утверждать, что методы диалектики могут быть положены в исходное начало системы общенаучных методов: а) с одной стороны, общенаучные методы (индукция, дедукция, аналогия и т. д.) в меньшей степени, чем в конкретных науках, применяются в философских исследованиях; б) с другой стороны, некоторые общенаучные методы по степени своей общности могут быть выше (абстрактней), чем диалектико-логические операции (например, экстраполяция, метод альтернатив, метод «черного ящика»).

Б. М. Кедров постоянно настаивает на целесообразности выделять в качестве универсального метода изложения предмета диалектики как науки метод восхождения от абстрактного к конкретному. Он полагает, что этому методу подчиняются все известные диалектико-логические приемы, что он фактически совпадает с методами изложения материала в других науках¹⁸. Соглашаясь с тем, что данный метод может иметь серьезное значение для изложения некоторых философских или нефилософских теорий, мы не можем признать верным расширительное толкование Б. М. Кедровым мето-

¹⁸ Кедров Б. М. О методе изложения диалектики от абстрактного к конкретному. — *Вопр. философии*, 1978, № 1, 2.

да восхождения, его намерение отождествить метод восхождения с суммой всех основных философских и общенаучных методов, в результате чего исчезает его специфика. Оппоненты Б. М. Кедрова, принявшие участие в дискуссии по этому вопросу, резонно утверждали, что метод восхождения от конкретного к абстрактному ничуть не менее общий и плодотворный, чем метод восхождения от абстрактного к конкретному; что последний годится для логического воспроизведения развития от простого к сложному, т. е. прогрессивного, не регрессивного процесса; что он неприложим к анализу механических или аксиоматизированных систем¹⁹.

Если же квалифицировать метод восхождения как отдельный специфический метод, не покрывающий собой иные методы философского исследования и не тождественный диалектико-логическому инструментарию вообще, то не следует считать, будто он и только он гарантирует всестороннее изложение диалектики. Данный метод не имеет приоритета, например, над методами «раздвоения единого» или «конкретного отождествления противоположностей». По-видимому, как и в случае с систематизацией общенаучных методов, выделение субстанциального диалектико-материалистического метода является весьма проблематичным.

С. З. ГОНЧАРОВ
Свердловский инженерно-педагогический институт

СОЦИАЛЬНОЕ ОСНОВАНИЕ ПРИНЦИПА САМОДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Отношение (целого) к самому себе означает самонаправленную целостность, которая в процессах самоизменения, противоречия, в смене своих форм утверждает себя как основа в обоснованном и остается в круговоротах своего жизненного процесса диалектическим себестождественным единством. Совершая расширяющий спиралевидный круговорот, целостность возвращается к себе на более конкретной и развитой основе. Включая структуру круговорота, отношение (целого) к самому себе включает отрицание отрицания, а значит, и момент снятия. Выражая противоречие в наиболее развитой форме (в самодеятельности), данное отношение позволяет отобразить противоречия и в иных сферах, воссоздать саморазвитие целостности на собственной основе, довести понимание движения до самодвижения, причинности — до *causa sui*.

Логическую основу метода восхождения от абстрактного к кон-

¹⁹ См.: Капустин А. П. Споры о путях изложения диалектики (обзор). — *Вопр. философии*, 1979, № 6.

кретному составляет движение мысли от всеобщих отпределений к особенным и к их синтезу в единство многообразного, в мысленную целостность, конкретность. Какова логика этого синтеза, логика понятийного воссоздания реальной целостности? Эта логика основана на особом отношении — отношении (целого) к самому себе. Цель данной статьи — конкретизировать социальное основание этого отношения.

Историю философии пронизывает генеральная логическая проблема: как воссоздать в понятиях целое, если оно определяется не извне, а изнутри и основу своего бытия содержит в себе, а не в другом; т. е. является самобоснованным и саморазвивающимся. Логика, ограниченная принципом «действие на другое» («бытие-для-другого»), бессильна перед такой проблемой, так как она скроена по мерке механической причинности: одно определяется другим, а другое — иным другим и так до бесконечности. Регресс в бесконечность возникает потому, что эта логика за **внешним отношением к другому** упускает **внутреннее отношение — отношение (целого) к самому себе**. Такая односторонняя логика при воссоздании саморазвивающегося целого прибегает к своему излюбленному приему — спасается бегством в «дурную» бесконечность, в бесконечный регресс причин и следствий; реальная целостность диктует такой логике невыполнимое для нее условие — понять действие на другое как момент действия на себя, понять определение извне как момент самоопределения; словом, «за отношением к другому видеть скрытое за ним отношение к самому себе, внутреннее отношение вещи»¹. Согласно представителям такой недиалектической логики, отмечал Э. В. Ильенков, «отношение может быть только между одним и другим! Только между двумя разными вещами! Отношение к самому себе — это абсурд, нелепость, незаконное сочетание терминов!» А ведь разговор со сторонником такой формальной логики, продолжает Э. В. Ильенков, начался с того, что у него спросили, как он себя чувствует, и он ответил: «Нормально». «В этой форме, в форме **самочувствия**, «отношение к самому себе» было понятно и ему. Но отношение к самому себе как **телесное** отношение... мышление, скованное постулатами формальной логики, он понять не в состоянии»².

Разумеется, принцип объяснения через «другое» необходим, но недостаточен, например, в понимании субстанции, т. е. самодостаточного универсального начала, вне которого ничего нет, нет даже этого «вне». Поэтому объяснить субстанцию (материю) через другое (например, божественную силу) нельзя. В еще большей мере принцип объяснения через другое недостаточен, когда речь идет о

¹ Ильенков Э. В. Диалектическая логика: Очерки истории и теории. М., 1974, с. 243.

² Ильенков Э. В. Что же такое личность? — В кн.: С чего начинается личность. М., 1979, с. 208—209.

самоопределении человека, вообще о самодвижении, саморазвитии; т. е. когда мысль наталкивается на тождество противоположностей, на противоречие, в рамках которого объект действия и носитель действия совпадают. И такое совпадение встречается в практике человека на каждом шагу, оно зафиксировано уже на уровне языка в виде возвратных местоимений и глаголов! Через эти местоимения и глаголы проявляется устойчивая мыслительная форма (логическая категория) — отношение (целого) к самому себе. Задача состоит в осознании этого отношения.

Осознанию же этого отношения препятствуют обстоятельства **гносеологического и социального** порядка. Гносеологическим корнем логики, ограниченной отношением «к другому, является то, что мысль не выходит за рамки **наличного бытия** (где одно ограничено другим и т. д.) в сферу сущности. То, что в сфере сущности есть самоопределение, воздействие на себя, в мире явлений обнаруживается как действие на «другое», как определение извне. Например, в процессе обращения капитала (сфера явлений) **один** отдельный капитал действует на **другой**, и каждым из них это внешнее действие (конкуренция) воспринимается как определение извне, как внешняя необходимость, принудительно ограничивающая свободу их функционирования. Однако отдельные капиталы есть органы совокупного капитала как целого. И за отношением одного капитала к другому скрывается внутреннее отношение капитала как целого к самому себе. Через внешнее воздействие отдельных капиталов осуществляется воздействие капитала как целого на самого себя, реализуется его «самоопределение». В действительности «конкуренция представляет собой отношение капитала к самому себе как к другому капиталу»³, «самоопределение» капитала как целого⁴. Конкуренция приводит в исполнение «внутренние законы капитала»⁵ в форме внешней необходимости для отдельных капиталов.

Социальным же основанием логики «действия на другое» является отчуждение человека от человека, присущее буржуазному обществу, где индивид превращается в объект для внешнего манипулирования, в «точку действия для другого» (В. С. Библер) со стороны анонимных общественных сил. «Привычку трудиться по полученным извне правилам и нормам он (индивид.—С. Г.) переносит во все области своей жизнедеятельности... Такая ситуация типична для современного буржуазного общества»⁶. Такая детерминация извне впечатливается в сознание самым образом жизни и превращается в «достоверный», самоочевидный навык мысли, который возво-

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. 2, с. 154.

⁴ Там же, ч. 1, с. 391.

⁵ Там же, ч. 2, с. 265.

⁶ Социалистическое общество: Социально-философские проблемы современного советского общества. М., 1975, с. 184.

дится некритично философским сознанием во всеобщую схему миропонимания. Эту схему, за которой скрываются антигуманные обстоятельства, позитивистский рассудок объявляет единственно «научной», а логику самодетерминации толкует как «темную гегельянщину», не соответствующую действительности. Диалектика самодеятельности на самом деле не соответствует буржуазной действительности.

Именно отделение деятельности от самодеятельности, изменения объекта от «самоизменения» субъекта, функций исполнительных от законодательных порождает отчужденность в практику, ту социальную ситуацию, в которой индивиды производят свое общественное бытие как чуждое себе «инобытие», что и составляет социальную почву логики «действия на другое».

Отношение к самому себе входит в сущность диалектической связи. Поэтому в истории философии диалектическая логика развивалась в поисках подобного отношения, позволяющего отобразить в понятиях процесс самообоснования, самоопределения целого. Идеи Гераклита о мерных ритмах космического огня, *causa sui* Спинозы, самодеятельность монад у Лейбница, самополагание «Я» у Фихте, «становление себя самим собою для себя» (логически — «для-себя-бытие») у Гегеля — эти идеи, конкретизирующие друг друга, были направлены на преодоление логики, ограниченной отношением к другому. Ограниченность этой логики побуждает и теоретиков естествознания ставить под вопрос казавшуюся ранее очевидной саму логическую основу общего воззрения на предмет — «всеобщность классического предмета (и субъекта) — точки действия на другое»⁷. В современном мышлении утверждается идея предмета (у субъекта) как *causa sui*, идея самодвижения как самодействия, самодеятельности⁸.

Отношение (целого) к самому себе исполняет в работах К. Маркса громадную методологическую роль, является важнейшим в Марксовом методе. И «без четкого понимания этого пункта, этого решающего ядра логики «Капитала» невозможно ничего понять ни в «Капитале», ни в его логике»⁹. Отношение к самому себе — «решающее ядро» логики всех теоретических работ К. Маркса, например, «Экономическо-философских рукописей 1844 года». Рассматривается ли отношение труда к капиталу, субъекта к объекту, одной нации к другой и т. д., всегда за внешним отношением одного к другому К. Маркс вскрывает внутреннее отношение (целого) к самому себе. В тезисах о Фейербахе одностороннее утверждение об

⁷ Библер В. С. Мышление как творчество. Введение в логику мысленного диалога. М., 1975, с. 191.

⁸ Там же, с. 135.

⁹ Ильенков Э. В. Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» К. Маркса. М., 1960, с. 249.

изменении человека обстоятельствами К. Маркс развивает в положении о «самоизменении» людей путем изменения обстоятельств. В этом положении одностороннее отношение воспитатель—воспитуемый, определяющее—определяемое оказывается моментом самоопределения людей в «революционной практике», где человек выступает одновременно и субъектом и объектом действия, и воспитателем и воспитуемым, и законодателем и исполнителем собственных принципов.

Социальную основу преобразования логики «действия на другое» в логику самообоснования и саморазвития целого раскрыл К. Маркс в положениях о «самоустремленном» общественном субъекте, о труде как свободном «самоосуществлении» человека в форме «самодетельности»¹⁰. Эту основу можно конкретизировать на уровне субъекта самодетельности, межсубъектных отношений и общества самодетельности в целом.

Доля самодетельности в общественном производстве обусловлена уровнем развития технологии, экономической формой труда и целью производства¹¹. Цель коммунистического общественного производства — целостное и универсальное развитие индивидов, их культурно-историческое обновление путем обновления форм деятельности и общения на основе постоянного преобразования предметного мира богатства. С упрочением коммунизма, с превращением труда в полное развитие самой деятельности (т. е. в самодетельность) человек, отмечал К. Маркс, производит себя не в односторонней определенности, а целостно, «он не стремится оставаться чем-то окончательно установившимся, а находится в абсолютном движении становления»¹². Это «движение становления» осуществляется в форме полной самодетельности, не скванной скудной технологией и узкой стоимостной формой. Теперь обслуживать такое «движение становления» может только диалектическое мышление, логика которого резюмируется в отношении (целого) к самому себе.

Самодетельность есть такой вид деятельности, в которой изменение объекта подчинено «самоизменению» субъекта. В деятельности (в узком смысле этого слова) доминирует направленность на преобразование объекта, противоречие между объектом и субъектом. В самодетельности же превалирует направленность субъекта на преобразование самих схем человеческой деятельности, противоречие между деятельностью определенной (представленной в пространстве) и деятельностью актуальной, протекающей во времени. Изменять же схемы собственной деятельности субъект может единственным способом: он воплощает их в природном материале,

¹⁰ Об этом см.: Библиер В. С. Мышление как творчество, с. 135.

¹¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 68—69.

¹² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. 1, с. 476.

отделяет от себя пространственно и превращает в предмет для преобразования. Предметом самодеятельности субъекта являются схемы его собственной деятельности. Поэтому данный субъект не «теряет» себя в предмете, не отчуждается от себя в актах самодеятельности. За внешним отношением к «другому» (предмету) он усматривает внутреннее отношение к самому себе, к своим продуктивно-творческим силам, в предмете запечатленным. «...Человек, — замечает К. Маркс, — не теряет самого себя в своем предмете лишь в том случае, если этот предмет становится для него человеческим предметом, или опредмеченным человеком»¹³. Таким образом, субъект самодеятельности есть существо «самоустремленное» (К. Маркс), самонаправленное. Он функционально различается на предмет действия и на действующее начало; на то, что совершает действие, и на продукт этого действия. Субъект самодеятельности **противопоставляет** себя (как формируемый материал) самому себе как формирующей деятельности; одновременно он объемлет эти противоположности—результат и процесс. Соединяя в себе эти противоположности, субъект есть **противоречие** между деятельностью ставшей и становящейся, между **культурой наличной и возникающей**. В акте противопоставления отношение к другому (опредмеченной деятельности) подчинено отношению (субъекта) к самому себе. Данное отношение выражает **самонаправленность субъекта в акте противопоставления**, оно соединяет противоположные моменты в единство и является **стержнем** противоречия и самодеятельности.

В актах самодеятельности субъект устремлен на развитие и обновление творческих сил безотносительно к «заранее установленному масштабу» (К. Маркс) и осуществляет себя путем беспрестанного выхождения за границы этого развития, которые и осознаются им как подлежащие преодолению, а не как «священная грань» (К. Маркс). Такое выхождение за границы достигнутого осуществляется путем разрешения противоречия между культурой наличной и становящейся, между репродуктивным и продуктивным. Это противоречие—«локомотив» творчества, оно импульсирует субъекта к развитию и обновлению творческих сил, формирует индивидуальность, неравную себе самой, способную к новым вариантам деятельности и общения. В отличие от деятельности по заранее установленному масштабу самодеятельность альтернативна консерватизму и отчуждению, она — адекватная форма самореализации человека в творческом процессе. **У диалектики и самодеятельности общий девиз — «выход за пределы исходного пункта»** (К. Маркс). Субъект самодеятельности относится к своим предметным воплощениям как основа к обоснованному и выступает как существо «самообоснованное», себя делающее и развивающее.

¹³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 121.

Итак, отношение к самому себе выражает самоустремленность и противоположение субъекта в актах самодеятельности. На почве самодеятельности данное отношение закрепляется в сознании как логическая категория, т. е. как всеобщая схема миропонимания.

Присущее самодеятельности выхождение за пределы исходного пункта получает интенсивное выражение в отношениях между субъектами самодеятельности, в частности, в соревновании по поводу выявления и развития творческих потенций личностей и коллективов. Мотивом такого соревнования является стремление субъекта утвердить себя в сознании других в качестве субъекта творчества (т. е. общественное признание). Соревнование, отмечает С. Л. Березин, является противоречивой формой развертывания «фундаментальной потребности человека в самоутверждении, сущность которого состоит в устремленности личности к достижению общественной значимости в процессе реализации своих творческих сил»¹⁴.

Соревнование есть диалектическое противоречие. В нем каждый идеально полагает себя равным с другим по возможностям, иначе нет смысла вступать в соревнование ввиду заранее известной «победы» (или «поражения»). Но в то же время (и в том же отношении) каждый полагает себя неравным с другим, что выражается в практическом стремлении опередить «себе достойного». Соревнование таким образом включает в себя и равенство, и неравенство, причем в одно и то же время и в одном и том же отношении. Весь пафос борьбы возникает лишь в состязании с равным! Именно противоречие «в одном и том же отношении» есть корень и нерв саморазвития в отличие от «противоречия» в «разных отношениях», не содержащего самодвижения. Такое метафизически трактуемое противоречие напоминает, как отмечалось в литературе, драку, в которой дерущиеся машут кулаками в противоположные («разные») стороны.

Опережая себе равного, субъект опережает самого себя, вступает в состязание с собой. Созидательное противоречие между соревнующимися и тут превращается в противоречие индивида с самим собой, импульсируя его к развитию способностей. Вот почему «надо уметь вызвать соревнование и самодеятельность масс»¹⁵, «состязательность» в труде¹⁶, уделять повседневное внимание «созданию условий, развязывающих творческую самодеятельность трудящихся, их социальную активность»¹⁷.

Таким образом, в соревновании отношение между субъектами сводится в итоге к отношению их общей сущности (сущностных сил)

¹⁴ Социалистическое соревнование и развитие личности. Алма-Ата, 1983, с. 78.

¹⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 52, с. 39.

¹⁶ Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 202.

¹⁷ Андропов Ю. В. Учение Карла Маркса и некоторые вопросы социалистического строительства в СССР. М., 1983, с. 23.

к себе самой, к противоположанию ее и тем самым к противоречию. Отношение к самому себе логически резюмирует эту суть (противоположание) диалектики.

Все прежние формы общества, стремясь закрепить раз и навсегда определенные экономические условия, погибали из-за узости экономических форм, сковывающих самостоятельность общественного человека. Коммунистическая же форма общества направлена не на увековечивание исторически преходящих социально-экономических структур, а на универсальное развитие человека. Поэтому «единственной предпосылкой» такого общества становится «выход за пределы исходного пункта»¹⁸. Способ производства такого общества направлен на расширенное воспроизводство и обновление продуктивных сил человека. Схема вещного производства (Д—Т—Д¹) сменяется схемой производства человека: **продуктивно-творческие силы** → **их материальные воплощения** → **прирост и обновление этих сил**. Данная схема представляет спиралевидный расширяющийся кругооборот, она включает возврат к исходному пункту на более расширенной основе и выход за него.

Итак, самоустремленность осуществляется на уровне субъекта самостоятельности, межсубъектных отношений и совокупного субъекта (общества самостоятельности в целом). Самоустремленность человека в предметном противоположении в актах самостоятельности, противоречие в самостоятельности между культурой ставшей и становящейся продуцируют в мышлении соответствующее себе логическое отношение — отношение (целого) к самому себе. Субъект предрасположен к осознанию данного отношения в объективном мире тогда, когда он сам практикует это отношение, порождает его, захвачен им и является его субъектом.

Отмеченные выше идеи Спинозы, Лейбница, Фихте, Гегеля выражали в абстрактно-всеобщей форме логику самостоятельности. «Ты знаешь, — писал К. Маркс Ф. Энгельсу, — как я восхищаюсь Лейбницем»¹⁹ Лейбниц же развил принцип самостоятельности. Вероятно, за это, отмечает В. И. Ленин, К. Маркс и ценил Лейбница²⁰. Содержание всей философии Канта, писал Ф. Шиллер, заключено в словах: «Определяйся сам собой»²¹. То же у Фихте: «Сам человек есть цель — он должен сам определять себя...»²². Перерабатывая подобные идеи, К. Маркс формулирует тезис о «самоизменении» субъекта в революционной практике. При всем философском различии и разном социальном звучании отмеченные идеи классиков философии, тезис К. Маркса о «самоизмене-

¹⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. 2, с. 33.

¹⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 32, с. 416.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 68.

²¹ См.: Шиллер Ф. Собр. соч. М., 1957, т. 6, с. 80.

²² Фихте И. Г. О назначении ученого. М., 1935, с. 62—63.

нии» имеют единый логический стержень: диалектическая связь раскрывается через отношение (целого) к самому себе. «Живучесть» идей самообоснования, идущих от античных диалектиков к К. Марксу и современности, объяснима их важнейшим социально-гуманитарным значением.

Г. В. БОЛДЫГИН
Уральский университет

ПРОБЛЕМА ЗАБЛУЖДЕНИЯ В МЕТОДОЛОГИИ НОВОГО ВРЕМЕНИ

Причины заблуждений людей всегда привлекали внимание философов, а различные учения о методе, т. е. пути достижения истины, явно или имплицитно содержат в себе то или иное понимание сущности заблуждения и его оснований.

В каждую новую эпоху создаются и описываются новые приемы познания мира, вскрываются причины заблуждений, не учитывавшиеся прежде. Но всегда трактовка этих причин вытекает из характерного для данной эпохи понимания мышления и целей познавательной деятельности.

В основе методологических построений Нового времени, берущих свое начало в эпоху Возрождения и завершающихся в немецкой классической философии, лежало натуралистическое представление о мышлении как своеобразном «естественном» образовании, деятельность которого определяется законами его собственной «природы». Знание этих законов представлялось знанием универсального метода достижения истины.

Однако все попытки создать такой метод порождали множество проблем, среди которых одно из важнейших мест занимала проблема заблуждения: оказалось, что натуралистическая трактовка разума (по крайней мере в той форме, какую она имела в Новое время) вообще исключала возможность человеческих заблуждений, что явно противоречит фактическому положению дел и, более того, делает ненужной саму методологию. Между тем поиски природы разума сыграли в Новое время значительную роль в выявлении многих существенных сторон познавательной деятельности людей, поскольку помогли философской мысли освободиться от влияния теологических концепций познания и заблуждения, в основе которых лежало пренебрежительное отношение ко всему «природному», «естественному».

Понятие «природа» впервые возникло в античной философии, которая, противопоставляя естественное искусственному, способствовала вычленению природных процессов из всего многообразия

действительности и формированию особых — теоретических — приемов их познания. В средние века естественному в первую очередь противопоставлялось «сверхъестественное», отличное по своим свойствам от всех явлений природы и тем не менее первичное по отношению к ним. Это противопоставление оказало серьезное влияние и на средневековые концепции заблуждения.

Аполосгеты христианства и отцы церкви, используя недостаточную обоснованность античной науки, вскрытую скептиками, доказывали, что «естественный», связанный тесными узами с телом человеческий разум не способен самостоятельно отыскать истину, что в своих суждениях о мире он так или иначе опирается на авторитет (родителей, учителей, общественного мнения и т. п.) и что поэтому лучше полагаться не на авторитет греческих мудрецов (которые тоже ведь были людьми), а на авторитет божественного, сверхъестественного разума. В христианской идеологии сформировалось и на долгие века утвердилось убеждение, что истина уже открыта людям, что она изложена в Священном писании и в трудах немногих мудрецов, получивших ее в результате божественного откровения.

Однако то обстоятельство, что истина уже изложена, вовсе не означает, утверждали теологи, что каждый грамотный человек может получить ее в свое распоряжение: истина выражена в словах, имеющих по большей части несколько значений; в результате отнесения слов к объектам, к которым они не могут быть отнесены вообще либо в данном контексте, возникает искажение смысла всего текста. Отсюда вытекало, что достижение однозначного истолкования смысла слов означает устранение главного препятствия на пути к истине. Для этого достаточно было бы знания правил логики и грамматики, которые в средние века усиленно культивируются. Но дело в том, что, по мнению теологов, знание этих правил еще не гарантирует от впадения в заблуждение и в конечном итоге в ереси. Верное или неверное истолкование текста — лишь непосредственная причина усвоения истины или заблуждения, конечная же причина находится в сфере «сверхъестественного».

Только бог, согласно разработанной еще Аврелием Августином теории «иллюминации», открывает всем людям самую малейшую истину, «озаряет» их разум в той мере, в какой он определил объемы знаний для каждого отдельного человека. По своему милосердию бог открывает часть истины даже язычникам, чтобы не оставить их во мраке абсолютного невежества. Будучи источником большего или меньшего знания людей, бог тем не менее не является причиной их заблуждений. Он наделил всех индивидов одинаковой свободой воли, и только от собственной воли человека, менее «иллюминированного», чем другие, зависит, смирится ли

ему с божественным решением или попытаться самостоятельно отыскать истину, что заранее обречено на неуспех. В первом случае человек вполне свободно соглашается с божественной волей, и, будучи нищим духом, зарабатывает вечное блаженство. Во втором он так же свободно соглашается с дьяволом, возбуждающим его гордыню, и вынужден расплачиваться вечными муками. Тем самым конечной причиной заблуждения оказывается не свободная воля (дар бога не может быть добром), а дьявол, склоняющий человека на самостоятельное изучение и истолкование священных текстов. Чтобы оградить истину от извращения, а людей от дьявольского соблазна, католическая церковь на одном из своих соборов постановила: «Что касается божественных книг, то мирянам не иметь их даже на латыни; что же касается божественных книг на народном наречии, то не допускать их вовсе ни у клириков, ни у мирян»¹.

Развитие капиталистических отношений в Европе привело к резкому изменению всего строя мышления: то, что в средние века считалось истиной, идеологами нарождающейся буржуазии рассматривалось в качестве сомнительного либо даже ложного предположения. Изначально греховная, по убеждениям теологов, природа человека становится теперь предметом пристального изучения. Более того, все грехи и несчастья людей «гуманисты» объявляют следствием перехода людей из «естественного состояния», когда каждый индивид жил в соответствии с природой своего тела, в «гражданское», которое рассматривается как некоторое «искусственное» образование, возникающее в результате «общественного договора», ограничивающего или даже полностью узурпирующего «естественные права» отдельного человека. «Естественное» в применении к человеку становится синонимом индивидуального, а «искусственное» — общественного.

Высокий авторитет естественного, природного подкреплялся и развитием новой науки, убедительно доказывавшей, что все то, что прежде истолковывалось как свидетельство мироустроительной деятельности сверхъестественных сил, является на самом деле результатом естественного развития событий. В естественнонаучных и философских концепциях Нового времени богу отводится все меньше и меньше места. Это обстоятельство не могло не сказаться и на методологии. Собственно, о методологии как теории научного познания можно говорить лишь начиная с Нового времени: в античности и средневековье вопросы методологии не выделялись в особую сферу исследования, будучи вплетенными в общий контекст онтологических и гносеологических построений. Даже

¹ Средневековье в его памятниках. / Под. ред. Д. Н. Егорова. М., 1913, с. 251.

термин «метод» в его современном значении начинает использоваться только в эпоху Ренессанса, когда новое естествознание начинает выделяться из прежней «физики», а его успехи совершенно справедливо связываются с изменением подхода к изучению природы, порвавшего с прежними представлениями о пути к истине и причинах заблуждений.

Одновременно меняются и представления о задачах научного познания: если в средние века главной целью познания считалось выяснение уже открытой истины, то теперь этой целью становится ее поиск, открытие нового, неизвестного. А все новые и новые открытия и изобретения неопровержимо свидетельствовали, что своими успехами наука обязана не сверхъестественным актам откровения бога некоторым его избранникам, а обычным людям, которые, не оглядываясь на древние авторитеты, полагались только на свой, данный им при рождении разум. У передовых мыслителей периода научной революции формируется чувство собственного достоинства, основанное на ясном осознании того, что новая наука есть результат их собственных усилий, что их время, которое они с гордостью начинают называть «новым», ничуть не беднее галантами, чем даже прославленная античность.

Однако одной только уверенности ученых в том, что они самостоятельно открывают новые истины, было еще недостаточно для полного освобождения науки от постоянного контроля со стороны теологии, позиции которой на всем протяжении Нового времени были достаточно сильны. Необходимо было обосновать теоретически секуляризацию научной деятельности, а для этого нужно было разрушить теологическую теорию познания и заблуждения, заменив ее новой. Эту задачу прекрасно осознал Галилей, начавший осторожное наступление на идею, будто самостоятельные поиски истины обязательно приведут человека к заблуждению. «...Познание наше и по способу и по количеству познаваемых вещей бесконечно превзойдено божественным познаванием, — соглашался он с теологами, — но на этом основании я не принижая человеческий разум настолько, чтобы считать его абсолютным нулем; наоборот... я принимаю во внимание, как много и каких удивительных вещей познано, исследовано и создано людьми...»².

Если Галилей еще признавал (пусть только на словах) вмешательство сверхъестественных сил в познавательную деятельность людей, то его последователи в Англии, Франции, Голландии и Германии усиленно ищут аргументы, которые исключили бы даже мысль о возможности подобного вмешательства. Такие аргументы представила концепция, согласно которой человеческий разум, как минералы, животные и растения, имеет свою «природу» и что,

² Галилей Г. Избр. труды. М., 1964, т. 1, с. 202.

следуя ей, человек обязательно придет к истине, поскольку разум предназначен именно для познания. Как вмешательство со стороны посторонних по отношению к минералам, растениям и животным сил уродует их или даже полностью разрушает, так и любое вмешательство в деятельность разума извне искажает его «природу» и, следовательно, заставляет человека заблуждаться. Все успехи ученых объяснялись тем, что они сообразовывались с собственными законами разума. Все заблуждения истолковывались как пренебрежение людьми законами «природы» своего разума под внешним влиянием «искусственных» по своему происхождению общественных установлений, требующих от каждого индивида (ради общей или групповой пользы) придерживаться одних и тех же взглядов, следовать одним и тем же авторитетам, независимо от того, истинны их высказывания или нет. Иными словами, «естественный разум», т. е. способный достичь истины, рассматривался как разум индивидуальный, совершенно независимый от общественного мнения.

Очищение разума от всего искусственного, которым обременено мышление современников, с целью возвращения его в «естественное состояние» и изучения законов его природы представлялось в качестве основного условия при отыскании универсального метода научного познания. Декарт предлагал для этого каждому человеку освободиться от всех своих знаний, накопленных с детства и наверняка смешанных с заблуждениями. Локк, опровергая декартовское учение о врожденных идеях, апеллирует к «естественному» разуму ребенка и дикаря. Кондильяк создает образ статуи, наделенной одновременно с жизнью способностью чувствовать и рассуждать о том, как она познает; живой, выполненный в художественной форме рассказ о размышлениях статуи призван был прокомментировать путь, который «естественный разум» любого индивида проходит в поисках истины.

Но, предлагая различные способы очищения «естественного разума» и различным образом трактуя законы его природы, и сенсуалисты, и рационалисты столкнулись с новой и одинаково общей для них проблемой — необходимостью ответить на вопрос о причинах, заставляющих разум поступать вопреки собственной «природе» и заблуждаться. Сложность этой проблемы была обусловлена тем, что, стремясь доказать, будто все научные открытия являются результатом деятельности «естественного разума», методологи Нового времени вынуждены были создавать громадные системы аргументов, из которых вытекало, что мышление любого индивида (а не только ученого) всегда (а не только в процессе теоретической деятельности) совершенно недоступно никакому внешнему воздействию. Декарт утверждал, что мышление людей настолько отличается от всего остального материального мира, что

никакой контакт между ними невозможен. Следовательно, индивиды, общающиеся между собой посредством естественных материальных средств, не способны воздействовать на мышление друг друга. Локк утверждал, что разум индивида познает исключительно лишь собственные «идеи», ощущения. Беркли и Юм, развивая это локковское положение, пришли к выводу, что индивиды даже не могут знать о существовании других индивидов. Лейбниц отрицательно относился к солипсизму, однако утверждал, что человеческое мышление не имеет «ни окон, ни дверей», сквозь которые что-либо могло повлиять на его деятельность. И конечно же, все они совершенно исключали (кроме Беркли и Мальбранша) возможность сверхъестественного вмешательства в познавательные процессы.

Натурализация мышления оказалась невозможной без признания совершенной автономности «естественного разума» индивида и его абсолютной независимости от всех внешних воздействий. Такое признание влекло за собой вывод, что ни один человек не может мыслить иначе, как в соответствии с законами «природы» своего мышления, и, следовательно, принципиально не может заблуждаться. Однако люди заблуждались в прошлом и продолжают заблуждаться сейчас. Необходимо было найти ответ на вопрос о причинах заблуждений, выполняя условие, в соответствии с которым любые ссылки на внешние — сверхъестественные и искусственные — причины недопустимы.

Решая эту проблему, Декарт частично возвратился к средневековым объяснениям: причиной заблуждения является второе, независимое от разума начало души — свободная воля, точнее, безвселие. Заблуждается тот, полагал Декарт, кто не может подчинить себя метолическому, удовлетворяющему критериям «ясности» и «стчетливости» поиску истины, а удовлетворяется первыми пришедшими на ум объяснениями.

Локк, а за ним и другие сенсуалисты в качестве непосредственной причины заблуждения рассматривали отрыв разума от фундамента и последнего критерия всего нашего знания — чувственного опыта. Незнание опасности такого отрыва, полагали они, привело в древности к беспочвенным фантазиям, а в настоящее время — к спекуляциям рационалистов и к вере на слово различным авторитетам. На вопрос же о причинах, заставляющих разум строить беспочвенные конструкции, сенсуалисты отвечали так же, как и Декарт, ссылаясь на желание большинства людей не утруждать себя сложной проверкой предлагаемых им суждений, а удовлетворяться первым попавшимся объяснением.

В жестко детерминированном мире Спинозы и Лейбница свободная воля уже не могла быть причиной заблуждений. Человек в своих решениях свободен ничуть не больше, чем камень, свободно

падающий вниз, считал Спиноза. Бог сотворил мир, в котором господствует «предустановленная гармония», предусматривающая малейшее движение предметов и мыслей, полагал Лейбниц. И оба они приходят к одинаковому довольно парадоксальному выводу: заблуждений вовсе не существует, а то, что люди принимают за заблуждения, есть на самом деле неполные истины, которые на фоне истины абсолютной выглядят как ошибка. Иными словами, заблуждения — это абсолютизация фрагментарного знания действительности и ее законов, получаемого с помощью чувств и рассудка. Истина же — знание обо всей субстанции (у Спинозы) либо о законах, управляющих этим «лучшим из всех возможных миров» (у Лейбница). Это знание, считали они, может быть получено лишь в единовременном акте интеллектуальной интуиции.

Однако возникал вопрос о причинах, по которым одни люди (например, Спиноза и Лейбниц) способны с помощью интеллектуальной интуиции постичь все мироздание в целом, а другие остаются навливаются на относительной истине, принимая ее за абсолютную. Из рассуждений Спинозы и Лейбница вытекало, что «естественный порядок вещей» и «предустановленная гармония», как бог теологов, заранее предопределяют, кому из индивидов обладать всей полнотой знаний, а кому оставаться во мраке невежества. Подобная фаталистическая предопределенность всех мыслительных действий, обусловленная устройством мироздания, оказалась камнем преткновения и для французских материалистов в их попытках объяснить причины возникновения в «естественном разуме» наших предков предрассудков и их существование у современников.

Кант попытался решить все проблемы философии своего времени, доказав, что разум людей не находится в рабской зависимости от окружающей действительности, что он не должен рассматриваться в качестве предмета, включенного в цепь причинно-следственных отношений природы, поскольку сами эти природные закономерности есть не что иное, как продукт деятельности разума. Именно разум, считал Кант, является верховным законодателем, подписывающим природе законы ее поведения, и именно поэтому он не может рассматриваться как часть природы.

Однако и для Канта разум не является чем-то сверхъестественным. Более того, начиная с Канта, слово «естественное» становится синонимом «разумного», «истинного». «...Нет ничего более естественного, чем подразумевать под словом **естественно** все то, что должно происходить правильно и разумно...»³. Иными словами, Кант тоже убежден, что разум имеет свою «природу», что действовать в соответствии с ней он может лишь будучи «чистым»,

³ Кант И. Соч.: В 6-ти т. М., 1964, т. 3, с. 103.

т. е. изолированным от всего того, что не является самим разумом. Кант также считает необходимым изучить «вечные и неизменные» законы «чистого разума», правда, не для того, чтобы создать универсальный метод научного познания, а всего лишь для того, чтобы люди, зная особенности своего мышления, не впадали в заблуждения. Дело в том, что Кант столкнулся с той же самой проблемой — с необходимостью объяснить причины, по которым абсолютно суверенный разум действует вопреки своей «природе» и заблуждается.

В силу сложности объяснения причин ошибочных выводов, порожденной натурализацией разума, проблема заблуждения становится центральной в его «философии чистого разума». Ее «единственная польза, — говорил Кант, — только негативна: эта философия... вместо того, чтобы открывать истину... предохраняет от заблуждений»⁴.

Кант, убежденный в том, что мы познаем лишь то, что уже спонтанно создано нашим собственным мышлением, утверждал, что причиной заблуждений является использование познавательных способностей не по назначению. Каждая из них — чувственность, рассудок и разум — участвует в спонтанном созидании вполне определенных фрагментов мира, который мы принимаем за существующую вне нас действительность, и только эти фрагменты она способна познавать. Примером неадекватного применения познавательных способностей, приводящего к заблуждениям, являются попытки людей с помощью одной из них или их совокупностью познать «вещи вне нас» или попытки, используя чувственность и рассудок, созерцать и рассуждать о «мире в целом», который, по Канту, является «идеей», созданной одним лишь разумом, и т. п.

Решая вопрос о причине, заставляющей людей применять свои познавательные способности к недоступным для них предметам, Кант приходит к выводу, что такой причиной является собственная недисциплинированность индивидов, отсутствие у них подлинной воли к знанию. Тем самым он, подобно Декарту, признавал, что «чистый разум» не так уж и суверенен в своих действиях, что основной причиной как истинных, так и ложных выводов является нечто неразумное, нечто иррациональное — воля. «Природу» человеческой воли Кант исследует в «Критике практического разума» и отчасти в «Критике способности суждений».

Первичной по отношению к познанию считал волю и Фихте, предпринявший еще одну попытку создать метод научного познания на основе изучения природы «интеллигенции», которая в его системе получилась еще более изолированной от внешнего мира,

⁴ Там же, с. 665.

чем «чистый разум» в системе Канта. Воле в вопросах выбора истинного или ложного пути отдавал приоритет и Шеллинг, который вместе с другими романтиками утверждал, что образцом познавательной деятельности является не наука, а искусство, где велика доля иррационально-волевых установок художника, не контролируемых разумом и поэтому не поддающихся рациональному объяснению.

Новый и весьма существенный вклад в теорию заблуждения внес Гегель. Этот вклад состоит не только в том, что Гегель сумел убедительно показать относительность истины, а вместе с ней и заблуждения. В данном случае он во многом повторяет Спинозу и Лейбница. Важно то, что релятивизация истины и заблуждения у Гегеля осуществляется на существенно иной основе.

Как уже говорилось, трудности решения проблемы заблуждения для методологов Нового времени были обусловлены натурализацией разума, приписыванием ему по аналогии с миром естествознания вечной и никогда не ошибающейся «природы», знание законов которой должно лежать в основе метода познания истины. Гегель также постоянно говорит о «природе» мышления, желая подчеркнуть, что у него есть законы, переступить которые оно не в состоянии. Он так же, как и его предшественники, полагает, что изучение этих законов позволит создать «систему чистого разума», которая и станет «абсолютным методом» познания. Однако именно Гегель начал разрушать натуралистические представления о мышлении и его законах.

Прежде всего он решительно выступил против представления, будто истинное знание является исключительно лишь результатом деятельности индивидуального разума, свободного от чужих мыслей и мнений и направляемого волей самого индивида. Воля, по Гегелю, не является чем-то противоположным мышлению, но лишь одной из его сторон, направленной на практическое осуществление мыслей. Кроме того, он не уверен, что индивид, полагающийся только на собственный разум, обязательно придет к истине. «Следовать собственному убеждению, конечно, лучше, чем полагаться на чужой авторитет; но превращение мнения, основанного на авторитете, в мнение, основанное на собственном убеждении, не обязательно приводит к изменению его содержания и к замене заблуждения истиной. Придерживаются ли системы мнений и предрассудков потому, что полагаются на авторитет других, или потому, что исходят из собственного убеждения, — разница здесь лишь в тщеславии, присущем последнему способу»⁵.

Для Гегеля «естественное» мышление уже не является решительной антитезой общественному как разновидности чего-то «ис-

⁵ Гегель. Соч.: В 14-ти т. М., 1957, т. 4, с. 44—45.

кусственного», мешающего разуму индивида действовать в соответствии со своей «природой». «Духовная культура» соответствующей эпохи, аккумулирующая весь предшествующий духовный опыт, является, по Гегелю, не препятствием, а исходной платформой самостоятельных размышлений индивида. Человек, не усвоивший культуру своего народа и своего времени, неизбежно будет высказывать положения, воспринимаемые его современниками как давно отброшенные заблуждения, хотя в прошлом эти положения появились в результате кропотливого труда как несомненные истины.

В силу идеалистических установок и классовой ограниченности Гегель не смог полностью отказаться от натуралистических позрений на мышление, которое, как он считал, изначально предопределено его «природой» (аналогичной природе биологических систем), «развить» все «свернутые» до поры до времени определения. Разум индивида, по Гегелю, целиком и полностью определяется общественно-историческими условиями, в которых он находится. Индивид со всеми его устремлениями и мыслями — истинными и ложными — оказывается тем самым марионеткой, руководимой невидимыми и могущественными руками всемирно-исторического процесса. Однако и сам этот процесс направляется законами «абсолютного разума», такими же неотвратимыми для него, как и законы, которые определяют жизнь и смерть природных вещей.

Подводя итог нашему краткому экскурсу в историю, следует прежде всего отметить, что объяснение причин человеческих заблуждений было одной из ведущих тем философии Нового времени, что при всех различиях это объяснение осуществлялось в рамках натуралистической концепции мышления, согласно которой все движения мышления определяются собственной его «природой». Однако представление о наличии у мышления «природы», т. е. законов, аналогичных законам органических или неорганических образований, заставляло делать вывод о невозможности заблуждений, рассматриваемых в некоторых философских концепциях истинами низшего порядка. Тем самым оказывается, что люди как бы обречены на истину, а все попытки создать метод познания — руководство, с помощью которого можно избежать заблуждений — излишни и бессмысленны. В немецкой классической философии, которой завершается философия Нового времени, намечается поворот к отказу от рассмотрения мышления как чисто природного явления и к поиску общественных условий его функционирования. Однако порвать с натурализмом в объяснении познавательных процессов, сыгравшем колоссальную роль в секуляризации научно-го мышления, не удалось даже Гегелю, который внес наибольший

вклад в разрушение основополагающих предпосылок методологии Нового времени.

Окончательная денатурализация разума и создание предпосылок новой методологии научного познания, опирающейся на учение об общественно-исторических материальных корнях истинных знаний и заблуждений, были осуществлены лишь марксизмом. «Даже туманные образования в мозгу людей, и те являются необходимыми продуктами, своего рода испарениями их материального жизненного процесса... Люди, развивающие свое материальное производство и свое материальное общение, изменяют вместе с этой своей действительностью также свое мышление и продукты своего мышления»⁶, — писали К. Маркс и Ф. Энгельс. Но этот вывод принадлежит уже Новейшему времени. Новое время с его социальными и познавательными проблемами ушло в прошлое, предложив решать некоторые из них будущим поколениям.

Л. П. ТУРКИН

Свердловская высшая партийная школа

КАТЕГОРИИ КАК РЕЗУЛЬТАТ СПЕЦИФИЧЕСКИХ ОПЕРАЦИЙ ОБОБЩЕНИЯ И АБСТРАГИРОВАНИЯ

Всякое понятие — результат обобщения, тем более категории, которые суть предельный уровень обобщения. Охватывая собой всю иерархию подчиненных видовых понятий, каждая категория выполняет тем самым **синтезирующую** функцию. Тот факт, что существует не одна-единственная всеобщая категория, а **множество**, причем **несводимых** одна к другой, говорит о том, что не существует некоего «обобщения вообще», что, напротив, всякое обобщение конкретно и отличается от ряда других способов обобщения, что существует **конкретно-исторически определенный ряд качественно различающихся типов обобщения**. Каждая категория есть результат обобщения определенного типа и одновременно указатель этого типа. Менее общие понятия, подчиненные данной категории, связаны друг с другом опосредованно — через подчиняющий род, фиксирующий **тождественное** в них, и прямо, непосредственно — через разделяющие, **различающие** специфические признаки; определение таких понятий требует указания родового понятия (категории) плюс указания на *differentia specifica*. Вместе с тем существует межродовая *differentia specifica*, отличающая одну категорию от другой. Существуют особенности (специфика) в рамках общего рода, часто они констатируются эмпирически: например, особенности различных **вещей**, различных **процессов**, различ-

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 3, с. 25.

ных **возможностей** и т. д. Но совсем иной природы — различия между вещью и причиной, и процессом, и возможностью и т. д. Такие различия — межкатегориальные — не есть различия внутри какого-то общего рода, внутри одного тождества, которые можно было бы выразить определенным суждением. Межкатегориальные различия невозможно объяснить «онтологически» — как различия **существующих** в пространстве и времени эмпирически данных объектов. Так, многие предметы отражаются понятиями и выражаются именами существительными, которые можно отнести — в зависимости от контекста — к категориям «вещь», «отдельное», «конечное», «особенное», «целое», «система» и др. Никакого «онтологического» объяснения этому факту не найти, ибо эмпирически фиксируемый денотат имени всюду **один и тот же**, и лишь разный способ видения мира, логико-гносеологической направленности объединяет данное понятие с иными в рамках одной категории. Межкатегориальные различия, в отличие от внутрикатегориальных, не поддаются формально-логическому анализу, однако они присутствуют имплицитно в **каждом** понятии, использованном в определенном контексте речи. С этой точки зрения сам язык не монолитен, будучи как бы «расщеплен» на определенное множество взаимодополнительных «субъязыков»: в основе каждого из них — своя специфическая категория как наивысший род, как предельная общность, на базе которой фиксируется множество подчиненных особенностей. Результаты описания реальности на каждом из таких «субъязыков» объективны, а сами они объективно обусловлены. Но существует еще не решенная проблема **природы различия** между ними, закона **перехода** от одного к другому, их взаимного **синтеза**.

Обобщение нерасторжимо с **абстрагированием**. Различие между категориями как несовпадающими типами обобщения **обусловлено различиями в способе абстрагирования**. Так, за абстракцией «сила», в конечном счете, стоит категория «движение», за абстракцией «стоимость» — «отношение», за абстракцией «энтропия» — «организация» (или «дезорганизация») и др. В большинстве специальных работ операции обобщения и абстрагирования изучаются пока вне связи с категориями¹. На эту связь обратил внимание М. А. Розов². Не со всеми выводами автора по данному вопросу можно согласиться. Так, то, что автор считает докатегориальным этапом абстрагирования, по нашему мнению, есть **стихийный** этап, но тоже категориальной. Некатегориального мышления, выраженного языком, вообще нет — это вывод всего историко-философского процесса (Кант, Гегель). Другое дело, что стихийно возникшая

¹ См. напр.: Горский Д. П. Вопросы абстракции и образование понятий. М., 1961; Войшвилло Е. К. Понятие. М., 1967.

² Розов М. А. Научная абстракция и ее виды. Новосибирск, 1965, с. 73—77.

абстракция дает сплетение ряда категорий, которые выявляются к тому же лишь в определенном контексте. Но гораздо важнее в данном случае усмотрение самой связи процедуры абстрагирования с категориями.

Абстрагирование может производиться по различным основаниям, и уже сложившиеся категориальные пары *post factum* дают нам картину таких оснований, хотя сами они суть прочно фиксированный результат стихийно формировавшихся многообразных способов абстрагирования. Так, понятия, подпадающие под категорию «вещь», образуются путем абстрагирования от конкретных свойств и отношений; под категорию «существенное» — от несущественного, под категорию «покой» — от изменчивого, под категорию «необходимость» — от случайного, под категорию «действительность» — от возможного и т. д. Абстрагирование всегда дихотомично, порождая позитивный результат и продукты отвлечения, «отброшенный» негативный результат, который поначалу не обязательно фиксируется в форме понятия. Однако элементарная процедура абстрагирования может быть обращена, перевернута, а отброшенное и удерживаемое в понятии могут поменяться местами: рано или поздно вырабатывается диалектически сопряженная категория. Применительно к понятиям видовым, фиксирующим эмпирические особенности, дихотомичность абстрагирования не всегда ярко выражена, не представлена в чистом виде, не доведена до логического завершения (чаще всего на этом уровне имеет контрарное множество, а не пару диалектических противоположностей). До логического завершения она доведена именно на уровне всеобщих категорий как наивысших родов. Так, при образовании понятия определенной конкретной вещи абстрагируются от одних ее свойств, удерживая другие, тогда как при образовании понятия «вещь вообще» необходимо абстрагироваться от всех свойств без исключения; первая абстракция не предельна и синтетична, объединяя в себе категории «вещь» и «существенное» в этой вещи, вторая абстракция полагает все свойства несущественными для вещи. Сознательный философский анализ (Гегель) обнаружил лежащую в самой основе механизма образования категорий дихотомичность, своего рода «дуальную организацию» категориального строя мышления, взаимоисключение и взаимоположение диалектически противоположных категорий. Так, способ абстрагирования «вещи» предполагает несущественность всех ее свойств, но философский анализ показывает, напротив, их существенность; нет вещи, полностью лишенной всех своих свойств, и тем не менее подобной абстракцией мы фактически пользуемся. Категориальная специфика как плод особого типа абстрагирования и обобщения имплицитно присутствует в любом понятии (в определенном контексте), но в синтезе с иными по происхождению особенностями. Анализ содер-

жания понятия требует дифференцированного подхода, различения специфики категориальной и специфики видовой, «эмпирической».

Таким образом, можно различать следующие основные типы отношений между понятиями.

1) Отношения между однородными понятиями (например, красное, белое, желтое и т. д.; нагреваться, затвердевать, намагничиваться и т. д.). Подобные особенности («эмпирические») объединяются в рамках какого-то общего рода и различаются сосуществовая в них, зачастую — в пространстве и времени.

2) Родо-видовые отношения (например, свойство — цвет — красное). При соподчинении понятий действует закон обратного отношения между содержанием и объемом понятия. Наивысшие роды суть категории.

3) Межкатегориальные (межродовые) отношения, которые в принципе несводимы к двум первым типам и находятся в единстве с ними. Они, в свою очередь, распадаются на два класса отношений.

А. Отношения между диалектически сопряженными, парными категориями («дуальными» родами), вытекающие из самого существа операций абстрагирования и обобщения. В принципе существуют более сложные, синтетические категории («синтез» в триадах Гегеля и др.).

В. Отношения между различными парами сопряженных категорий: тождество — различие, единое — многое, движение — покой, старое — новое и т. д. Обнаруживающиеся в этих отношениях особенности — внутри самого всеобщего — обозначим как «категориальные особенности» в отличие от «эмпирических» (уловно), фиксируемых в отношениях первого типа.

Формальной логикой детально исследованы отношения первого и второго типов. Благодаря предшествующему историко-философскому процессу, трудам классиков марксизма-ленинизма выявлены и материалистически истолкованы само понятие категории, конкретно-исторически определенная категориальность мышления, диалектическая взаимосубординированность парных категорий (отношения типа ЗА), хотя в трактовке последней сохраняются некоторые дискуссионные моменты. Недостаточно изучены категориальные особенности (ЗВ) Рассмотрим их. Все категории в равной степени всеобщи. Возникая как результат отражения вовлеченной в процесс познания части материального мира, категории экстраполируются на все сущее: любой новый материал неизбежно отливается в форму сложившихся ранее категорий. Категории представляют собой универсальное средство активного освоения обществом нарастающего эмпирического материала. В этом смысле объем категорий совпадает, будучи бесконечен (что следует из самого понятия категории как **наивысшего** рода обобщения). Не-

корректны поэтому встречающиеся в литературе попытки сопоставления категорий по принципу «шире—уже»³. «Категория», которая оказалась бы «уже» какой-то другой, была бы по отношению к ней видовым понятием, тем самым не была бы категорией в собственном смысле слова.

Совпадая по своему объему, категории обладают одновременно **уникальным** содержанием, что также следует из самого понятия категории. Все категории, несомненно, связаны между собой, каждая категория связана со всеми другими, вся система категорий отражается в каждой из них. Однако признание такой связности не должно вести к **редукции** содержания одних категорий к содержанию других. Убедительная критика абсолютизированной логико-синтаксической трактовки значения слова вообще дана, например, В. З. Панфиловым⁴. Особенно это относится к категориям. Категория, содержание которой целиком и полностью определялось бы суммой связи с иными, порождалось бы этими связями, не была бы категорией в собственном смысле слова. Связи между категориями — это связи между понятиями, заключающими в себе нечто независимое, уникальное, не порожденное системой взаимных связей. Каждая категориальная пара полностью и абсолютно точно «непереводима» на язык всех других категорий. Так, при всей взаимозависимости категориальных пар (единое и многое, тождество и различие, движение и покой, необходимое и случайное, старое и новое и др.) в каждой из них выражено содержание, полностью невыразимое всеми другими. В свете этого некорректны встречающиеся попытки редукции содержания одних категорий к другим путем **строгого определения одних через другие**⁵. На этом пути «определяемое» понятие оказывается просто сокращением для некоторого словосочетания, заведомо лишается своего категориального статуса, и происходит обеднение категориального состава мышления.

Сопоставление содержания категорий между собой требует, в качестве предварительного условия, чтобы у них совпадала предметная область, чтобы они были отнесены к одному и тому же **объекту отражения** (так, поставив задачу сравнить категории «содержание» и «сущность», явно ошибочно было бы сравнивать содержание одного объекта и сущность **другого**, пусть и «пересекающегося» с первым). Категории — весьма гибкий инструмент от-

См. напр.: Булатов М. А. Деятельность и структура философского знания. Киев, 1976, с. 108, 111.

⁴ Панфилов В. З. Гносеологические аспекты философских проблем языкознания. М., 1982, с. 69—75.

⁵ См. напр.: Петров Ю. А. Логическая функция категорий диалектики. М., 1972, с. 13; Он же. Методологические вопросы анализа научного знания. М., 1977, с. 42.

ражения реальности, и в самом содержании категории предметная область не фиксирована жестко в пространстве и времени; **любую** категориальную пару можно использовать как средство описания любой системы, любой пространственно-временной области. Вот почему предметная область должна фиксироваться сознательно как предварительное условие сравнения категорий. Допустим, что в качестве объекта отражения зафиксирована локализованная, отграниченная в пространстве и времени **вещь**. Как средство ее описания используются категориальные пары: содержание — форма, сущность — явление, целое — части и др. Каждая категориальная пара охватывает своим содержанием **все без исключения** признаки этой вещи, не оставляя места ничему третьему. Каждая категориальная пара дает, следовательно, свой способ описания **одного и того же**. Так, **объективно в самой вещи нет ничего** такого, что не подпадало бы одновременно под описание в плане «содержание—форма», «сущность—явление», «целое—части». Что же изменяется при переходе от одного описания к другому и каковы объективные основания различных способов описания?

При условии совпадения предметной области переход от одной категориальной пары к другой сопровождается смещением объективно обусловленной **границы** диалектических противоположностей. Так, сам конкретный материал не меняется при переходе от описания в плане «содержание—форма» к описанию в плане «сущность — явление», но при этом смещается граница, проведенная внутри этого материала. Каждая категориальная пара дает своего рода «координату» объемного диалектического противоречия в многомерном конфигурационном пространстве, а объемная картина целостного диалектического противоречия дается всей совокупностью категорий. Сама природа категорий приводит, таким образом, к проблеме многогранной противоречивости материального мира, которая и служит объективной основой для самого становления категорий мышления.

Результат перехода от одной категориальной пары к другой выливается в конечном счете в смещение границы между диалектическими противоположностями. Граница, как известно, не сводится к пространственно-временной и более обобщенно трактуется как качественная. **Наибольшее общее понимание границы означает водораздел**, пусть относительный, **между любыми диалектическими противоположностями**. Объективная основа любого абстрагирования — **отделенность, отграниченность**. А категории — предельный результат обобщения и абстрагирования. М. А. Розов справедливо указывает на отношение независимости как на объективную основу операции абстрагирования: «Под независимостью при этом понимается либо независимость друг от друга различных явлений или их сторон, либо независимость результата тех или

иных операций от особенностей объекта»⁶. Думается, что последнее положение следует уточнить: в самом общем случае речь должна идти о независимости (относительной!) не между явлениями и т. п., а между сторонами всех диалектических противоречий вообще, каждое из которых по-своему «просвечивает» через любой конкретный факт. Нет «независимости вообще», она конкретна, причем не только эмпирически, но и на уровне всеобщего. Различие многообразных общекатегориальных срезов и дает нам картину этой конкретности. Относительная независимость (а точнее, различенность, несовпадение, ограниченность) сторон и есть самая общая объективная основа как абстрагирования, так и обобщения. М. А. Розов ставит проблему обоснованной, базирующейся на объективном основании классификации видов абстракций⁷. На сегодняшний день такие виды изучены не по единому основанию⁸. Создание исчерпывающей классификации, конечно, трудоемко. Но главные типы абстракций уже представлены наличным категориальным составом диалектики, и от этих типов, в принципе, можно двигаться к видам на основе изучения конкретного материала.

Вырабатывая категории, мышление фиксирует многообразные всеобщие не совпадающие между собой границы внутри одного и того же материального мира, каждая из которых объективна, постигается в практике и имеет практическую значимость. Категории отражают всеобщее как в самом материальном мире, так и в практике как материальном процессе. Практика как процесс всегда означает определенное изменение в соотношении всеобщих противоречий, в нее заложенных, но каждое из них находится в соответствующей фазе развертывания (например, изменение формы при относительной неизменности содержания, количественные изменения при сохранении качества или наоборот и т. п.). Особенно важны в движении противоречия моменты «тождества противоположностей», переходов в «свое иное», когда изменяется роль сторон в динамике противоречия, когда ведущей становится другая сторона противоречия. В каждом процессе, взятом за более или менее значительный промежуток времени, названные переломные моменты не совпадают для различных всеобщих противоречий, отраженных в форме категорий. И хотя в каждом самом элементарном акте практики представлены все такие противоречия (в том числе и еще не познанные), по-видимому, всегда можно найти какое-то одно из них, находящееся на «острие» перехода в иную фазу именно в данном акте практики. Подобное противоречие представляет собой существенную, характерную категориальную специфику данного акта

⁶ Розов М. А. Научная абстракция и ее виды, с. 82—83.

⁷ Там же, с. 83.

⁸ См.: Горский Д. П. Вопросы абстракции и образование понятий, с. 24—37.

практики. В реальной жизни элементарные акты практики сложно переплетены, что не исключает принципиальной возможности выделения таких актов, каждый из которых характеризуется своей категориальной спецификой. Например, в каждом акте практики совершается процесс **причинения**, но существуют такие действия, которые по своему существу направлены на **нейтрализацию** естественных причин условиями (громоствод, прививки в медицине и т. п.). Каждый акт практики означает превращение возможного в действительное, изменение действительности, появление новых возможностей, однако многие действия специально направлены на **стабилизацию** действительности, **сохранение** прежних возможностей (сбережение генофонда, заказники, заповедники и т. п.). Повидимому, в принципе возможна своеобразная **классификация** элементарных видов практики на основе категориальной специфики этих видов и изучение под таким углом зрения исторического освоения мира, ее периодизация. С точки зрения значимости для развития категориальной структуры различие, например, между выплавкой, ковкой, отливкой, отпуском, отжигом металла существеннее, нежели различие между паровой машиной и электродвигателем. Последнее различие — переход к иному **способу** преобразования энергии, не требующий для описания новой категории; выплавка металла предполагает отражение процесса в категориях «единое — многое», ковка и отливка — в категориях «содержание — форма», отпуск и отжиг — в категориях «вещь — свойство». Значимость тех или иных сдвигов в практике для развития категорий совпадает со значимостью для развития производительных сил, производственных отношений.

Конечно, не для каждой категории диалектики можно прямо найти характерную элементарную практическую операцию. Ряд из них оформляется как результат сознательного философского или конкретно-научного познания. Иногда одна сторона противоречивого единства прямо «проецируется» на «плоскость» практики, тогда как другая, неявно присутствуя в качестве негативного результата абстрагирования, выявляется затем в результате философского анализа взаимообусловленности противоположностей. Некоторые из них удается спроецировать затем на плоскость практики, на взятой в самом широком плане как развивающийся универсальный процесс, **включающий** в себя те стороны движения мысли, которые материализуются затем в практике, а не остаются отделенными от нее. Например, вся ситуация с кризисом в физике и выходом из него явилась практической проверкой эвристического значения альтернативных концепций исчерпаемости и неисчерпаемости материи. Практика движения научного познания («практика» — поскольку него включены здесь экспериментальные исследования) вскрыла ограниченность концепции «праматерии», а тем самым подтвер-

дила альтернативную концепцию неисчерпаемости, адекватность миру категории «бесконечное».

Таким образом, можно считать несомненной тесную связь с практикой не только всего категориального строя мышления в целом, но каждой категориальной специфики, межкатегориальных различий (хотя она не для всех категорий является прямой, непосредственной и элементарной). Отсюда следует, что развитием практики детерминировано развитие категориального строя мышления, прочно закрепляющего в логических формах достижения мышления.

В. А. МОЛЧАНОВ
Свердловский медицинский институт

О СПОСОБАХ ВЫВЕДЕНИЯ И ОБОСНОВАНИЯ КАТЕГОРИЙ

Ленинская идея о выведении категорий как «деле самой философии», позволяющем избежать сведения диалектики к сумме примеров, поставлена в современной литературе в форме проблемы систематизации категорий. Однако, как показывает опыт, с ее реализацией связаны явные затруднения. Ведь по замыслу В. И. Ленина система категорий является не чем иным, как последовательным теоретическим переложением той мыслительной культуры, которая и зовется диалектикой. Между тем ныне существует множество систем категорий в рамках марксистского диалектического метода. Указанное обстоятельство в острой форме ставит вопрос о принципах интерпретации данной ленинской мысли, которые, на наш взгляд, можно отыскать в контексте истории философии вообще и немецкой классической философии в частности.

Вслед за Аристотелем И. Кант обращает особое внимание на категориальную природу человеческого мышления, накрепко связывая с ней научный характер философии. По Канту, адекватной формой обоснования априорно-синтетического (т. е. собственно философского) знания является так называемая трансцендентальная дедукция категорий. Только она соответствует их специфической (всеобщей и необходимой) природе. Результатом этой дедукции является таблица категорий, которая «в теоретической части философии... чрезвычайно полезна и даже необходима для того, чтобы набросать полный план науки как целого, опирающейся на априорные понятия»¹. С точки зрения «трансцендентального учения о методе» эта таблица, по Канту, вполне отвечает формальным требованиям научности — критериям **архитектонической си-**

¹ Кант И. Соч.: В 6-ти т. М., 1964, т. 3, с. 177.

стемы, соединяя воедино идеи предметности, синтетизма и генетизма человеческого знания².

Развивая проблему категориальной дедукции далее, Фихте сосредоточился на нахождении ее исходного пункта, в котором категориальность уже дана в своей всеобщей, но элементарной форме. Таким пунктом выступает «дело-действие» как «клеточка» всех человеческих способностей и культуры. Категория «являет собою... чистый характер деятельности как таковой, оставляя в стороне ее отдельные эмпирические условия». Человек «является в одно и то же время и тем, что совершает действие, и продуктом этого действия»³, т. е. самообоснованным существом, самодействующей причиной.

При всей ограниченности материала (ибо рассматриваются лишь духовные способности) эта мысль Фихте имеет громадное значение для прогресса философской науки. Ведь тем самым нацупывался специфически философский угол зрения на весь предметный мир человека, на его «неорганическое тело». Категории понимаются Фихте как всеобщие формы человеческой деятельности, всех способностей человека. Поскольку же из всего их многообразия статусом «деятельности как таковой» обладает «Я», то именно из него и должна выводиться любая категория.

Этот ход мысли Гегель не без основания назвал «оригинальным началом». Единственная и существенная претензия его состоит в том, что позиция Фихте не выводится как необходимая, а лишь декретируется. В связи с этим философская точка зрения на природу категорий легко может быть подменена тем или иным нефилософским (антропологическим, натуралистическим, психологическим, лингвистическим и т. п.) их объяснением. Не случайно понятие «Я» оппоненты «Основ общего наукоучения» сплошь и рядом отождествляли с личностью автора. Сам же Гегель реализовал это требование прежде всего в своей «Феноменологии духа», очертив специфику философии как абсолютной (всеобщей) точки зрения на человека и его предметный мир.

Нефилософским методом обоснования категорий, по Канту, является так называемая «эмпирическая дедукция». Печальный пример такой дедукции, по его мнению, представляет собой точка зрения Локка, который выводил категории непосредственно из индивидуального опыта. Однако обоснование их «вовсе не лежит на этом пути, так как априорные понятия в отношении своего будущего применения... обязаны предъявить совсем иное метрическое свидетельство, чем происхождение из опыта»⁴. В свою очередь

² Асмус В. Ф. Иммануил Кант. М., 1973, с. 197—199.

³ Фихте И. Г. Избр. соч. М., 1916. т. 1, с. 72.

⁴ Кант И. Соч. М., 1964, т. 3, с. 183.

присоединяясь к критическим замечаниям Канта, Шеллинг писал: «Как кажется, догматикам и в голову никогда не приходило, что в такой науке, как философия, ничто не может браться за предпосылку, но что, скорее, наоборот, здесь в первую очередь нуждаются в дедукции те понятия, которые обычно представляются самыми обычными и обиходными»⁵. Ведь «в будничной деятельности за вещами, с которыми мы возимся, мы забываем о самой нашей деятельности»⁶.

В силу сказанного для обыденного сознания категории оказываются накрепко сращенными с **особенными**, т. е. либо вещественно-институциональными, либо натурально-психологическими характеристиками тех или иных человеческих способностей. Эмпирическая дедукция «берет» категории именно так, как они даны индивиду. Поэтому их «обобщение», «систематизация» кажется ему вполне убедительной, ибо в них идеально подытожены его реальные жизненные отношения.

В условиях общественного разделения труда непосредственная деятельность отдельного индивида носит, как правило, не целостный, но частичный характер. Эмпирическая дедукция как раз и берет категории в этой их сращенности с «частичной» жизнедеятельностью. Итогом подобной дедукции, по Канту, неизбежно является «техническая» система. Причем систем может быть множество, по крайней мере столько же, сколько можно насчитать видов утилитарной, сугубо репродуктивной деятельности. В принципе любая ограниченная точка зрения может быть категориально систематизирована. Ясно, что такие категории не могут быть ориентированы на «всякий возможный опыт». Вместо того чтобы беспредельно раздвигать горизонт индивидуального сознания, применять мерку «всеобщего», «целого» к его частям, они прилагают, наоборот, мерку частей к самому же целому, превращая ограниченное во всеобщее. Ведь категории по природе своей суть всеобщие формы деятельности и в своем теоретическом выражении должны базироваться на совокупном опыте человечества во всем его всемирно-историческом смысле и объеме.

Различие категориальной и эмпирической дедукции, таким образом, резко очерчивает границу собственно **философского** подхода к категориям в противоположность всем разновидностям **нефилософского** их понимания. Но при **содержательной** постановке проблемы, т. е. при решении вопроса о том, чем «категория» отличается от «не-категории», остается в стороне **формальный** аспект. Между тем для философии вопрос о самой форме постановки данной проблемы является существенным для ее решения.

⁵ Шеллинг В. Ф. Система трансцендентального идеализма. Л., 1936, с. 132.

⁶ Там же, с. 19.

Чтобы зафиксировать специфическую стихию категориальности не только отрицательно, абстрактно, но и положительно, конкретно, следует решить две взаимосвязанные задачи. Поставить, во-первых, вопрос о различных **формах категорий** и, во-вторых, о **категориях как форме**. Тем самым отношение одной категориальной формы к другой может быть осмыслено как отношение категориальности к себе самой. А объяснение предмета из него самого, в качестве формообразующего, самообоснованного единства есть необходимый и достаточный признак научности.

В рамках классической традиции философский анализ категорий связан с констатацией того факта, что вопрос о предметной сфере их поиска не столь прост и тривиален, как это подчас кажется. Скороспелый анализ проблемы может ориентироваться, скажем, на **высказывания** индивида о категориях, независимо от того, даны они устно или письменно. Конечно, они безусловно есть в таких высказываниях и даже могут быть представлены наиболее зримо в грамматически отлитой, а тем самым в общедоступной форме. Парадокс, однако, в том, что как только тот или другой текст становится предметом для категориального анализа, категория как таковые могут исчезнуть почти бесследно.

Подобная ситуация была зафиксирована в области политической экономии К. Марксом относительно феномена «богатство». «В деньгах всеобщее богатство — не только форма, но вместе с тем и само содержание»⁷. Понятие богатства здесь реализовано в некотором особом предмете, индивидуализированной, чувственно доступной форме. Поэтому обладатель денег владеет и всеми теми особыми видами богатства, из которых оно состоит «как такое». Между тем «деньгам как всеобщей форме богатства противостоит весь мир действительных богатств. Они — чистая абстракция последних; поэтому, если их удерживать в такой форме, они — всего лишь фантазия. Там, где богатство кажется существующим в совершенно материальной, осязательной форме как таковой, оно имеет свое существование лишь в моей голове, оно — чистая химера»⁸.

То же и с категориями. Они обладают достоинством всеобщности в отношении лишь всего богатства и многообразия человеческих способностей. Вербальная деятельность представляет собой лишь **субстрат** их всеобщности, но не ее **субстанцию**. Если же попытаться удержать категории как таковые на уровне терминов, то это приведет к тому, что в анализируемый текст будут вкладываться иные мысли, т. е. иные категории. Примером могут служить те или иные толкования соответствующих классических положе-

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. 1, с. 165.

⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. 1, с. 179.

ний, извлечение из одного и того же **текста** различных, а подчас и прямо противоположных, взаимоисключающих **мыслей**.

Удерживать категории в тексте можно лишь в том случае, когда сам текст будет понят как «одна из» натуральных, особенных форм их бытия. Ведь слово, термин сами по себе одинаково хорошо могут нести как глубокую мысль, так и плоское представление или даже дискурсивно оформленную психопатологическую продукцию. Иронизируя над смешением категориального и дискурсивного, Л. Фейербах писал: «...Но говорить не значит мыслить, — в противном случае величайший болтун был бы величайшим мыслителем»⁹.

Однако мало зафиксировать бытие категории в качестве определенности некоего мыслительного содержания само по себе. Ведь здесь категория дана лишь идеально, как логическая форма. Поэтому, выяснив, что есть категория со стороны ее «формы», мы лишь только подходим к вопросу о специфической «материи» всякой категориальности. Философский аспект проблемы состоит в том, что специфическим «телом» категорий, стихией их собственного бытия не может являться ни текст сам по себе, ни определенность мысли в этом тексте. Все это, в конечном счете, формальная сторона и формальный способ их существования. Однако и «материя» категорий, т. е. сфера действительных отношений людей, взятая сама по себе, в отдельности от их идеального выражения, тоже характеризуется ущербностью и односторонностью. Например, как реальная определенность товар не сможет нормально функционировать без своего идеального выражения — цены.

Логическое резюмирование данной ситуации предполагает разложение исходного содержательного определения категорий как всеобщих форм деятельности на три основных момента. Во-первых, со стороны своей «материи» категории должны быть поняты как **формы деятельности**. Во-вторых, со стороны «формы» они выступают как собственно **всеобщие формы деятельности**. И, в-третьих, их можно представить как **формы** своей собственной **всеобщности**. В каждом из этих моментов категориальность представлена как бы «нацело», как таковая. Но в то же время эта целостность сама по себе носит абстрактный, т. е. односторонний характер.

В дефиниции категорий как форм деятельности указана родовая определенность всех человеческих способностей. По Аристотелю, «основное определение способности в ее первичном смысле будет такое: она начало изменения вещи, находящееся в ином или в ней самой, поскольку она иное». Например, «врачебное искусство есть форма здоровья, а искусство домостроительное — форма дома». Но поскольку вещи, единые «по роду — те, которые при-

⁹ Фейербах Л. Избр. филос. произв. М., 1955, т. 1, с. 66.

надлежат к одной и той же категориальной форме»¹⁰, то категория и есть такая форма, которая одинаково хорошо может существовать как на субстрате формируемой вещи, так и на субстрате формирующего эту вещь индивида. Человек как **родовое** существо есть существо **универсальное**. Потому и категории суть универсальный род, «род рода», «форма форм». Они — та специфическая форма, в которой «вся природа» относится к отдельной вещи, как субстанция к своему модусу, целое к своей части.

В силу сказанного категории даны (как способы действия человека) в материале всех его способностей: чувства, созерцания, представления, потребности, воли, мысли и т. д. Поэтому любой и каждый человек может СОчувствовать и СОпереживать, СОдействовать, СОучаствовать и ВЗАИМОдействовать, ЕДИНОверить, ЕДИНОмыслить и СОстрадать. Но в чем же, однако, различие категорий и способностей? Ведь единство их со стороны субстанции никоим образом не отменяет вопроса об их различии со стороны формы. Вопрос, точнее, в том, в чем отличие категорий как категорий от категорий как способностей?

По-видимому, та или иная способность есть **особенное** выражение человека как родового существа. Его универсальная характеристика дана здесь «несовершенным» способом. Категориальность здесь как бы «светится» через отношение одной способности к другой. Именно в ней родовое выражено по преимуществу. Отделяясь от способности, категория становится уже **всеобщей формой деятельности**, родовым выражением родового или универсальным проявлением универсальности.

Но отделение формы способности (категории) от самой способности тоже есть специфическая способность. Причем она не дается в развитом виде сама по себе, напротив, ее следует культивировать. Это и есть мышление, «способность способностей». В мышлении категории впервые и выступают в единственно адекватной себе форме.

Однако трудности в понимании проблемы на этом отнюдь не заканчиваются. Ведь определив мышление в качестве всеобщей формы категориальности, мы неизбежно встаем перед очередным вопросом: а что есть всеобщая форма самого мышления? Ведь категорию как наличное бытие мыслительной способности человека можно, в свою очередь, отделить от этого эмпирически-психологически представшего мышления. Очевидно, оно будет мышлением тоже, но в некоторой его особенной определенности, которую принципиально нельзя уловить, например, средствами психологического анализа. Это и есть проблема **категорий как форм** своей собственной **всеобщности**.

¹⁰ *Аристотель*. Соч.: В 4-х т. М., 1975, т. 1, с. 164, 199, 155.

Принципиальное различие психологии и философии в трактовке этого вопроса состоит в том, что для первой мышление—это «одна из» особенных способностей «наряду» со многими другими «особенными» способностями. Для второй же мышление характерно только для человека как родового существа, и в этом смысле человек является существом мыслящим и в чувствах, и в воле, и в образах фантазии, и в делах. Но ведь мыслить можно и в слове, и в языке! Более того, язык вообще наиболее предпочтителен и для сообщения своих мыслей другим, и для уяснения их самому себе.

Мысль, вера и действие суть способности разные. Но и в языке можно, с одной стороны, писать философские и богословские трактаты, а с другой — отдавать воинские команды. Иными словами, различие между мышлением и немышлением полностью выражается в языке (в категории как форме всеобщности), отнюдь не совпадая с различием «изреченного» и «неизреченного». Конечно, изречение — наиболее адекватный способ выражения мысли, но ведь изречь можно не только мысли. Более того, любая форма неразумия, претендуя на общезначимость и авторитет, обязательно стремится к аргументации «от Аристотеля», его силлогистической последовательности и логичности.

Особым случаем отрыва категорий как всеобщей формы деятельности от категории как формы всеобщности являются, на наш взгляд, различные примеры психопатологии. Внешне речь индивида остается полностью «логичной», последовательной, «категориальной». Просто странным образом **предпосылки** его «мышления» оказываются нелепыми. Специалисты отмечают, например, характерную для шизоидов отрешенность от действительности и власть, которую приобретают над их психикой слова и формулы. Более очевидную форму это приобретает у параноиков, склонных образовывать «сверхценные» идеи, во власти которых они потом и оказываются. В отличие от шизоидов, их резонерские суждения основаны, как правило, на нарушении элементарных принципов формальной логики. Скажем, параноик охотно пользуется логическим кругом в доказательстве или просто двусмысленностью термина. Психопатология — отклонение от нормы—возникает тогда, когда нарушается категориальный состав человеческих способностей, и следовательно, способности (т. е. способы деятельности) перестают совпадать со всеобщими (общезначимыми) формами жизнедеятельности людей.

Итак, отличие мышления от немышления (всех прочих способностей), с одной стороны, и от сумасшествия — с другой состоит в том, что здесь категории как **всеобщие формы** деятельности соответствуют, во-первых, категориям как **формам деятельности**, а во-вторых, категориям как **формам** своей собственной **всеобщности**. Психологически это дано как единство слова и дела, рассудка и

сердца, воли и разума. Другими словами, мыслящий индивид делает лишь то, что говорит, и, в свою очередь, говорит лишь то, что делает: способ деятельности совпадает здесь с ее формой, т. е., выражаясь философски, реальное совпадает с идеальным.

Анализ этого обстоятельства на собственно философском уровне возможен лишь в ходе категориальной дедукции, итог которой и состоит в понимании категорий как всеобщих форм деятельности, которые в этом качестве одинаково хорошо представлены в делах, мыслях и речах разумного человеческого существа.

Л. М. АНДРЮХИНА
Уральский университет

О СООТНОШЕНИИ МЕТОДА И СТИЛЯ НАУЧНОГО МЫШЛЕНИЯ

В марксистской философской литературе уже проведен сопоставительный анализ метода и стиля в науке, в ходе которого были выявлены как их различия, так и тесная взаимообусловленность. Метод и стиль научного мышления различаются, во-первых, по отношению к формам систематизации научного знания. Если метод, как правило, основан на определенной теории, то стиль мышления нельзя однозначно связать с той или иной научной теорией, его основанием выступает научная картина мира как высшая форма систематизации научного знания, несводимая к теории¹. Во-вторых, если научный метод — это оптимизированная сторона научной деятельности, своего рода отлаженная технология, определяемая главным образом свойствами изучаемого объекта, то стиль научного мышления — это «сумма возможных технологий», стиль всегда предполагает определенный спектр возможных средств, форм, моделей, способов познания, обусловленных конкретно-историческим уровнем развития познавательной активности социального субъекта. Поэтому «можно сказать, что если метод — это орудие познания, то стиль это конкретная форма использования этого орудия»². Стиль — это «формы культурной реализации общих методологических схем»³. Если метод — «логика» движения, так сказать, по сторонам объекта, то стиль — это культурно-исторические формы этой «логики». В-третьих, стиль — это не только форма, но

¹ Микешица Л. А. Стиль и метод научного познания.— В кн.: Проблемы методологии науки и научного творчества. Л., 1977, с. 29.

² Салосин В. Т. О соотношении метода и стиля научного мышления.— В кн.: Диалектика в науках о природе и человеке. М., 1983, с. 287.

³ Парахонский Б. А. Стиль мышления: Философские аспекты анализа стиля в сфере языка, культуры и познания. Киев, 1982, с. 50.

и необходимое условие, предпосылка функционирования и развития методологических средств. Через стиль научного мышления осуществляется вхождение науки в культуру определенной эпохи, на уровне стиля постоянно происходит как бы считывание и перевод на язык науки форм оперирования с объектом, эвристических познавательных средств, вырабатываемых в других формах культуры, в философии.

Отрицание стиля научного мышления, научной картины мира как реально функционирующих элементов научной деятельности в неопозитивизме не случайно поэтому приводило к неадекватному образу науки, к узкому инструментализму и методологизму, к концепции демаркации науки и культуры, науки и философии. С другой стороны, абсолютизация стилистических структур науки (парадигмы, научно-исследовательской программы, тем и т. д.), как это происходит в современных теориях «исторической школы» философии науки, размывание границ научного метода, растворение метода в стиле научного мышления прямо ведет к иррационалистическим выводам, к размыванию грани между наукой и не-наукой (П. Фейерабенд).

Проблема соотношения метода и стиля научного мышления в своих глубинных основаниях выявляет, на наш взгляд, тесную зависимость от того или иного понимания природы науки, а ее дальнейшая разработка определяется конкретными формами и путями интеграции наших знаний о науке и ее месте в культуре.

В рамках марксистской методологии намечилось несколько комплексных теоретических программ в исследовании науки. Это, во-первых, анализ научной деятельности со стороны ее объектных характеристик (научная деятельность — объект, объектные формы деятельности), во-вторых, научная деятельность как единство субъективной и объективной ее сторон все больше начинает исследоваться как форма активности субъекта (научная деятельность — субъект); в-третьих, научная деятельность может быть рассмотрена в отношении к своим предпосылкам (потребностям, целям, нормам) и по отношению к своему результату. Здесь деятельность как бы обращается сама на себя, совершает свой полный цикл, а поэтому неизбежно включает как элемент рефлексии, самосознание. Модели науки, получаемые в этом случае, можно назвать рефлексивными.

Рассмотрим, какие теоретические возможности открываются в решении проблемы соотношения стиля и метода научного мышления с позиций этих относительно различных подходов к изучению науки.

«С одной стороны, мир наукой постигается через деятельное отношение человека к действительности, но, с другой стороны, соб-

ственно человека там нет, это область слепых автоматизмов», — пишет Л. М. Косарева⁴. С точки зрения обсуждаемой нами проблемы соотношения метода и стиля научного мышления наука, согласно Л. М. Косаревой, предстает сферой оптимально, технологически отлаженно действующего метода. В методе субъект представлен в своих редуцированных формах, и специфика метода — именно в особенностях объектной стороны научной деятельности. Более того, можно предположить, что все эти особенности научного метода становились, складывались в определенном социальном контексте. Но вряд ли напряженность противоречия субъективного и объективного в научной деятельности, которая была увидена как реальная проблема еще Кантом, может быть понята лишь в свете простого разведения двух сторон деятельности. Если вывести свободную активность субъекта (а к этому Л. М. Косарева склоняется) за рамки науки, то тем самым мы лишимся возможности анализа проблемы соотношения метода и стиля в науке. Потому что сам стиль должен быть либо отнесен как раз к этой второй, субъективной стороне деятельности, и, следовательно, вообще вынесен за рамки науки, либо должен быть как-то втиснут в рамки отлаженно функционирующей научной технологии.

В понимании научной деятельности сейчас все более остро возникает необходимость ответить на вопросы о том, как происходит пресобразование самой научной технологии, как возможно «бесперебойное» функционирование методологического аппарата, когда и почему оно нарушается? Все более обнаруживается, что методологический уровень современной науки представляет собой очень сложное явление, и его функционирование все больше зависит от активного целеполагания, от выбора стратегии научного поиска, от мировоззренческих предпосылок, от стиля мышления, от всего того, что в не меньшей степени, чем метод науки, определяется и спецификой объекта, и практикой человека, но все же мало напоминает процедуры, отлаженные до автоматизма. И реальное функционирование научных методов тоже не всегда представляет собой бесперебойно действующий автомат. Многими авторами на примере ряда научных методов показана возможность получения различных и даже альтернативных выводов на основе одного и того же метода, например, на основе методов экстраполяции или моделирования.

Вопрос о соотношении научного метода и стиля научного мышления перерастает из вопроса, касающегося только внутренней структуры научной деятельности, в вопрос о культурно-историческом предназначении науки. Это не случайно. Понятие стиля науч-

⁴ Косарева Л. М. Предмет науки. М., 1977, с. 140.

ного мышления неизбежно связано с понятием субъекта, толкуемого не редуцированно, но как субъект культуры вообще. Непосредственный выход вопросов гносеологии и методологии науки в сферу социокультурной, мировоззренческой проблематики указывает на то, что вопрос о соотношении метода и стиля в науке нельзя ограничить только внутринаучным анализом, исходя из концепции чисто объектного, технологизированного рассмотрения научной деятельности.

Само определение науки должно включать не только ее технологическую сторону, но и культурно-исторические условия, формы функционирования научной технологии, способы ее преобразования социальным, конкретно-историческим субъектом.

Стиль научного мышления лучше поддается анализу там, где прежде всего обращая внимание на те стороны научной деятельности, которые непосредственно определяются формами активности социального субъекта: мировоззрением, ценностными, целевыми культурными установками. Например, Б. А. Парахонский предлагает взять за отправной пункт в исследовании феномена науки ее культурно-исторические формы, ее культурный контекст. «В общих рамках методологического сознания метод фиксирует те всеобщие моменты познавательной деятельности, которые в онтологическом плане коррелируются объективными закономерностями и отношениями реальной действительности, а в гносеологическом — отношениями, фиксирующими необходимые формы и средства ее освоения человеком. В то же время вне этой необходимости остается достаточное пространство для относительной свободы творческого манипулирования предметами и понятиями согласно практически и исторически сложившейся организации познавательного субъекта»⁵.

Здесь мы также видим раздвоение деятельности, с одной стороны, на сферу, где активность субъекта реализуется строго в русле необходимости, диктуемой изучаемым объектом (метод), и, с другой стороны, на сферу, где свобода творческой деятельности субъекта объективно детерминирована культурно-исторической действительностью (стиль мышления).

Культурно-исторический подход к науке должен быть, однако, сопряжен с внутриметодологическим анализом. Это позволяет прийти к представлению о динамической структуре метода. Метод — это не точка абсолютного наведения на объект (и не замкнутый цикл технологии), но «волновая функция» со своими пиками максимального отождествления с объектом и пиками как бы ухода, остраненности от объекта, растворения в системе знания,

Парахонский Б. А. Стиль мышления, с. 71.

в своих предпосылках, в стиле, ухода от объективно-наличного к объективно-возможному и обратно, от конкретного к абстрактному (через стиль) и обратно. И однозначно отождествить научный метод лишь с одной из фаз его динамического развертывания — это значит дать одностороннее его определение. В каждой точке своего функционирования метод сопряжен со стилем научного мышления. В точке максимальной адекватности объекту метод выявляет максимально и свои отличия от стиля, однако и при этом метод остается «точкой» — одной из множества возможных, допускаемых в рамках определенного стиля мышления. Метод и в форме технологического автоматизма является технологией определенного культурно-исторического типа. Культурно-исторический характер стиля, в свою очередь, получает в этом случае в методе свою превращенную форму, редуцированную к универсальной технологичности метода. С другой стороны, разворачивание метода в систему, возвращение его к своим предпосылкам более непосредственно и явно вскрывает культурно-исторические источники метода, его зависимость от стиля.

При всей относительности различий метода и стиля тем не менее важно доходить и до сущностно непреходящих сторон их определенности. Метод и стиль вряд ли можно развести по признаку сопряженности метода с объектом, а стиля — с субъектом научной деятельности. Ясно, что метод и стиль одинаково представляют собой сложное единство субъектных и объектных сторон деятельности.

Для понимания сущности стиля необходима теоретическая реконструкция научной деятельности прежде всего со стороны форм творческой активности самого субъекта науки, субъектной организации научного познания, необходимо раскрытие форм реализации сущностных сил ученого. Однако это не значит, что стиль безразличен к объекту научного анализа. Проблема «втягивания» объекта в сферу деятельности на уровне стиля — это центральная проблема стиля вообще и стиля научного мышления в особенности. В отличие от метода в стиле соотношение субъектной и объектной сторон деятельности предстает как очень сложно опосредованное.

Именно в стиле первоначально приходят в столкновение формы непосредственной практической данности объекта с многочисленными формами логического, исторического, культурного и т. д. опыта субъекта. Картина мира, картина объекта, возникающая в результате работы стиля, в начале процесса исследования играет роль того хотя и слабого, но направленного источника света, который позволяет обрисовать контуры объекта в охватывающей его темноте неизвестного. В методе, в отличие от стиля, уже осуществлено конкретное «наведение» на объект (это уже направленный мощный поток света), совмещение форм непосредственной и опосредо-

ванной практической представленности объекта субъекту. Функционирование метода начинается тогда, когда, с одной стороны, объект уже относительно задан, выделен в формах предпосылочного знания (в научной картине мира), а с другой стороны — сам выбор метода исследования одновременно предполагает и определенность позиции ученого в выборе исходных принципов и норм анализа, лежащих в основании метода.

Стиль научного мышления организует в целостность развернутую систему опосредований субъект-объектного отношения, а поэтому он, естественно, необнаружим, если мы заранее ограничим исследование научной деятельности ее редуцированными субъект-объектными формами. Следовательно, раскрытие субъект-объектной структуры научной деятельности в ее развернутых, полных формах является необходимым условием познания феномена стиля научного мышления.

Так называемые «рефлексивные» модели науки⁶ берут в качестве объекта анализа иной интегративный срез структуры научной деятельности. В качестве главных определяющих элементов научной деятельности выделяются рефлексивные отношения: как отношение всей деятельности к ее результату, с одной стороны, и — к ее основаниям (предпосылкам, нормам, целевым установкам), с другой. Причем обе эти стороны сопряжены друг с другом.

В рамках рефлексивного подхода научный метод может быть понят как актуальный процесс деятельности с заданными предпосылками, в рамках определенных норм и целевых установок, с определенным ожидаемым результатом. По мнению М. А. Розова, методологический уровень научной деятельности соответствует понятию «рефлексивная позиция», это собственно «рефлексия». «Рефлексия не видит нормативов: она их разрабатывает, но не делает объектом собственного исследования»⁷ Стиль науки в терминологии М. А. Розова можно отнести уже к «надрефлексивной позиции», в которой объектом интереса является не деятельность, а нормативная система как целое. Стиль надрефлексивен по отношению к методу научного познания, но в своей собственной сути он также представляет собой определенный тип рефлексии. Стиль — это уже полный цикл рефлексии, включающий рефлексию над нормами. С позиций рефлексивного подхода получается обоснование не только различие, но и тесная взаимообусловленность метода и стиля в истории научного познания.

Рефлексия (самосознание) как отношение субъекта (сознания) к самому себе сама вырастает из объективного отношения субъекта к другому субъекту.

⁶ См.: *Розов М. А. Проблемы эмпирического анализа научных знаний. Новосибирск, 1977; Кузнецова Н. И. Наука в ее истории. М., 1982.*

⁷ *Розов М. А. Проблемы эмпирического анализа научных знаний, с. 109.*

Применительно к стилю можно сказать, что структура субъекта стиля есть структура родового субъекта, представленная в структуре субъекта индивидуального. Точнее, стиль в одной своей предельной точке есть характеристика самосознания, самоотношения субъекта; в другой точке стиль по существу является реальным отношением различных субъектов, вступающих в процесс научного познания.

Стиль принципиально невозможен без сопряжения различных субъектных позиций, подходов, видений объекта. В науке сферой проявления стиля является соотношение различных научных позиций отдельных ученых, различных направлений, научно-исследовательских программ, парадигм, научных школ и т. д. При этом существенной чертой научной деятельности является то, что самосознание субъекта в науке и объективные познавательные отношения разворачиваются и формируются по поводу и вокруг отношения к объекту познания. Стиль как единство самосознания субъекта и объективного отношения в конкретной познавательной ситуации всегда предполагает, с одной стороны, полную (самосознанную) погруженность в данное видение объекта, в определенную позицию, но, с другой стороны, столь же необходимым является и «остранение» от данной позиции, данного видения объекта, восприятие его в отношении к другим субъективным видениям объекта.

В отличие от стиля, в методе позиция субъекта уже представлена не в форме реального отношения различных позиций, но в форме единого самосознания. Именно в стиле идет работа по «свертыванию» реального межсубъектного отношения в самосознание субъекта, в единое видение объекта. Стиль по существу и есть это постоянное пульсирующее движение от объективного отношения к свертыванию его в самосознание субъекта, и от самосознания — к объективным формам его выражения в отношении. Стиль — это не спокойное «пробегание» по различным субъектным позициям, но в научном поиске стиль как отношение разворачивается в формах живого противоречия. Стиль функционирует через возникающие и разрешающиеся противоречия различных научных позиций. Впервые осознанно это было зафиксировано Н. Бором в сформулированном им принципе дополненности. Стиль начинает осознаваться как необходимая работа по столкновению и теоретическому преодолению противоречивости научных направлений. В отличие от стиля, в методе уже снята противоречивость различных видений объекта, метод внутренне исключает противоречия подобного рода. Метод становится возможным как раз после того, как достигнуто принципиальное разрешение глубинных противоречий на уровне стиля, научного мировоззрения. Противоречие, если оно возникает внутри метода, ставит под сомнение его адекватность объекту, его су-

ществование как метода, возможность его функционирования, в то время как в стиле столкновение противоречий является необходимым внутренним условием его работы.

В рамках рефлексивного подхода возникает и другой вопрос, касающийся специфики метода и стиля научного мышления: можно ли метод считать содержащим собственно внутринаучный характер рефлексии, а поэтому его субъектом выступает сам ученый, а рефлексия на уровне стиля — это уже не собственно позиция ученого, а позиция «стороннего наблюдателя» (например, философа).

На наш взгляд, рефлексия должна пониматься как необходимый элемент самого научного познания. В научном методе и стиле научного мышления различны только циклы и характер рефлексивного отношения. Носитель рефлексии — сам субъект научного познания.

Представление о том, что научное познание осуществляется само по себе, а рефлексия — это работа стороннего наблюдателя, не отвечает современному уровню развития науки. Сложность вопроса заключается в том, что как рефлексивное отношение стиль, в отличие от метода, предполагает не только отношение между различными субъектами внутри науки, но и выход за рамки наличной нормативной системы науки, выход в культурный, философский контекст.

Феноменологически первым отличительным признаком философской рефлексии по сравнению с конкретно-научной является, видимо, то, что результатом ее является философская картина действительности. Кроме того, та работа, которая в конкретной науке разворачивается в формах стиля научного мышления (а именно работа по выявлению и столкновению различных видений объекта), в диалектической философии отлилась в форму всеобщей технологии теоретического оперирования противоречиями. В философии рефлексия над развитыми формами научного познания привела к становлению философского диалектического метода. То, что в конкретной науке выступает как работа стиля, в философии является методом.

Однако философский метод не отменяет конкретно-научный стиль мышления, так как философский метод — это всеобщая технология познания, а стиль научного мышления — это живое движение противоречий научного познания. Можно выделить и собственно философский стиль мышления. Но вопрос о соотношении конкретно-научного и философского стилей мышления — это уже предмет специального анализа.

О МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЙ ФУНКЦИИ ПОНИМАНИЯ В НАУЧНОМ ПОЗНАНИИ

В марксистской литературе пока нет единства в решении вопроса о том, является ли понимание только методом познания (М. С. Роговин, В. А. Штофф) или его следует рассматривать в более широком плане (С. Б. Крымский). Для того чтобы разобраться в сути этого вопроса, необходимо выяснить, что же такое метод, совпадают ли понятия «метод», «методология», «методологическая функция»?

Определенные предпосылки для широкой трактовки метода обнаруживаются в реальном функционировании самой науки. Науку нельзя рассматривать только в каком-то одном ее проявлении: либо как систему теоретического знания, либо как вид деятельности, либо как социальный институт или научное сообщество. Все эти различные параметры науки в действительности оказываются тесно взаимосвязанными, взаимопроникающими, взаимообусловленными. Наука как система предметного, теоретического знания «снимает» в себе и способы действия, т. е. знание операциональное, и социокультурные нормы и установки, и способы мышления и общения в научном сообществе, т. е. знание ценностное. С другой стороны, в науку как способ деятельности «опрокидываются» научные теории, социокультурный контекст, эмоциональный климат научного сообщества.

То есть научный метод как единица познавательной деятельности, элемент операциональной системы должен так или иначе включать в себя и предметное, и оценочное знание. Это и является реальной предпосылкой широкого толкования метода. Очевидно, исходя из подобных установок, утверждается, что «научный метод есть не что иное, как подтвержденная опытом теория, обращенная на приобретение нового знания»¹. Однако единство науки сочетается с ее внутренней дифференциацией. За единством необходимо выделить и различие. С этих позиций теорию неправомерно называть методом.

Теория, социокультурные нормы и личностные установки исследователя важны в процессе построения нового знания, являются его детерминантами, основанием, но не элементами познавательной деятельности. Теория — основа метода, но еще не сам метод. Поэтому корректнее было бы говорить о методологической функ-

¹ Кузнецов В. И. Преемственность, единство и минимизация знания — фундаментальные черты научного метода. — В кн.: Материалистическая диалектика и методы естественных наук. М., 1968, с. 322.

ции теории, а не о теории как методе. Понятия «метод», «методология», «методологическая функция» — близкие, но не совпадающие. Методология включает в себя не только методы, но и «мировоззренческие, гносеологические и логические исходные принципы, выводы и проблемы, способствующие (или препятствующие...) движению знания к истине»². В методологию кроме методов входят и их основания.

Понятием «методологическая функция» фактически обозначается вхождение неоперациональных элементов знания в сферу методологии науки и их снятие в методах. С этой точки зрения методологической функцией может обладать не только знание предметное, выраженное в теориях, но и знание ценностное, выражающее социокультурные и личностные нормы.

Рассмотрение движения знания в рамках социокультурного подхода согласуется с положением классиков марксизма о том, что человек (=ученый) не рождается «фихтеанским философом» и присваивает историческое сознание собственной эпохи, которое реализуется в различных формах деятельности, общения, предметной объективации. Любой объект, природный или созданный человеком, материальный или идеальный включен в человеческий мир, где он «обрастает» множеством смыслов. Представленность смысла того или иного явления, предмета субъекту фиксируется понятием «понимание». Понимание — универсальная характеристика любой человеческой деятельности, в самом общем плане оно является выражением трансформации социокультурного смысла.

Если понятие «смысл» фиксирует субъективное присвоение «знания», то «понимание» выражает движение смыслов, достижение тождественности смыслов, раскрытие смысла, т. е. рефлексирование над смыслом. К пониманию приходится обращаться всякий раз, когда необходимо исследовать объект в его социокультурном или личностном контексте. Различные типы культуры конституируются различными типами деятельности (прежде всего практикой) и общественных отношений. Свое выражение типические особенности культуры находят в «духе эпохи», который, будучи осознан самим обществом, данной культурой, представляет собой социокультурный смысл, движение же социокультурного смысла является его пониманием.

Таким образом, понимание имеет свою бытийную основу. Оно входит и в коммуникативную, и в практическую, и в познавательную деятельность. Если основой возникновения понимания в обществе в генетическом плане является процесс опредмечивания «существенных свойств» человека, то его функционирование во всех ви-

² Станис Л. Я. Методология как форма связи и взаимопроникновения философии и естествознания.— В кн.: Дialeктика в науках о природе и человеке. М., 1983, с. 294.

дах деятельности связано с процессом распределечивания. Но так или иначе, «понимание возникает прежде всего в интересах практической жизни. Здесь личности указывают на связь друг с другом»³ В связи с вхождением практической и духовно-практической деятельности в сферу деятельности познавательной понимание начинает играть в познании существенную роль, выполняет по отношению к нему методологическую функцию. Оно включает в познание систему нормативных установок, которые служат эталонами, мерками познавательной деятельности и выражают отношение к знанию. На уровне метода понимание находит свое выражение в процедуре интерпретации. Причем интерпретация является единством чувственного и рационального компонентов. В различных же сферах и проявлениях научной познавательной деятельности может преобладать та или иная сторона понимания. Методологическая функция понимания реализуется не только в художественном или историческом, но и естественнонаучном познании. Интерпретация своеобразно проявляется в рамках конкретной предметности, она предполагает и идентификацию, и дистанцирование, и перевод.

В художественном познании ценностная интерпретация выступает в наиболее ярком своем воплощении. На этом уровне преобладающим является чувственно-образная составляющая понимания, в силу специфики продукта самого эстетического отражения. Главным продуктом эстетического (художественного) отражения является эстетическое восприятие — познавательный образ особого рода. Его существенные признаки — динамичность и незавершенность, требующие постоянной актуализации со стороны субъекта, перевода его в личностно-индивидуальный план и достройки исходя из собственного опыта и собственных установок. Представители рецептивной эстетики считают, что художественный текст получает свое значение только в процессе коммуникации и рецепции. При этом учитывается взаимоотношение, например, языковых элементов текста и неязыковых условий его существования.

Процесс интерпретации трактуется как последовательная смена фаз эстетически-коммуникативного семиотического анализа с уточнением или исправлением различных гипотез⁴. Центральными проблемами в этом направлении выступают: возможность и условия интерпретации авторского «Я», выявление правомерности собственной интерпретации, предпочтительность той или иной интерпретации. Впрочем, Д. Хирш считает, что все интерпретации равны. Суть текста — обозначать то, что из него создается читателем. «Мы создаем значения, а не текст, текст же — только повод для значений,

³ Dillthey W. *Gesammelte Schriften*. Berlin; Leipzig, 1958, Bd. 7, S. 205.

⁴ *Textenhermeneutik. Aktualität, Geschichte, Kritik*. Söning, 1979, S. 263.

форма, которая несет значение»⁵. Действительно, с одной стороны, осваивая продукты культуры (и через них другого субъекта), субъект «не выходит за рамки собственной душевной жизни»⁶. С другой стороны, понять себя человек может только «взглянув как в зеркало в другого человека» (К. Маркс). Таким «зеркалом» и выступает «определенный другой», предмет человеческой культуры или сам живой человек как представитель определенного общества и эпохи. То есть текст или произведение искусства вообще не «пустой сосуд», не просто рамка для создаваемых в общении смыслов, а и воплощение определенного смысла, но «открытого», динамичного, способного трансформироваться и развиваться. Всякое понимание есть уже отождествление «Я» и объекта, некое примирение тех сторон, которые остаются разлученными вне этого понимания, остаются чем-то «чужим мне» и «иным» (Гегель). Интерпретация в рамках гуманитарного, художественного познания предполагает единство дистанцирования и отождествления с преобладанием отождествления.

Интерпретация художественного текста (произведения) есть процесс его освоения, присвоения субъектом. Сопоставление текста и авторского контекста осуществляется через контекст интерпретатора. Если же контекст интерпретатора не оказывается центральным компонентом интерпретации, то произведение искусства не раскрывается в его специфической эстетическо-художественной функции, не возникает художественный образ, художественное отношение, остается чисто познавательное отношение к тексту, предмету. Ценностная интерпретация (понимание) перерождается в объяснение.

Для искусствоведов (в частности для литературных критиков) задачи интерпретации усложняются по сравнению с обычным потреблением произведений искусства. Задачи научно-познавательного и художественного освоения произведения искусства на определенном этапе разграничиваются. Появляется необходимость выйти из собственного контекста, устранить его, но только затем, чтобы после вновь «опрокинуть» текст в собственный контекст, раскрыв его современный смысл. С этой целью вырабатывается ряд конкретных процедур постижения текста (например, конкретные литературоведческие методы или методы литературной критики)⁷

Существует парадокс понимания — умение видеть прошлое и глазами его современников, и одновременно своими собственными. На этой основе понимание входит в методологию исторического познания. Процесс истории — процесс развертывания «сущностных

⁵ *Hirsch E.-D.* Three dimensions of hermeneutics. — *New literary history*. Charlottesville, 1972, vol. 3, N 2, p. 246.

⁶ *Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества. М., 1979, с. 350.

⁷ См.: *Борев Ю. Б.* Искусство интерпретации и оценки. М., 1981.

сил человека». Как уже отмечалось, опредмечивание существенных сил всегда детерминировано способом общественных отношений и выливается в специфические типы деятельности и типы культуры. На какой основе возможно сопоставление этих разных типов деятельности, как возможна преемственность в развитии культуры и истории, как возможно постижение новой исторической эпохи? — центральные вопросы методологии исторического познания. Несмотря на различия типов культур и исторических эпох, в них можно выделить инвариантные слои деятельности, обеспечивающие непрерывность исторического опыта. Благодаря преемственности основных типов деятельности можно говорить о возможности диалога культур, о возможности понимания чужой исторической эпохи.

Сложной проблемой исторического познания является вопрос о механизмах раскодирования предметного содержания исторической эпохи, воплощенного в исторических памятниках и текстах, о выявлении в них устойчивых композиций сознания эпохи, а также о превращении этих компонентов в элементы внутренней работы сознания исследователя. Здесь возникает диалог миропониманий (общества в целом и личности исследователя, снимающего в своем миропонимании миропонимание своего времени, исследователя и автора исторического источника).

Г.-Г. Гадамер уверяет, что «хорошо» понять можно только «отмершую культуру, потерявшую живую связь с настоящим. То есть в процессе интерпретации преобладать должно дистанцирование, необходимость сочетать контекст исторического источника и контекст интерпретатора исходя из **контекста источника**. Но в историческом познании роль чувственно-наглядных компонентов остается существенной. Возникает проблема — какой должна быть историческая интерпретация — оценочной (понимающей) или она может быть сведена к объяснению?

В современной западной философии существуют эклектические варианты привития рациональных, естественнонаучных методов на почве герменевтики и попытки применения этого гибрида к историческому познанию.

Речь идет о так называемом «объясняющем понимании» («объективно-понимающий» метод К. Поппера, «предпонимание» Г.-Г. Гадамера). Другое направление связано с выделением особой философской дисциплины — гносеологии исторического познания и созданием в ее рамках однолинейных методологических схем, не учитывающих специфику исторического сознания. Так, дедуктивистская модель К. Гемпеля претендует на объяснение эмпирических реалий из жизни того или иного исторического персонажа.

Разумеется, нельзя отрицать объяснение (как и наблюдение, сравнительное описание, метод аналогии и т. д.) в качестве мето-

дов исторического познания. Но эти методы являются дополнительными, а не основными в историческом познании. Они требуют главного исходного методологического принципа, вскрывающего суть исторического процесса и центрального исходного метода. В качестве таковых и выступают понимание и оценочная интерпретация как его модификация на уровне метода. Само историческое объяснение ориентируется на творческое понимание. Нестрогие, сложные, неполные объяснения должны сочетаться с чувственно-эмоциональным отношением к историческим героям. Объяснение исторического источника «из иного» следует дополнить пониманием его «из себя» в его полноте и уникальности. Только тогда возможно избавление от тенденциозности в историческом познании или от «мистификации» и иррационализма. Если в гуманитарном, в социальном познании методологическая роль понимания находит свою разработку в разных формах и проявлениях, то в естествознании дело обстоит иначе. Положение о том, что методом естествознания является объяснение, а не понимание, все более и более опровергается самим развитием естествознания.

Понимание имеет существенное значение на разных этапах естественнонаучного познания и по-разному проявляет себя. Это и предварительная интерпретация фактического материала на уровне наблюдения, и интерпретация теорий (попытка соотнести теории высокой степени абстракции с действительностью). В. Гейзенберг говорит о понимании как адаптации нашего мышления к совокупности новых явлений⁸. Луи де Бройль призывает с помощью понимания вернуться к «ясной» физической реальности, разорвать круг, в котором замыкается мышление, желающее остаться чисто дедуктивным, соотнести современные физические представления с их «чистыми» классическими истоками⁹. В. И. Кузнецов критикует гипотетико-дедуктивную модель познания в качестве объяснительной модели порождения нового знания. «Утверждать о выводе одной теории из другой все равно, что утверждать выводимость «Войны и мира» из русского языка»¹⁰, — отмечает он и пытается с помощью понимания определить механизмы порождения новых смысловых конструкций в физике.

Такая трактовка понимания направлена как против герменевтического понимания — интуитивного «вживания», «вчувствования», так и против узкометодологического подхода, связывающего понимание исключительно с гуманитарными науками. Разумеется, в со-

⁸ Гейзенберг В. Что такое «понимание» в теоретической физике. — Природа, 1971, № 4.

⁹ См.: Глебов А. А., Ляткер Я. А. О достоверном и неопределенном в науке. — Вопр. философии, 1973, № 12, с. 150.

¹⁰ Кузнецов В. И. Понимание как конструирующий фактор физической теории. — В кн.: Понимание как логико-гносеологическая проблема. Киев, 1981, с. 51.

временном естествознании понимание еще не доведено до уровня методов, конкретных познавательных операций, как в литературоведении или историографии, но методологическая функция понимания здесь прослеживается и оказывается весьма существенной. Понимание связывается с постановкой — решением задач (на основе интерпретации), и это делает понимание универсальным.

Хотя в естественнонаучном познании субъекту противостоит безгласная вещь, тем не менее объект природы, втянутый в человеческую деятельность (в данном случае в научную), становится уже предметом — носителем общественной потребности, носителем социального смысла, и «безгласная» вещь превращается в «говорящий», очеловеченный предмет. Предметное осмысление объекта порождает ситуацию выбора в инструментах исследования, ситуацию выбора интерпретации, перевода с языка одной теории на язык другой теории и т. д.

Итак, методологическая функция понимания особым образом проявляется в сферах конкретной предметности научного знания. Основной ее формой на уровне метода выступает оценочная интерпретация, переводящая ценностные аспекты знания в операциональные. В этом своем аспекте интерпретация, наряду с рефлексией, является также движущим импульсом развития методологического сознания.

В. И. НЕВОЛИН
Уральский университет

ОБ ЭВРИСТИЧЕСКОЙ ФУНКЦИИ ФОРМАЛЬНО-ЛОГИЧЕСКИХ ПРОЦЕДУР

Из истории логики хорошо известна контроверза, суть которой можно выразить вопросом: является ли логика только каноном, т. е. только своего рода методикой проверки правильности уже совершившихся рассуждений, или она может служить также и средством открытия новых истин, обладает эвристической функцией, позволяет расширять содержание знания, над которым совершаются логические операции (т. е. органом)¹?

Наибольшее распространение сегодня получило мнение о том, что функция эксплицированных логических структур по существу сводима к сугубо формальным приемам установления правильности знания, не обладающим свойством активно увеличивать информационную емкость знания, а эвристическая функция формально-логических процедур в лучшем случае реализуется в констата-

¹ См.: Бирюков В. В. Человеческий фактор в логике в свете проблемы «искусственного интеллекта». — В кн.: Кибернетика и диалектика. М., 1978.

ции того, что некоторое рассуждение проведено правильно или неправильно². Проанализируем два основных аргумента, которыми обычно подкрепляют это мнение, и покажем их недостаточность.

Аргумент 1. Наука логики изучает устоявшиеся формы мышления, отвлекаясь от того конкретного содержания, которым эти формы наполняются. Специалисты-логики описывают наиболее часто повторяющиеся «фигуры» мысли, выявляют инварианты в структурах рассуждения людей. Затем производится селекция наиболее эффективных и приводящих к истине процедур, квалифицируемых как канонические законы, правила и нормы мышления. Ожидается, что неуклонное следование этим канонам и в будущем предохранит мышление от заблуждений. В этом смысле логика не навязывает мышлению людей каких-то новых, прежде не свойственных ему черт, а просто фиксирует эти черты в форме строгих правил и, следовательно, не говорит о формах мышления больше того, что в актуальном мышлении уже имплицитно содержится. Иными словами, осуществление логических процедур не добавляет к знанию сколь-либо осязаемой конкретной информации.

В данном аргументе можно выделить три момента. Во-первых, утверждается, что формальная логика изучает только то, что уже совершилось, что характерно для мышления человека как родового существа на всем протяжении существования человеческого общества. При этом игнорируются тенденции качественного изменения процессов мышления в его фило- и онтогенезе. Во-вторых, полагается, что наука логики скорее более адекватно, чем менее полно и точно, отражает завершившиеся процессы мышления, верно воспроизводит его формальные структуры. В-третьих, логические каноны формулируются так, будто они одинаково годны для любой предметной области. Но действительно ли это всегда так?

Как и всякое знание, утверждения о нормах правильного мышления содержат в себе момент относительности: а) формы реального мышления изменяются и совершенствуются в процессе развития индивидуальной и общественно-исторической практики и рождения принципиально новых стереотипов предметных действий, о чем свидетельствуют, например, данные палеоантропологии и психологии развития ребенка; б) эволюция этих форм далеко не всегда и не сразу становится фактом логической науки; в) отвлеченность логических форм от конкретного содержания мышления не является абсолютной во всех отношениях, что проявляется в их эмпирической неуниверсальности и влечет за собой требование искать конечные границы области их применения; г) известен и целый ряд других гносеологических и семиотических препятствий на пути

² Классическое обоснование данного мнения было дано И. Кантом. См.: Кант И. Логика.— В кн.: Кант И. Трактаты и письма. М., 1980.

всестороннего познания логической реальности. Это означает, что всегда остается принципиально открытым вопрос об абсолютной правильности осуществления той или иной логической операции над качественно новым мыслительным содержанием.

Если учитывать различные аспекты относительности логической правильности, то следует признать, что каноническим логическим предписаниям, якобы всегда совпадающим с «природой» мышления, может быть присущ и элемент искусственности, т. е. момент навязывания «естественному» мышлению людей в качестве правильных таких операций, которые в данных конкретных условиях своего применения приведут к искажению (изменению) информации о предмете мысли. Вероятно, далеко не все еще формальные структуры мышления выявлены современной логической наукой, которые могут оказаться альтернативными, диалектически противоположными уже выявленным структурам. Современным тому примером может служить протест ряда ведущих физиков, изучающих микромир, против канонической «логики части и целого», которая в учебниках формальной логики объявлена основным дедуктивных умозаключений и выражена принципом «признак признака вещи есть признак самой вещи»³. В частности, гипотеза кварков и теория будстрапа построены Гел-Манном, Фраутчи и Чу на нетрадиционной идее, согласно которой часть может быть больше целого. Принцип «свойство целого всегда присуще его части» фальсифицируется фактами частого несовпадения системного свойства со свойствами элементов самой системы. Таким образом, осуществление нормативных логических процедур может объективно приводить к информационным изменениям в знании, к приписыванию предмету мысли чужеродного предиката (в особенности в индуктивных умозаключениях и в неполных аксиоматизированных системах); логические процедуры могут выполнять негативную «эвристическую» функцию.

Аргумент 2. «Внеисторичность» формально-логических процедур и их «адекватность» процедурам «естественного» (т. е. не обремененного знанием и осознанным применением канонов логики) мышления дополняется свойством их тавтологичности. Дедукция или полная индукция некоторого следствия Б из посылки А, проводимые без учета субъектом конкретного содержания А и Б, равносильны процедуре построения этого вывода. Например, в дедукции «медь как металл электропроводна» не содержится ничего иного, чего не было бы в общей посылке «все металлы электропроводны». Новизна такого вывода может иметь только индивидуально-психологическое значение: для отдельного индивида утверждение об электропроводности всех металлов не является итогом его собст-

³ Аксиома силлогизма.—Философская энциклопедия. М., 1960, т. 1, с. 32.

венного мыслительного синтеза (в этом смысле оно для него априорно истинно), конкретизация же общей посылки в отношении каждого отдельного металла подчас субъективно воспринимается индивидом как открытие, как получение новой информации о действительности. Однако по отношению к общественному сознанию в целом прецедент и консеквенты формально-логического следования абсолютно тождественны, хотя установление этой тождественности далеко не всегда является делом простым и автоматическим. Аристотель, как известно, не пользовался при построении силлогистических умозаключений квантором существования (квантором единичного суждения), употребляя как в большей, так и в меньшей посылках квантор всеобщности. Дж. Ст. Милль показал, что достоверность дедуктивного вывода целиком и полностью обязана абсолютному тождеству обеих посылок по своему формально-логическому содержанию. Сущностью логической импликации является принцип абстрактного тождества различных форм одного и того же суждения⁴, и именно поэтому формально-логическая операция над знанием не выполняет эвристической функции, объективно не увеличивает его информационное содержание.

Данный аргумент в пользу безинформативности логических процедур безупречен в нескольких отношениях общефилософского и логико-семантического порядка. Во-первых, он зиждется на методологической установке сенсуализма, согласно которой общее суждение является исключительно результатом индуктивного обобщения чувственного опыта, а логическое преобразование общего суждения только видоизменяет его форму, но объективно не добавляет к его содержанию никакой новой информации. На первый взгляд, как будто действительно не произойдет никакого информационного изменения, если мы заменим форму «все металлы электропроводны» на форму «каждый металл (всякая медь, ртуть и т. д.) электропроводен». Вместе с тем в истории научного познания многие общие суждения были получены не в результате индуктивного усмотрения общего в эмпирически различающихся предметах, а путем умственного эксперимента с уникальными, единичными абстрактными объектами, нередко имеющими сверхчувственную природу (например, с такими как «эфир», «волновая функция», «виртуальная частица»). Как показано Б. С. Грязновым, общее научно-теоретическое утверждение с квантором всеобщности не содержит в себе опытно-практического знания обо всех индивидах, о которых оно нечто сообщает, и поэтому ученый может знать истину раньше, чем представлять себе, о чем (о ка-

⁴См.: Пивоваров Д. В. Природа логического следования.— В кн.: Категория причинности в диалектической концепции связи. Свердловск, 1974.

ком конкретном материальном объекте) эта истина⁵. Скажем, статистическое утверждение «на каждый крестьянский двор приходится по четверти лошади», полученное посредством логико-математической обработки эмпирических данных, имеет сверхчувственный смысл, говорит о действительности больше, нежели эти данные сами по себе. В данном случае операции сложения и деления эмпирической информации объективно увеличили ее общий объем. В содержание знания входит не только информационно-предметное, но и операционно-информационное содержание, равно как и информационно-оценочный момент. Логические преобразования знания в первую очередь приводят к изменению операционного и оценочного компонентов знания, но в конечном счете увеличивается и его предметный компонент.

Анализируемый нами аргумент 2 о тавтологичности логических процедур может быть всерьез принят только по отношению к дедуктивному выводу и полной индукции, но совершенно очевидно неприменим к вероятностной и продуктивной логике. Но и в отношении к дедукции мы не можем согласиться с ним безоговорочно. Только в самых простых случаях формально-логическая дедукция не дает объективного прироста знания и сводится лишь к психологической новизне вывода для того или иного отдельного субъекта. Гносеологическим основанием аргумента 2 прежде всего является так называемая абстракция логически всеведущего субъекта. Зная, например, постулаты специальной теории относительности, т. е. принцип релятивности и принцип постоянства скорости света, такой субъект способен непосредственно усматривать и полный объем следствий из них, ибо эти следствия, по замечанию Эйнштейна, выводятся логико-дедуктивным путем⁶. Поэтому для него не существует объективных познавательных трудностей для усмотрения полной тавтологичности посылок и всех возможных выводов из них.

Однако идеализация «логически всеведущего субъекта с абсолютно надежной памятью» во многом не соответствует реалиям научного познания. Во-первых, не существует единого логического критерия дедуктивной правильности: операция выводимости оказывается более или менее эффективной только в так называемых полных логических системах; в неполных же системах (например, в арифметике) могут найтись два логически исключающих друг друга вывода, выводимые из одних и тех же аксиом. В таком случае приходится применять иные критерии правильности, например, критерий выполнимости, представляющий собой уже полуэмпирическую рекурсивную процедуру, а ее результаты не могут быть все-

⁵ Грязнов Б. С. Логика. Рациональность. Творчество. М., 1982, с. 30.

⁶ См.: Холтон Дж. Тематический анализ науки. М., 1981, с. 133.

гда усматриваемы непосредственно. Во-вторых, решения ряда логико-математических задач и теорем делятся годами, хотя ретроспективное сопоставление посылок и полученных выводов свидетельствует в пользу их тавтологичности. В этих случаях либо неизвестен точный алгоритм для решения проблемы, либо применение алгоритма объективно сопряжено с длительным временным фактором. А это уже трудности не только чисто психологического порядка, и их преодоление приводит к появлению объективно значимого в отношении к общественному сознанию в целом прироста знания.

В нашей литературе пока еще не получил своего развернутого решения вопрос о собственной конструктивности логико-теоретической рефлексии, т. е. вопрос об отыскании максимального количества логических следствий в виде содержательно неинтерпретированных выражений символического языка, хотя предпринято немало попыток проанализировать логический аспект формализации дедуктивно построенных разделов научного знания. По нашему мнению, отправным пунктом в решении данной проблемы может служить идея Л. С. Выготского о сущности процесса логического мышления как о «речи в уме», как об оперировании знаками языка. Все усиливающееся введение символического языка в логико-теоретические системы рано или поздно приведет к качественному изменению содержания логических образов, усилит конструктивную функцию логических процедур подобно тому, как предпринятая в свое время Виетом замена знаков естественного языка символами привела к качественному скачку в алгебре и в математике в целом.

Формализация естественного языка позволяет в какой-то мере преодолеть трудности обозрения тех следствий, которые не имеют непосредственных предметно-чувственных аналогов в материальной действительности. Логические миры, возникающие в формально-логических системах, включают в себя не только «действительное» (фактическое) положение дел, но также и логически возможные ситуации, однозначно не связанные с эмпирией. Образуя языковой аналог уникального сочетания научных концептов, пропозициональные выражения, детерминированные процессом символизации, представляют собой описание такого логического каркаса мысли, содержательная интерпретация которого ведет к приросту знания, к обнаружению ранее неизвестных эмпирических объектов, а также к устранению — концептуальных фикций»⁷ Таковы возражения против абсолютной тавтологичности логических процедур.

⁷ См.: Хинтикка Я. Логико-эпистемологические исследования. М., 1980, с. 220, 230.

О РОЛИ БАЗОВЫХ ОПЕРАЦИЙ В ТЕХНИЧЕСКОМ ПОЗНАНИИ И ПРАКТИКЕ

Нередко в основе того или иного сложнейшего вида человеческой деятельности лежит совокупность всего лишь нескольких простейших движений или операций. Причем овладеть данным видом деятельности — это значит научиться выполнять такие операции. Например, овладеть искусством фехтования или борьбы — это значит научиться выполнять основные приемы. С другой стороны, одно и то же действие может приводить к самым разным результатам. Результат мы, как правило, видим, но действие, лежащее в его основе, далеко не всегда очевидно. «Мы часто говорим, — указывает А. И. Гольдман, — что человек совершает одно действие «путем» осуществления другого действия, и мы на этом основании можем объяснить, как осуществляется А путем раскрытия А1»¹. А. И. Гольдман вводит понятие базовых действий, которые являются основанием тех или иных изменений. Основанием процесса преобразования природы человеком является трудовая операция, их совокупность образует тот или иной производственный процесс. В данной статье мы ставим своей целью показать, что выделение и изучение элементарных операций человеческой трудовой деятельности является одним из необходимых условий развития техники и технического познания.

Известно, что развитие техники является последовательным процессом передачи трудовых функций человека техническим средствам, процессом их овеществления. Для этого следует выделить операции, которые обеспечивают их. Как отмечает Л. В. Яценко, «механическому замещению поддаются не все трудовые функции, а лишь стандартные повторяющиеся операции. Поэтому техническое познание включает аналитические процедуры расщепления целостного производственного процесса, выделения и группировки его репродуктивных элементов»².

На наш взгляд, для выделения таких элементов недостаточно расщепления производственного процесса. Выделение операции в данном случае выступает и как ее создание. Одни и те же трудовые функции могут выполняться по-разному. Чтобы обеспечить возможность их механического (автоматического) замещения, необходимо лишить выполнение операций индивидуальных особенно-

¹ Goldman A. J. Theory of Human Action. New Jersey, 1970, p. 8.

² Яценко Л. В. Взаимодействие познавательных аспектов научного и технического творчества.— В кн.: Диалектика в науках о природе и человеке. М., 1983, с. 401.

стей, вносимых тем или иным исполнителем, т. е. выделить существенное и необходимое и отбросить случайное.

Следует найти адекватное понятие для обозначения указанных элементов и определить их. К. Маркс в «Капитале» употребляет следующие термины: особые операции, обособленные операции, частичные операции и, наконец, простые действия³. Он выделяет следующие основные особенности операций⁴. 1. Деятельность в пределах операции приобретает наиболее целесообразные формы. 2. Каждая из них откристаллизовывается в исключительную функцию одного рабочего. При этом рабочий оказывается частичным рабочим. 3. Они сравнительно просты. 4. Каждая из таких операций требует специальных, а не универсальных орудий.

Чтобы подчеркнуть, что указанные элементы являются основой трудового процесса, мы предлагаем использовать термин «базовая операция», который и будет обозначать его простые, оптимальные элементы, требующие для своего выполнения определенных орудий.

Следует отметить, что далеко не все технические средства прямо и непосредственно заменяют человеческий труд. Часть их совершают «действия», которые в принципе не могут быть осуществлены человеком. Тем не менее в основе принципов действия подобных устройств лежат образы, которые, по мнению Л. В. Яценко, «содержат определенные аналоги с технизированным трудом»⁵. Современные методики проектирования предполагают сознательный поиск таких аналогов. Так, в ТРИЗе (теории решения изобретательских задач) предлагается так называемый метод ММЧ (моделирования маленькими человечками): необходимо представить, как данную работу могла бы выполнить бригада микроскопических лилипутов, а затем моделировать их предполагаемые операции. Американский изобретатель Дж. Диксон в книге «Проектирование систем: изобретательство, анализ, принятие решений» предлагает почти аналогичный метод инверсии. О справедливости этой мысли говорит самый характер понятий, которыми оперируют соответствующие технические науки. Например, о транзисторе — электронном приборе, не имеющем никаких подвижных частей, говорят, что он «отпирается», «запирается», «приоткрывается» и даже «насыщается». Таким образом, и здесь при проектировании технических средств мы опираемся на базовые операции, хотя и воображаемые.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 348—381.

⁴ Здесь и далее «операция» понимается как «способ осуществления действия». (См.: Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975).

⁵ Яценко Л. В. Взаимодействие познавательных аспектов научного и технического творчества, с. 401.

Исторически процесс труда (вначале рефлекторного) начинается с буквального моделирования процессов, «операций», имеющих место в природе. Именно поэтому первоначальной техникой обработки камня была техника разбивания. Ю. И. Семенов отмечает: «Результаты подобного рода актов изготовления орудий не могли первоначально качественно отличаться от результатов «обработки», которой могли подвергнуться камни в естественных условиях без вмешательства предлюдей»⁶. Форма, а следовательно, и степень совершенства полученных таким путем орудий зависела от случая. Поэтому ищутся качественно иные приемы на основе «приемов» природы. Новые виды операций могут возникнуть только на основе уже освоенных. Ю. И. Семенов далее пишет, что «наряду с техникой разбивания камня возник и получил развитие новый прием обработки камня, заключающийся в отбивании от каменного желвака осколков и тем самым в оббивании желвака или гальки. Можно предположить, что первоначально этот прием возник как средство устранения какого-нибудь дефекта, мешавшего успешному использованию куска камня в качестве орудия»⁷. В дальнейшем этот прием приобрел самостоятельное значение и положил начало новому виду техники обработки камня. Наконец появляются три-четыре намеренно изготавливаемые формы орудий. Причем, эти орудия, а следовательно, и приемы их использования были практически одинаковы во всех районах. «Сделанные из ископаемого дерева шелльские отщепы, грубые рубящие орудия и ручные рубила Бирмы ничем существенным не отличаются от изготовленных из обсидиана отщепов, грубых рубящих орудий и ручных рубил Армении и от кремниевых отщепов, грубых рубящих орудий и ручных рубил Франции»⁸.

Закономерным результатом развития производственной деятельности явилось и освоение огня. Ю. И. Семенов, разделяя точку зрения Б. Ф. Поршнева и английского исследователя К. Оукли, утверждает, что знакомство человека с огнем произошло в процессе его деятельности по изготовлению каменных орудий. «Искры, возникавшие при ударе камнем о камень, неизбежно то и дело вызвали воспламенение всегда имевшихся в стоянках человека горючих материалов. Постоянно сталкиваясь в своей повседневной деятельности с огнем, человек научился пользоваться им и сохранять его, а в дальнейшем и намеренно добывать»⁹.

Таким образом, техника обработки камня, развиваясь, подготовила собственный конец — овладение огнем означает возможность плавления металлов. Поэтому мы не можем судить, достиг-

⁶ Семенов Ю. И. Как возникло человечество. М., 1966, с. 142—143.

⁷ Там же, с. 159—160.

⁸ Там же, с. 189.

⁹ Там же, с. 203.

ли или нет операции по их изготовлению и применению своего оптимального выражения. Но очевидно, что их изготовление и использование шло по пути **стандартизации**. Далее их формы были положены в основу форм металлических орудий ручного труда. Начинается длиннейший период совершенствования последних, пока они, по словам К. Маркса, не «застывают», достигнув совершенной формы.

Одновременно идет процесс выработки базовых операций. Ремесленник античности и средневековья производит тот или иной продукт самостоятельно, выполняя все необходимые для этого операции. Труд ремесленника весьма сложен, требует длительного времени для обучения. То или иное ремесло, как правило, передается по наследству, а в силу этого выполнение той или иной операции всегда имеет индивидуальные особенности и не является оптимальным. Один и тот же инструмент применяется для разных операций и поэтому оказывается универсальным, т. е. пригодным для нескольких операций, но для каждой из них несовершенным. Единственным путем повышения производительности труда оказывается совершенствование его разделения, что и происходит в мануфактуре. К. Маркс в «Капитале» пишет, что мануфактура возникает двояким способом. В первом случае «объединяются рабочие разнородных самостоятельных ремесел, через руки которых последовательно должен пройти продукт вплоть до того, пока он не будет окончательно готов...

Но мануфактура возникает и противоположным путем. Многие ремесленники, выполняющие одну и ту же однородную работу, ... объединяются капиталистом в общей мастерской¹⁰. При этом внешние обстоятельства, например, необходимость доставить в короткий срок большое количество готового товара, могут заставить разделить труд, что потом и закрепляется. Производство, указывает К. Маркс, «разделяется на различные особые операции, каждая из которых откristаллизуется в исключительную функцию одного рабочего и совокупность которых выполняется союзом таких частичных рабочих»¹¹. К. Маркс подчеркивает, что односторонняя деятельность частичного рабочего в пределах этой суженной сферы приобретает наиболее целесообразные формы. Идет процесс формирования оптимальных, базовых операций. В начале этого процесса труд рабочего сохраняет свой ремесленный характер: требует от него особой ловкости и умения обращаться с инструментом. В силу своей специализации частичный рабочий оказывается более искусным в данной операции, чем его предшественник — ремесленник универсальный. Но, развивая свое искусство, он под-

¹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 348—349.

¹¹ Там же, с. 349.

готовливает и свой собственный конец как квалифицированного рабочего. Дело в том, что, во-первых, продолжается дробление производственного процесса, во-вторых, ему соответствует процесс изменения орудий, которые становятся специальными — совершенными для выполнения той или иной узкой операции. В результате производственный цикл распадается на совокупность простых действий, из которых многие могут быть выполнены так называемыми необученными рабочими. «Развивая до виртуозности одностороннюю специальность за счет способности к труду вообще, — пишет о мануфактуре К. Маркс, — она превращает в особую специальность отсутствие всякого развития»¹².

Таким образом, весь рассмотренный период завершается выделением операций, обладающих признаками совершенства и простоты, и созданием для каждой из них оптимального инструмента. А выделение базовых операций означает возможность их передачи техническому средству, т. е. возможность создания машины. Техническое знание всего этого периода представляет из себя описание действий с инструментами и их последовательности.

Обратим внимание, что весь рассмотренный период, охватывающий три общественно-экономические формации, К. Маркс определял в «Экономических рукописях 1857—1858 годов» как этап, характеризующийся отношениями личной зависимости. «Отношения личной зависимости (вначале совершенно первобытные) — таковы те первые формы общества, при которых производительность людей развивается лишь в незначительном объеме и в изолированных пунктах»¹³ Эти три формации имели существенную общую черту — производство не было товарным. Рассматриваемая здесь сторона производства этого периода позволяет, на наш взгляд, понять одну из причин такого рода отношений. Когда базовые операции труда еще не выделены, производители с необходимостью оказываются поставленными в отношении личной зависимости друг к другу, поскольку обучение труду может совершаться только по принципу «рука в руку» и из поколения в поколение. Пока не познаны основания трудового процесса, он основывается на «секретах». К. Маркс говорит о том, что образование каст и цехов совершенно неизбежно. «Касты и цехи возникают под влиянием такого же естественного закона, какой регулирует образование в животном и растительном мире видов и разновидностей, — с той лишь разницей, что на известной ступени развития наследственность каст и исключительность цехов декретируются как общественный закон»¹⁴. Отношения внутри цеха или касты являются именно отношениями личной зависимости.

¹² Там же, с. 363.

¹³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. 1, с. 100.

¹⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 352.

С выделением базовых операций процесс труда освобождается от «секретов». При этом труд работника а) лишается своеобразия, вносимого индивидуальностью; б) на каждую операцию затрачивается общественно необходимое рабочее время. Появляется возможность сделать рабочую силу товаром. Она реализуется с переходом к машинному производству.

Машина берет на себя функцию оперирования инструментами, а рабочему приходится управлять машиной. Резко возрастает производительность труда. В техническом знании на первое место выдвигается описание предметной стороны совокупного рабочего механизма, т. е. машин и способов их конструирования. Для создания машин становится необходимой теория, опирающаяся на достижения естествознания. На основе механики и математики возникают собственно технические теории — теория механизмов и машин, сопротивление материалов и др. Создавать проекты машин — такова цель технического познания этого периода.

По мере развития машин, отмечает Г. И. Волков, оказывается, что «человек, рассматриваемый как элемент совокупного рабочего механизма, представляет для технической системы нечто вроде «архитектурного излишества». Он слишком универсален и богат в своих жизненных проявлениях и в то же время слишком мало приспособлен для исполнения чисто механических действий... Какую бы частичную роль ни играл рабочий в системе машин, она ограничена физиологическими пределами человеческого организма»¹⁵.

Кажется крайне заманчивым вообще отказаться от рабочего. Изобретателями прошлого века предпринимается ряд попыток создать «совокупные» машины, которые, подобно совокупному рабочему выполняли бы все операции по изготовлению того или иного продукта. В ряде случаев это удается (К. Маркс, например, упоминает о машинах для производства конвертов и бумажных пакетов) но в целом эта линия в развитии техники оказывается несостоятельной. В большинстве случаев предполагаемая совокупная машина оказывается слишком громоздкой, а главное, в производимый продукт нельзя внести никаких изменений. Кроме того, оказывается, что функции рабочего, которого часто называют «придатком машины», не так уж просты. Управление машиной предполагает выполнение совокупности умственных операций. Для того чтобы передать их техническому средству, оказывается неизбежным тот же самый путь — путь выделения базовых операций, Но теперь это стандартные повторяющиеся операции умственного труда. Их изучение является условием успешной автоматизации производства.

Весьма характерно, что именно в период начала автоматизации техника и техническое знание оказываются объектом самого при-

¹⁵ Волков Г. И. Эра роботов или эра человека? М., 1965, с. 33—34.

стального внимания со стороны философии. Философы принимают участие в попытках создать теории, охватывающие технику в целом (техниковедение, теоретическая технология, общая теория техники и др.). Одной из причин является, на наш взгляд, существенное изменение предмета технического знания, которое выражается во включении в него человека. Следует отметить, что при проектировании технического средства всегда подразумевалось, что им будет пользоваться человек, но не более того. Проектирование опиралось на совокупность технических и естественных наук, а гарантией успеха была строгость расчета.

На этапе автоматизации такой подход изжил себя: Оказалось необходимым прямое включение человека в предмет технического познания. Эта мысль встречается у целого ряда авторов. Так, В. А. Матвеев и Б. А. Степанов пишут: «Методологически непродуктивно расчлененное рассмотрение «человека» и «машины»... Во всех без исключения способах выработки решений необходимо привлечение так называемой «дополнительной информации» в виде суждений человека... Ее привлечение играет решающую роль в деле выработки и принятия решений»¹⁶. В. Г. Горохов также утверждает, что «объектом комплексного исследования в современных научно-технических дисциплинах будет уже не традиционный инженерный объект, хотя и достаточно сложный, а качественно новый **деятельностный объект**»¹⁷. Таким образом, техническое познание является моментом самопознания человека, а техносфера—его моделью. При этом в развитии техники, в постоянном совершенствовании этой модели проявляется диалектика абсолютной и относительной истины в самопознании человека.

Выделение базовых операций умственного труда оказалось чрезвычайно сложным делом. Однако некоторые из них уже выделены. Например, счет. Для передачи этой операции техническим средствам пришлось свести его к операции сложения, причем только в двоичной системе. Выделение базовой операции счета позволило передать ЭВМ функции управления многими производственными процессами.

Развитие техники неотделимо от познания базовых операций физического и умственного труда, причем выделение группы качественно однородных базовых операций приводит к возможности переворота в технологическом способе производства (перевороты при переходе от орудий труда к машинам и от машин к автоматам). Можно привести немало примеров тому, что базовые операции выступают, в конечном счете, как своеобразный аналог об-

¹⁶ Матвеев В. А., Степанов Б. А. Роль и место человека в процессе исследования сложных технических систем.—Вопр. философии, 1983, № 3, с. 81.

¹⁷ Горохов В. Г. Проблемы построения современной технической теории.—Вопр. философии, 1980, № 12, с. 124.

ших понятий. Скажем, операция, выполняемая токарным станком, содержит в себе то общее, существенное и необходимое, что содержится в приемах обточка, используемых всеми ремесленниками. Поэтому, перефразируя известное положение В. И. Ленина, можно сказать, что базовые операции являются моментами познания человеком своей собственной природы. Указанная аналогия может быть использована для выявления основных особенностей базовых операций.

Как и в каждом понятии, в операции можно выделить ее содержание и объем, причем окажется справедливым закон их обратного отношения: чем больше содержание операции, тем меньше ее объем, и наоборот. Так, если к содержанию операции «резание» добавить признак «металла», то объем окажется меньше. Если образование понятия, обозначающего класс предметов, говорит о возможности его познания, то выделение базовой операции означает возможность ее передачи техническому средству, а техническое познание оказывается процессом поиска таких операций.

Процесс собственно создания технических средств и процесс выделения базовых операций являются взаимозависимыми. Функционирование технического средства показывает необходимость поиска базовой операции, а последний дает возможность совершенствования технического средства. Так, в первых устройствах, облегчающих счет, изобретатели пытались реализовать каждое арифметическое действие в десятичной системе исчисления. Их громоздкость и сложность показали несостоятельность этого пути. Пришлось совершенствовать операцию — создавать двоичную систему исчисления, имеющую только две цифры — единицу и ноль, которые сравнительно легко моделируются.

В. И. Ленин указывал, что искусство оперировать с понятиями «требует всегда изучения движения понятий, их связи, их взаимопереходов»¹⁸. Изучение истории техники дает нам возможность обнаружить взаимосвязь базовых операций, их переход друг в друга. Известно, что наряду с изменениями в технологическом способе производства (техническими революциями) в развитии техники имели место перевороты, связанные с теми или иными крупными изобретениями, например, начало использования огня, металлов, создание электротехники и т. д. Такие перевороты сравнимы со сменой парадигм в науке.

«Большинство вещей, которые нас окружают, — пишет М. А. Розов, — могут быть включены в деятельность различным образом, в рамках разных традиций, и в этом смысле являются инверсивными объектами»¹⁹. Осознание объекта как инверсивного означает

¹⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 227.

¹⁹ Розов М. А. Пути научных открытий.—Вопр. философии, 1981, № 8, с. 141.

(по Розову) возможность перехода от одной парадигмы к другой. В нашем случае мы сталкиваемся с осознанием операции как инверсивной. При выделении базовой операции несущественные для нее особенности не всегда отбрасываются. Их исследование может привести к возникновению другой самостоятельной операции, которая может даже заменить выделяемую. Мы уже упоминали, что получение огня явилось побочным эффектом при обработке камня. Можно привести множество других аналогичных фактов. Например, в книге Дж. Бернала «Наука в истории общества» читаем, что «прядение, кроме разве лучкового сверла, было первой промышленной операцией, использовавшей вращение, и, вероятно, в свою очередь привело к употреблению колеса, которое в следующий период должно было революционизировать механику, промышленность и транспорт»²⁰. Выделение одних операций влечет за собой появление других, одна «переливается» в другую, что и приводит к коренным качественным изменениям в сфере техники.

Итак, суммируя все сказанное, мы можем утверждать, что: а) необходимым и существенным моментом технического познания является изучение трудовых операций с целью выявления базовых операций; б) узловыми моментами в развитии техники являются моменты передачи базовых операций человеческой деятельности техническим средствам; в) осуществляя этот процесс, человек познает себя. Поэтому базовая операция оказывается ядром технического познания и действия.

Познавая посредством выделения базовых операций свою собственную природу, человек в то же время и изменяет ее. Особенно четко это проявляется в переломные моменты. Так, исторически первое выделение базовых операций (в мануфактуре) превращает, как уже говорилось, ремесленника в частичного рабочего. Если труд ремесленника был в какой-то степени творческим и разнообразным, то труд частичного рабочего оказывается его противоположностью. К. Маркс в «Капитале» приводит следующее положение А. Смита: «Человек, вся жизнь которого проходит в выполнении немногих простых операций... не имеет случая и необходимости изощрять свои умственные способности или упражнять свою сообразительность... Однообразие его неподвижной жизни естественно подавляет мужество его характера. Оно ослабляет даже деятельность его тела и делает его неспособным напрягать свои силы сколько-нибудь продолжительное время для инюга какого-либо занятия кроме того, к которому он приучен. Его ловкость и умение в его специальной профессии представляются, таким образом, приобретенными за счет его умственных, социальных и военных качеств»²¹.

²⁰ Бернал Дж. Наука в истории общества. М., 1956, с. 374—375.

²¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 374—375.

Машинное производство требует от рабочего более высокой культуры, но тем не менее однообразный характер труда в некоторой степени сохраняется. И только автоматизация делает труд в полном смысле слова творческим. Поэтому автоматизированный труд выступает как отрицание отрицания труда ремесленного.

Очевидно, что та или иная существенная особенность производства не может не сказаться на характере потребления. Обратим внимание на следующий момент: замена ремесленника машиной сделала возможным массовое производство. Его следствием явилось четкое выделение «базовых операций» в потреблении. Отныне каждому предлагается стандартный набор предметов потребления и бытовой техники. Ценности духовной культуры также представлены в этом стандартном наборе. Одинаковые вещи предполагают одинаковые действия с ними. Массы впервые получают возможность приобщиться к культуре, но эта культура оказывается унифицированной. Таким образом, серийное производство оказывается необходимым условием так называемой массовой культуры²².

Складывается противоречие между моделью человека, функционирующей в производстве, и реальным человеком, который обеспечивает его функционирование и потребляет результаты. Строя модель человека на основе познания базовых операций, мы тем самым не только познаем сущность реальных операций, из которых они были выделены, но и обедняем, огрубляем их. В результате человек упрощенный как бы создает мир, в котором живет и действует человек реальный, навязывая ему определенные стереотипы. Причем, устранение этого противоречия означало бы достижение абсолютной истины в самопознании человека.

Тем не менее это не означает, что человек сводится к простой технологической схеме. Во-первых, один и тот же набор предметов, а следовательно, и элементарных операций потребления, может дать практически бесконечное количество вариантов действия подобно тому, как несколько нот дают всю совокупность музыкальных произведений. Во-вторых, что наиболее существенно, процесс, положивший начало «стандартизации» человека, подготавливает и ее конец.

²² Когда в философии экзистенциализма появляется тема «неподлинного бытия», то последнее связывается с взаимозаменяемостью, человек уподобляется винтику, стандартной детали. Неудивительно и появление самой проблемы сохранения индивидуальности. До серийного производства она просто не могла бы возникнуть.

В. А. ЛОСКУТОВ
Уральский университет

СИСТЕМООБРАЗУЮЩЕЕ ОТНОШЕНИЕ МЕТОДА ВОСХОЖДЕНИЯ ОТ АБСТРАКТНОГО К КОНКРЕТНОМУ

Основная задача статьи — через анализ системообразующего отношения восхождения от абстрактного к конкретному раскрыть основные закономерности развития его методологической формы.

Метод восхождения от абстрактного к конкретному представляет собой теоретическое движение от принципа развития до формально и содержательно развернутой теории развития. Ключевыми в анализе этого движения являются проблемы «начала» развития теории, отражения в логике понятий закономерностей развития основных противоречий изучаемого объекта, единства логического и исторического.

В настоящее время в большинстве специальных исследований, посвященных логической структуре восхождения от абстрактного к конкретному, особое внимание уделяется проблеме «начала» развития. Этот факт далеко не случаен. Реконструкция «начала» позволяет как бы в «чистом» виде моделировать основные закономерности восхождения, выделить основные логические и методологические «блоки» без жесткой развертки их в предметном материале исследования. Восхождение от абстрактного к конкретному представляет собой развитие этого «начала», тех всеобщих закономерностей, которые в нем заключены. Возвращение к «началу» есть форма теоретического познания противоречий его движения в «настоящем». Логический «скелет» этого процесса образуют те гносеологические проблемы, которые отражают логику развития и разрешения этих противоречий. Определяя размерность, единство этапов восхождения к «началу», они служат своего рода гносеологическими ориентирами, «вехами» этого процесса. В системе теоретического познания специфическую форму движения реальных противоречий создают не только гносеологические проблемы, но и методы их разрешения. Диалектическое единство «проблема—метод» образует целостность логической реконструкции «начала».

Исходную точку восхождения отражает принцип развития. Он схватывает сущность перехода от различия многообразного к его единству — основное противоречие развития объекта. Соответ-

венно, системообразующим отношением метода восхождения будет единство таких познавательных операций, которые наиболее глубоко раскрывают природу этого противоречия. В диалектической логике они называются «анализ» и «синтез». Принцип развития заключается в себе единство онтологических и гносеологических оснований системообразующего отношения метода восхождения. Предельный характер этих оснований отражают категории конкретное и абстрактное. Категория конкретное отражает единство многообразия вообще. Категория абстрактное — различие многообразного вообще¹. Принцип развития фиксирует все те метаморфозы, которые происходят с «началом» развития в процессе его воспроизводства в системе развития изучаемого объекта. Проанализировать системообразующее отношение метода восхождения от абстрактного к конкретному — это значит понять методологическое содержание принципа развития, методологию «движения» «начала» в системе развития рассматриваемого объекта.

Классическим образцом восхождения от абстрактного к конкретному, теоретической реконструкции «начала» развития системы был и остается анализ «начала» капиталистического способа производства, выполненный К. Марксом.

Проблема «начала» в политэкономической теории К. Маркса занимает чрезвычайно важное место, и это не случайно. Все многообразие отношений буржуазного общества следует «рассматривать как развитие этого зародыша»². В разное время, исследуя различные отношения капиталистического общества, Маркс приходил к одному и тому же «началу». Можно ли в таком случае говорить о едином логико-методологическом основании этих поисков? На наш взгляд — да. А это значит, что можно через определенную логическую последовательность гносеологических проблем и методов их разрешения вычленить основные этапы логической реконструкции «начала». Задача заключается в том, чтобы восстановить на основе общей логико-методологической схемы Маркса эти проблемы и методы, воспроизвести диалектику их единства, воссоздать целостность логической реконструкции.

В своем анализе К. Маркс исходит из наличного бытия современного ему капиталистического общества. Значит ли это, что он начинает с хаотичного представления о целом? Характеризуя метод Маркса, Ф. Энгельс писал: «При этом методе мы исходим из первого и наиболее простого отношения... из первого экономического отношения, которое мы находим»³. Что же является этим отношением? Что и как К. Маркс открывает на «поверхности» буржуазного общества? «Размышление над формами общественной жи-

¹ Гегель. Наука логики: В 3-х т. М., 1972, т. 3, с. 46.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. 1, с. 264.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 13, с. 497.

зни, а значит и их научный анализ следует путем, который совершенно противоположен действительному движению. Оно начинается задним числом, когда налицо уже совершенно устоявшиеся данные, результаты развития»⁴. Результатом развития капиталистического производства является «товарная масса». Используя полученное из эмпирической стадии исследования понятие «товар», Маркс анализирует его отношение к системе капиталистического производства, определяя тем самым «специфические отличия» «товарной массы». С одной стороны, «отдельный товар функционирует только как неотъемлемая часть всей товарной массы»⁵, как результат данной формы производства. Отношение «система производства — результаты ее развития» опосредовано товарной массой. Эта масса определяет экстенсивную всеобщность существования своих частей: «для капиталистического способа производства характерно то, что весь продукт производится в форме товара»⁶. Ее части обнаруживают себя во «всеобщей форме продукта». С другой стороны, каждый отдельный товар не принадлежит товарной массе, он есть часть капитала, форма выражения его стоимости. В этом случае он существует и развивается на другом основании (капитал) и проявляется в другой форме. Товарная масса определяет его интенсивную всеобщность: «...только с развитием капиталистического производства, т. е. только с развитием капитала, впервые осуществляются также и общие законы, сформулированные относительно товара»⁷. Здесь товар обнаруживается как «всеобщая элементарная форма богатства».

Таким образом, раскрывая единство и различие частей товарной массы, Маркс обнаруживает две **различные** формы товара. Их всеобщность определена через различные основания существования товарной массы — **труд** и **капитал**.

Проблема единства «система—результат ее развития» решается Марксом при помощи «элементарного анализа» и «элементарного синтеза»⁸. Элементарный анализ товарной массы как совокупности отличных друг от друга товаров совершается посредством элементарного синтеза этих частей (правда, на другом основании); посредством установления их координации в рамках целого, основополагающего закона их целостного бытия.

Капиталистическое производство представляет собой органическую систему, т. е. результаты своего развития она превращает в предпосылки собственного воспроизводства. Возникает проблема—

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 49, с. 177.

⁵ Там же, с. 238.

⁶ Там же, с. 302.

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. 1, с. 345.

⁸ *Мамардашвили М. К.* Процессы анализа и синтеза.— *Вопр. философии*, 1958, № 2, с. 53—56.

в какой из двух отмеченных форм реализуется исходное отношение данной системы? «Всеобщая форма продукта» или «всеобщая элементарная форма богатства» является исходным пунктом ее воспроизводства?

Анализируя капиталистическое производство, Маркс выделил в нем три абстрактных момента: материал, орудие, труд. В данном единстве труд существует как «живой», «абстрактный» труд, как «не-капитал»⁹. Фиксируя специфические различия двух других моментов производства (они существуют на базе конкретного тождества, т. е. «овеществленного труда»), он выделяет наряду с абстрактным трудом еще две формы труда: труд как целенаправленное воздействие на определенный материал при посредстве орудия (его результатом является товар в специфической форме продукта) и труд как «естественное условие человеческого существования, условие обмена веществ между человеком и природой, независимое от каких бы то ни было социальных форм» (его результатом является продукт как соединение двух элементов — вещества природы и труда)¹⁰. Взаимодействие этих трех форм развития труда конституирует процесс производства капиталистического продукта. Исходным является тот труд (конкретный), который производит потребительную стоимость продукта, т. е. товар во «всеобщей форме продукта». Но этот товар не может быть началом развития капиталистического производства, поскольку он есть его «абстрактно-всеобщая» часть. «Недостаточно, — по мнению Маркса, — свести товар к «труду», необходимо свести его к труду в двоякой форме»¹¹. В результате изучения различных форм труда Маркс пришел к выводу, что товар как результат и как исходный пункт системы капиталистического производства **генетически различны**.

Поскольку система капиталистического производства является единством процесса труда и процесса увеличения стоимости, а последний есть не что иное как превращение общественной формы труда в форму развития капитала, постольку и сведение товара к труду не может быть полным без развернутого анализа его отношения к капиталу. Перед Марксом стояла задача объяснить, каким образом «в процессе производства сам капитал как форма отличается от себя как субстанция»¹². Он решил ее путем генетического исследования различных форм развития буржуазного богатства.

Маркс выделяет три «всеобщие» формы богатства: капитал — деньги—товар. Капитал сохраняет свое идеальное определение во

⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. 1, с. 242.

¹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 13, с. 23.

¹¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 49, с. 49.

¹² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. 1, с. 253.

всех субстанциях. Ему противостоит произведенный товар как всеобщая потребительная стоимость.

Единство товарного обращения и товарного производства (потребление рабочей силы) образует постоянно воспроизводящееся отношение «деньги—товар». Через него индивидуализируется всеобщая форма богатства. Деньги производят товар в специфической потребительной стоимости (рабочей силы).

Товар как «всеобщая элементарная форма буржуазного богатства», также как и капитал, и деньги, «производит» себе подобных. Он «самопорождается» через отношение к труду. Возникающий в этом процессе продукт не есть носитель всеобщей или особенной потребительной стоимости. Товар является «материализацией определенного количества всеобщего общественного труда, а значит — стоимостью»¹³. В этом случае труд есть «всеобщая возможность богатства»¹⁴. Тем самым он создает меновую стоимость, составляющую содержание капиталистического богатства. Маркс отмечал, что «элементарной предпосылкой буржуазного общества является то, что труд непосредственно производит меновую стоимость»¹⁵. Она превращает продукт в элементарную форму буржуазного богатства и, порождая двойственный характер товарной формы, в «начало» развития капиталистического производства. Этот товар находится в отношении **генетического тождества** с товаром как продуктом капиталистического способа производства.

Этот вывод был сделан Марксом на основе изучения различных форм развития буржуазного богатства. Выделив противоположность труда и капитала (основное субстанциональное отношение капиталистического производства) и попеременно проанализировав отношение его сторон к товару, Маркс пришел к выводу: «В отношении между капиталом и трудом меновая стоимость и потребительная стоимость поставлены в такое соотношение друг с другом, что одна сторона (капитал) противостоит другой прежде всего как меновая стоимость, а другая сторона (труд) противостоит капиталу прежде всего как потребительная стоимость»¹⁶. Наличие у товара потребительной и меновой стоимости было установлено задолго до Маркса, но никто из его предшественников не увидел в этом отношении **противоположность** сторон, не вскрыл основы их взаимопроникновения. Из различия двух форм товара Маркс не просто вывел форму стоимости (противоположность потребительной и меновой стоимости), но и объяснил, почему они противоположны. В процессе сведения товара к труду и к капиталу он вскрыл диалектическую противоположность абстрактного и конкретного труда.

¹³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 49, с. 65.

Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. 1, с. 247.

¹⁵ Там же, с. 171.

¹⁶ Там же, с. 216—217.

«От внимания всех экономистов без исключения ускользала та простая вещь, что если товар представляет собой нечто двойственное, а именно: потребительную стоимость и меновую стоимость, то и воплощенный в товаре труд должен иметь двойственный характер...»¹⁷

На втором этапе логической реконструкции функции системообразования выполняет единство методов **генетического сведения** и **генетического выведения**. С их помощью Маркс осуществляет переход от основного отношения капиталистического производства, существующего в специфической форме различия двух форм товара (капитал—труд), к его исходному отношению (меновая стоимость—потребительная стоимость), устанавливает генетическое соответствие исходного пункта и результата капиталистического производства. Диалектика сведения и выведения заключена не только в том, «что эти процессы дополняют друг друга (это характерно для элементарного анализа и синтеза. — В. Л.), но и в том, что осуществление каждого из них **предполагает** осуществление другого...»¹⁸. Генетическое сведение как особенная форма синтеза устанавливает соответствие, совпадение, тождественность «генетической пары»¹⁹: результата развития — начала развития. С помощью генетического выведения (особенная форма анализа) Маркс вскрывает различие в генетической паре. Переход от элементарного синтеза и анализа к генетическому сведению и выведению представляет собой развитие единичной формы единства «анализ—синтез» в особенную форму. Их отношение регулируется законом отрицания отрицания. Функции «конфигуратора» (В. А. Лефевр) в этом случае выполняет закон оборачивания метода²⁰. Не только их отношение, но и вся «внутренняя структура закона восхождения от абстрактного к конкретному, сама диалектика его развертывания строго подчинена закону оборачивания метода»²¹.

В результате реконструкции генетического единства результата и начала развития капиталистического производства возникает новая проблема: «...теперь должно быть положено, что потребительная стоимость становится таковой через посредство меновой стоимости и что меновая стоимость сама опосредствует себя потребительной стоимостью»²². Другими словами, необходимо раскрыть внутреннюю систему опосредствующих звеньев целостного бытия «начала» развития буржуазного общества. Требуется объ-

¹⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Письма о «Капитале». М., 1968, с. 254.

¹⁸ Грушин Б. Очерки логики исторического исследования. М., 1961, с. 145.

¹⁹ Там же, с. 134.

²⁰ Черняк В. С. Диалектический закон оборачивания метода.— В кн.: Диалектика научного познания. М., 1978, с. 222—225.

²¹ Черняк В. С. Диалектический закон оборачивания метода, с. 238.

²² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. 1, с. 218.

яснить, как продукт (или деятельность) становится товаром, товар — меновой стоимостью, меновая стоимость — деньгами?

Превращение продукта в товар, товара в меновую стоимость, ее в деньги не есть три разных процесса. Это единый процесс развития противоречия «между особенной природой товара как продукта и его всеобщей природой как меновой стоимости»²³. В своем исследовании Маркс исходил из того, что «внутренняя противоположность потребительной стоимости и стоимости находит свое отражение во внешней противоположности, т. е. в отношении двух товаров»²⁴. По мере развития товарной формы это отношение постоянно воспроизводится и развивается. Целостность этого процесса определяется развитием форм стоимости. Они опосредуют развитие **внутренних** различий товарной формы.

Форма I (простая форма стоимости) выражает отличие стоимости товара от его особенной потребительной стоимости (внутренняя форма), одного товара от другого (внешняя форма). Форма II (развернутая форма стоимости) также выражает отличие стоимости товара от его собственной потребительной стоимости, но уже не в единичной форме, а во всех ее возможных видах (внутренняя форма). Она раскрывает отличие товара от «стихии товарного рынка» (К. Маркс) — внешняя форма. Форма III (всеобщая форма стоимости) выражает отличие стоимости товара от всякой потребительной стоимости (внутренняя форма), товара от «товарного мира» (К. Маркс), единство товарного обращения и товарного производства (внешняя форма). Формы стоимости раскрывают закономерности развития полярности между относительной формой стоимости и эквивалентной формой²⁵.

Таким образом, анализируя «этапы развития форм стоимости»²⁶, К. Маркс вычленил три основные формы развития различий внутренней и внешней противоположности товарной формы. Маркс исходил из развития специфических различий, особенностей капиталистического производства. Метод, с помощью которого он анализировал процесс «развития различий»²⁷, мы называем методом **спецификации**. Этот метод является всеобщей формой теоретического анализа и раскрывает не просто специфические различия системы, но то, как развитие этих различий полагает целостность системы (единство многообразного). Метод спецификации раскрывает те специфические различия, которые конституируют единство системы развития этой целостности. С помощью данного метода Маркс раскрывает способ взаимопроникновения развития разли-

²³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. 1, с. 89.

²⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 49, с. 153.

²⁵ Там же, с. 160.

²⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 31, с. 260.

²⁷ Гегель. Наука логики. М., 1972, т. 3, с. 248.

чий товарной формы (формы стоимости) и различных этапов этого процесса.

Перед Марксом стояли два вопроса: что определяет целостность товарной формы (на каждом из этапов ее развития) и что обуславливает единство процесса ее становления? Поскольку «тайна» всякой формы стоимости заключена в этой простой стоимости²⁸, мы ограничимся в данном случае лишь ее анализом.

Различие внутренней и внешней противоположности товарной формы опосредовано простой формой стоимости, формальным различием, по существу единством двух ее полюсов — относительной и эквивалентной. Последовательно анализируя их количественные и качественные определения, Маркс установил, что «натуральная форма товара А служит лишь образом потребительной стоимости, а натуральная форма товара В — лишь формой стоимости, или образом стоимости»²⁹. В простой форме стоимости ее полюса «исключают друг друга, но только формально»³⁰. Соответственно потребительная и меновая стоимость «полярно распределены между товарами»³¹. Ранее мы показали, что простая форма стоимости является формой развития различий внешней и внутренней противоположности товара. Но, оказывается, она является и формой их единства. Так происходит потому, что полюса формы стоимости исключают друг друга лишь формально.

В начало развития капиталистического производства превращается не просто товар, но процесс его становления. Возможность и необходимость перехода от простой формы стоимости к развернутой (целостность становления) обнаруживается в процессе совпадения простого товарного и стоимостного отношения, внешней и внутренней формы товара. Простая форма стоимости как единство полагает развитие их различий, а тем самым опосредствует процесс собственного превращения в качественно новое единство — развернутую форму стоимости. Таким образом, в зависимости от того, проявляется форма стоимости в виде различия или единства ее полюсов, она существует как форма развития различий товарной формы, или как опосредствующее звено ее единства.

Всеобщей формой анализа является метод исследования **посредствующих звеньев**³². С его помощью Маркс раскрывает то, как единство процесса становления формы стоимости опосредствует различие многообразия в товарной форме, необходимость и возможность развития этих различий. Метод исследования посредст-

²⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 57.

²⁹ Там же, с. 71.

³⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 49, с. 163.

Там же, с. 153.

См.: Оруджев З. М. Единство диалектики, логики и теории познания в «Капитале» К. Маркса. Баку, 1968.

бующих звеньев позволяет понять то, что лежит в основании различных форм становления товара, то, что определяет процесс его формообразования. Он вскрывает внутренние опосредования в процессе превращения исходного отношения капиталистической системы (противоположность потребительной и меновой стоимости) в начало ее развития (противоречие меновой и потребительной стоимости). В отличие от Рикардо, который не раскрывает, а просто отбрасывает противоречия, метод которого «перепрыгивает» через необходимые посредствующие звенья и пытается непосредственным образом доказать совпадение экономических категорий друг с другом, К. Маркс анализирует все многообразие опосредований противоречивого развития изучаемого объекта.

Методы спецификации (всеобщая форма анализа) и исследования опосредствующих звеньев (всеобщая форма синтеза) не просто предполагают друг друга, но существуют как механизм функционирования и развития другого. Отсюда сложность из отдельного изучения. Единство конкретного синтеза и анализа отрицает отношение единичной и особенной форм единства «анализ—синтез». В соответствии с законом оборачивания метода между ними возникает отношение «снятия снятия». Диалектический переход от единичной через особенную ко всеобщей форме единства «анализ—синтез» представляет собой закон восхождения от абстрактного к конкретному, закон развития метода научного познания.

В. А. ОКЛАДНОЙ
Новосибирский университет

МЕТОД ПРЕОБРАЗУЮЩЕЙ КРИТИКИ

Рассматривая историю развития конкретных наук и философии, можно заметить, что становление новых концепций и теорий всегда осуществлялось на основе критики предшествующего знания. Однако последнее не означает, что каждый из творцов нового придерживался метода преобразующей критики. Ф. Бэкон развивал свою философскую систему через критику и преодоление аристотелизма и схоластики, но вместе с тем считал, что основа его научного творчества — индуктивный метод. М. В. Ломоносов разрабатывал механическую теорию теплоты в критике концепции теплорода, но наряду с этим, субъективно, самой критике он не придавал никакого позитивного эвристического значения и полагал, что его теория построена методом, который сейчас назвали бы гипотетико-дедуктивным. Томас Кун выдвинул и развил свою концепцию науки в полемике с позитивистским эмпиризмом, полагая, однако, что новое знание возникает эмерджентно и в период научных революций никакие рациональные дискуссии невозможны.

Метод есть система сознательно применяемых правил и прие-

мов исследовательской деятельности, выполняющих регулирующую и контролирующую функции. Вместе с тем научное познание регулируется и неявно принятыми теоретическими и мировоззренческими предпосылками, интуитивно применяемыми образцами решения проблем, эксплицитно выраженными, но считающимися тривиальными и по этой причине не включающимися в перечень методологических принципов, правил и т. д. Этим и объясняется та нередко парадоксальная ситуация, что ученый может объективно не знать, что в своей деятельности он исходит из подчас односторонних или даже заведомо ложных представлений, например, верить, что построение новой теории он начинает с «чистых» эмпирических данных, и тем не менее получать научно значимые результаты.

Одна из гносеологических причин игнорирования роли опровержений в развитии науки верно отмечена А. Масгрейвом: цель научного познания — достоверное знание, поэтому методологическая рефлексия прежде всего концентрируется на процедурах обоснования и оставляет в тени процессы опровержения¹. К этому нужно добавить и то, что объектом методологического анализа обычно являются уже сформировавшиеся теории, но в готовом знании противоречия и борьба мнений, играющие свою роль и в процедурах обоснования, не представлены в явном виде.

Интуитивность использования приемов преобразующей критики в процессе создания новой теории нередко приводила и приводит к отрицательным последствиям в развитии познания. Недооценка конструктивности критицизма приводит к догматизации того или иного научного подхода и метафизическому отрицанию конкурирующих точек зрения, к плоскоэволюционным или, наоборот, к эмерджентным концепциям развития науки и т. п.

Сознательное применение метода преобразующей критики в построении нового знания начинается в Новое время в немецкой классической философии и получает свое развитие в марксистской диалектике. Мы не будем здесь рассматривать историю вопроса — это тема специального исследования².

Примеры использования конструктивного критицизма в качестве сознательно применяемого метода создания научной теории можно встретить в конкретно-научной литературе. Удачной в этом отношении является статья Ф. В. Бассина «Сознание, «бессознательное» и болезнь», имеющая программный характер и посвященная обсуждению исходных идей «современного подхода к психосоматической проблеме»³. Эта проблема развивалась в основном в

¹ *Musgrave A. E. Falsification and its Critics.*—In: *Logic, Methodology and Philosophy of Science IY.* Amsterdam; Warszawa, 1973, p. 393.

² См. напр.: *История марксистской диалектики: От возникновения марксизма до ленинского этапа.* М., 1971, гл. 3.

³ *Вопр. философии*, 1971, № 9.

теории психоанализа, которая встретила в своем развитии с целым рядом серьезных трудностей и подверглась критике как советскими, так и зарубежными учеными, в том числе ее сторонниками. Возникает необходимость в новой исследовательской программе, в новых руководящих теоретических идеях. Каким образом и где их найти? Индуктивистской стратегии отбрасывания существующей теории как фальсифицированной и собирания «с нуля» эмпирических данных (фактически — «идти туда, не зная куда»), методу проб и ошибок⁴ (на основании чего производить пробы и отличать «удачи» от «ошибок?»), выходу в межпредметное пространство и поиску обобщенных образцов решения проблемы⁵ (имеющийся образец — психоанализ — отвергается, конкретные межпредметные связи со смежными дисциплинами выясняются после создания основ теории, общенаучные приемы слишком абстрактны); рекомендации П. Фейерабенда довериться собственной интуиции и активно «пробовать» понравившуюся идею вопреки контрсвидетельствам и всяким предварительным расчетам⁶, вообще не думать о логике перехода от одной теории к другой, ибо она ни в какой форме невозможна, — всем этим подходам в работе Ф. В. Бассина противопоставляется другой путь решения проблемы — «путь конструктивной критики основных идей психоаналитической школы»⁷ Иными словами, исходные идеи нового подхода должны быть взяты не в генетически предшествующей теории — она зашла в тупик и в целом отвергается, но и не вне нее, а в исследовании ее противоречий и в критическом ее преобразовании. Конкретнее: «Методологически адекватный подход к проблеме психологических факторов болезни выступает при более детальном его раскрытии как своеобразная **антитеза** психоаналитической трактовки — как совокупность представлений, которые либо отвергают то, что психоаналитической концепцией утверждается; либо, напротив, обосновывают то, что теория психоанализа отклонила; либо, наконец, подчеркивают моменты, которые эта теория игнорировала»⁸. Далее Ф. В. Бассин выделяет и анализирует несколько пар противоположных теоретических утверждений⁹. Пер-

⁴ См.: *Лакатос И.* Доказательства и опровержения. М., 1967, с. 12.

⁵ См.: *Розова С. С.* Методологическая деятельность ученого.— В кн.: *Методологические проблемы науки.* Новосибирск, 1981.

⁶ *Feyerabend P.* Consolations for the Specialist.—In: *Criticism and the Growth of Knowledge.* Cambridge, 1970, p. 209—210.

О некоторых гносеологических доктринах Гегель говорил, что они напоминают человека, желавшего войти в воду не раньше, чем научится плавать. Метод П. Фейерабенда прямо противоположен: смело бросайся в воду, не забываясь о том, что под водой.

⁷ *Бассин Ф. В.* Сознание, «бессознательное» и болезнь, с. 100.

⁸ Там же, с. 99.

⁹ Там же, с. 99—102.

вые члены этих пар — «виновники» кризиса психоанализа, т. е. положения, принятие которых привело к тупику данного исследовательского подхода. Как источники противоречий, они отбрасываются, но вместе с тем используются в качестве указателя направления «разборки» психоаналитической теоретической модели. Противоположные первым утверждения — их антитезы — фиксируют исходные идеи нового подхода, задающие направление позитивной переработки полученных предшествующей теорией результатов, а также направление новых исследований.

Довольно ясное понимание роли преобразующей критики в формировании новых теорий, в «идейной революции в биологии» демонстрирует в своих работах крупный биолог-эволюционист Э. Майр. «В дискуссиях о путях становления новых теорий, — отмечает он, — редко уделяется должное внимание важности устранения ошибочных концепций. Лишь в некоторых случаях оправдывается положение, что новая, более разумная теория завоевывает признание, побеждая прежнюю «негодную» теорию. В большинстве же случаев опровержение ошибочной теории открывает дорогу новым идеям... Таким образом, элиминация ошибочной идеи — деятельность не только негативная»¹⁰. Основные идеи синтетической теории эволюции Э. Майр вводит как противоположности опровергаемых положений конкурирующих теорий и при этом отмечает, что «синтетическая теория отобрала все лучшее из прежних гипотез и скомбинировала их новым и оригинальным способом»¹¹.

Примеры работ, подобных указанным выше, можно было умножить. Их отличительная черта — превращение преобразующей критики из нерелевантного, так сказать, само собой протекающего процесса в сознательно применяемый метод формирования, обоснования и оценки новых теорий. Этот метод не отбрасывает другие способы создания нового знания, но требует, чтобы они рассматривались в контексте конструктивного критицизма, диалектического перехода от старого знания к новому, борьбы конкурирующих точек зрения.

Метод преобразующей критики не выступает в качестве некоей механической процедуры создания новых теорий, подобной той, которую пытались построить Ф. Бэкон и Г. В. Лейбниц. Выявление противоречий старого научного подхода, поиск и объяснение причин его недостаточности, оценка одних его результатов как достижений и других как заблуждений, выдвижение и обоснование новых идей — все это продуктивная творческая деятельность, каждый шаг которой имеет характер открытия.

Не предлагая никакой жестко детерминированной схемы созда-

¹⁰ Майр Э. Зоологический вид и эволюция. М., 1968, с. 19.

¹¹ Там же, с. 17.

ния нового знания, этот метод тем не менее способен дать определенную общую ориентировку, наметить некоторый общий путь в решении задачи формирования новой теории.

В этой связи представляет несомненный интерес тот факт, что в существующей логико-методологической и конкретно-научной литературе можно встретить целый ряд методологических принципов, явно «работающих» в русле метода преобразующей критики и в той или иной мере сознательно использующихся при создании новых теорий в качестве методологических нормативов. Укажем три таких принципа — противоречия, несоответствия и конструктивности.

Принцип противоречия, обобщающий громадный историко-научный материал¹², в методологическом плане требует начинать исследование нового предмета с анализа противоречий существующего знания, вводить и обосновывать новые идеи в единстве процессов опровержения и утверждения, рассматривать и оценивать новую теорию не просто как «обобщение фактов, не укладывающихся в старую теорию», а как разрешение противоречий генетически предшествующей «материнской» теории. Критицизм как исходный пункт и необходимый компонент процесса становления нового знания элиминирует наивную эмпиристскую веру в «чистые» факты, отбрасывает как методологически неадекватные установки типа «Мы должны начать с нуля»¹³ и ведет к осознанию истоков собственных проблем и идей.

Принцип противоречия имеет эвристическое значение, в частности, он рекомендует искать исходные идеи нового подхода в противоречиях существующего знания. Контрпримеры старой теории, выходя за рамки принятых предписаний, несут с собою новое позитивное содержание, которое может быть «очищено» от прежних представлений и положено в основание нового подхода. В факте непопадания электронов в одну и ту же точку экрана в известном опыте с поочередно летящими электронами была открыта статистическая природа поведения микробов; в явлении «психического возбуждения» животного, противоречащего рефлекторной теории и нарушавшего опыты И. П. Павлова по физиологии пищеварительных желез, в дальнейшем был обнаружен условный рефлекс — исходная «клеточка» классической физиологии высшей нервной деятельности¹⁴; в фактах, противоречащих классической физике и не получавших в ней удовлетворительного объяснения, например, в

¹² См. напр.: Противоречия в развитии естествознания. /Под ред. Б. М. Кедрова. М., 1965.

¹³ Schiwy G. Les nouveaux philosophes. P., 1972, p. 24.

¹⁴ См.: Асратян Э. А. Иван Петрович Павлов: Жизнь, творчество, современное состояние учения. М., 1981, с. 154—155.

факте постоянства скорости света, А. Эйнштейн усмотрел будущие постулаты теории относительности¹⁵.

Термин «принцип несоответствия» ввел эстонский исследователь П. Г. Кард и определил его значение следующим образом: «Каждая новая фундаментальная теория, сохраняя в том или ином смысле преемственную связь со старой теорией, характеризуется в то же время элементом принципиальной новизны, образующим по преимуществу ее центральное ядро и наиболее глубоко воплощающим ее сущность»¹⁶.

Нам представляется, что данный принцип требует дальнейшего анализа и конкретизации. В то же время отметим, что он вскрывает (хотя это в явной форме и не представлено П. Г. Кардом, построившим свой анализ на сравнении готовых теорий) весьма важную черту процесса возникновения новых теорий, показывающую, что в основе этого процесса лежат именно процедуры преобразующей критики. А именно: исходные идеи новой теории вводятся как антитезы, противоположности, как «свое другое», говоря гегелевским языком, тех положений «материнской» теории, которые в ходе ее критического анализа были определены как виновники ее неудовлетворительности. Этим объясняется «элемент принципиальной новизны» концептуального ядра новой теоретической схемы и ее несоответствие старой теории.

В качестве методологического норматива принцип несоответствия требует радикальности преобразования старой теории, выдвижения таких новых теоретических положений, которые не выводились бы из постулатов опровергаемой теории и являлись бы их альтернативами. Если оказывается, что противник существующего научного подхода неявным образом исходит из предпосылок опровергаемой теории, т. е. не выходит за ее границы, то развиваемые им идеи не могут рассматриваться в качестве приемлемой альтернативы. Принцип несоответствия представляет собой своеобразный запрет на теоретический реформизм и, как можно видеть, дает определенную ориентировку процессу критического преобразования старой теории в новую.

Принцип конструктивности широко распространен в науке и используется как методологический норматив при оценке научных гипотез и теорий. К процессу перехода от одной научной теории к другой он предъявляет требование конструктивности критики старой теории, заключающееся в том, что анализ опровергаемой теории не должен останавливаться на выявлении ее недостатков и противоречий, но должен восходить к выделению ее позитивных и

¹⁵ См.: *Визгин В. П.* Эйнштейн и проблема построения научной теории. Раздел «Объяснительно-постулативная инверсия». — *Вопр. философии*, 1979, № 10.

¹⁶ *Кард П. Г.* Принцип несоответствия. — *Учен. зап. Таллин. ун-та*, 1975, вып. 360, т. 2 (Философские вопросы физики), с. 26.

негативных сторон, использовать утверждения и понятия старой теории в качестве поставщиков исследовательских проблем и резюмироваться выдвижением новых идей, разрешающих имеющиеся проблемы. Конструктивный критицизм исходит, с одной стороны, из положения, что «никакая идея не является действительно плохой»¹⁷, и с другой — что истинное опровержение конкурирующей концепции заключается в позитивном решении вопроса.

С этой точки зрения широко распространенная сентенция «критиковать легче, нежели создавать новое» сама не выдерживает критики, ибо в ней под критикой понимается лишь выявление недостатков и противоречий точки зрения оппонента. Подобная критика фактически имеет скептический характер, и она даже не ставит проблемы, но лишь вскрывает проблемные ситуации и поэтому представляет собою своеобразный эвристический подарок сторонникам конкурирующей теории.

В отношении исходных идей новой теории принцип конструктивности требует, чтобы они не только объясняли те контрпримеры старой теории, которые дали основание рождению нового научного подхода, но и позволяли предсказывать новые факты, открывать новые свойства и взаимосвязи исследуемого объекта, непредсказуемые с позиции старого знания.

В. А. АНДРУСЕНКО

Ижевский механический институт

ЭКСТРАПОЛЯЦИЯ В ТИПОЛОГИИ МЕТОДОВ ИССЛЕДОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ ЯВЛЕНИЙ

Одной из узловых методологических проблем исторической науки является вопрос о субординации методов исторического исследования. Можно ли в типологии методов этой науки выделить основной, субстанциальный метод, модификациями которого выступали бы все другие подчиненные ему методы? Вероятно, такая постановка вопроса имеет смысл, однако пока выдвигаемые различными авторами на роль универсального те или иные методы на деле не выдерживают испытания, проявляют свою ограниченность. Мера эффективности метода определяется в конечном итоге природой исследуемого объекта, а поскольку историческая реальность исключительно разнообразна, постольку и инструменты ее познания не могут быть сведены к одному раз и навсегда данному исследовательскому приему.

Одни методологи исторического поиска усматривают такой уни-

¹⁷ *Пойа Д.* Математика и правдоподобные рассуждения. М., 1975, с. 219.

версальный метод в сборе и кропотливом описании исторического факта, другие примеривают на его роль приемы «социологии понимания», третьи видят его в дедукции, четвертые — в методе генетического объяснения, пятые — в методе аналогии и т. д. По нашему мнению, все эти методы в своей совокупности, несомненно, позволяют более или менее правильно реконструировать прошлое, но ни один из них, взятый изолированно, не может считаться основным в типологии методов исторического исследования.

Вместе с тем всем этим методам свойственна одна общая черта — все они так или иначе связаны с переносом знания от известного к неизвестному, т. е. с методом экстраполяции, которой оказывается сквозным, пронизывающим все основные методы исторического реконструирования. В этой связи в последнее время стало распространяться мнение, что экстраполяция детерминирует всю систему уже накопленного для познания прошлого исследовательского инструментария. Насколько правомерно это мнение и каковы реальные границы экстраполяции как метода исторической науки, в отличие от экстраполяции, понимаемой обыденно, чересчур расширительно, ненаучно? Попытаемся показать, что, несмотря на действительно «сквозной» характер экстраполяционного метода, он имеет свои достаточно четкие границы, размывание которых порождает искаженное видение прошлого.

Под методом научной экстраполяции понимается операция перенесения знаний об известной предметной области на еще неизученные классы предметов, с тем чтобы приписать этим классам свойства и закономерности, присущие уже освоенным предметам¹. В отличие от автоматической, ненаучной экстраполяции, к которой часто прибегают буржуазные идеологи, научная экстраполяция, на наш взгляд, предполагает выполнение ряда довольно жестких правил. Главное из них состоит, по-видимому, в том, чтобы метод экстраполяции органически входил в ткань науки, обретал бы системный характер, т. е. был бы, так сказать, пропущен через эмпирический, теоретический и мировоззренческий фильтр. Только пройдя через них и подвергнувшись соответствующим коррективам и ограничениям, переносимое знание начинает в должной мере выполнять эвристическую функцию². Тем самым удается найти действительные рамки и место экстраполяции в типологии методов исторической науки.

Для определения специфики применения метода научной экстраполяции и ее роли в структуре методов исторического познания надлежит прежде всего выяснить, что подлежит реконструирова-

¹ См.: Зеленов Л. А., Макарычев С. П. Экстраполяция и эксперимент.— Вопр. философии, 1967, № 4.

² Андрусенко В. А. Поливариантность и истинность научной экстраполяции.— В кн.: Ленинская концепция истины и идеологическая борьба. Свердловск, 1980.

нию, или что является объектом исторической ретроспекции? Ответ, казалось бы, на первый взгляд очевиден: объектом исторического исследования является исторический факт, а главный метод истории — его обнаружение.

Но, во-первых, что в таком случае представляет собой история? Науку об описании фактов прошлой действительности? Но без проблемы, без гипотезы, без теории факты перестают быть, строго говоря, фактами, а история, которая лишена теоретического осмысления, перестает быть историей. Во-вторых, неповторимость, уникальность реальных исторических событий прошлого как будто делает проблематичным перенос на них знаний о событиях настоящего, а невозможность прямой практической проверки подобной экстраполяции приводит нередко некоторых историков и социологов к скептическому умонастроению. В известной мере уникальность исторических событий ограничивает возможность выбора их в качестве объекта научной экстраполяции. В-третьих, неполнота, а подчас полное отсутствие фактических данных о том или ином историческом событии открывает простор для творческого воображения, но если оно безмерно, то есть опасность превращения науки истории в домысел, пусть даже он сродни искусству.

Эти особенности исторического реконструирования заставляют нас отказаться от понимания предварительно не интерпретированных фактов как исходного момента процесса исторической экстраполяции. По крайней мере, подобная позиция оправдана для тех частных случаев, когда имеющиеся в распоряжении ученого эмпирические данные либо чересчур сложны, либо их очень мало (другое дело, когда их набор достаточен, но тогда, как правило, проблемная ситуация в науке слабо выражена и в методе научной экстраполяции особой нужды не возникает). Поиск и описание исторических фактов — важный, но не субстанциональный метод исторической науки. Так или иначе он «пропитан» экстраполяцией.

Что же тогда представляет собой реконструируемый объект? Непосредственным объектом исторической ретроспекции, по нашему мнению, выступает абстрактный исторический объект, т. е. объект, который является идеализированным и символически выраженным воспроизведением нескольких или одного существенных признаков того или иного реального исторического факта или группы фактов. Общий механизм формирования абстрактных исторических объектов, по-видимому, тот же, что и в естественных науках: вначале группируются сходные в каком-то отношении факты, затем сквозь их анализ прослеживается определенная эмпирическая закономерность, наконец, осуществляется абстрагирование от несущественных эмпирических признаков и возведение идеализированного таким способом объекта в ранг абстрагированного объекта исторической теории. Примерно таким образом были выделе-

ны абстрактные исторические объекты «полис», «средневековый город», «мануфактура» и т. д.

Чаще всего в роли переносимого знания при исторической ретроспекции оказываются ранее сформулированные исторические законы. Историк нередко не столько реконструирует сами события прошлого, сколько создает сопряженные с ними абстрактные исторические объекты, используя в качестве переносимого знания те законы, которые ранее были получены при анализе аналогичных исследуемым абстрактных объектов, соотнесенных либо с прошлым, либо с настоящим. Прямая экстраполяция современного эмпирического знания на объекты прошлого, не подвергнутая теоретическим и мировоззренческим коррективам, не может рассматриваться в полной мере как научно-исторический метод.

Образцами научно правильного применения метода экстраполяции при исторической ретроспекции служат работы К. Маркса «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» и Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», которые являются не только безукоризненно верными исторически, но и высокохудожественными произведениями. К. Маркс и Ф. Энгельс не просто проецируют свое субъективное отношение к французской революции 1848—1851 гг. и к истории человечества вообще, а реконструируют и упорядочивают эмпирический материал в соответствии с созданной ими теорией социального прогресса, «пропускают» его через научную картину общества, тем самым ограничивая произвол экстраполяции современного им знания на малоизученные области истории, очерчивают место этого научного метода в структуре методов исторического исследования.

Заслуживает внимания попытка К. Поппера и К. Гемпеля сконструировать логическую схему исторического объяснения, в основание которой интуитивно положен метод экстраполяции. Схема получила название «теории охватывающего закона» или схемы Поппера—Гемпеля³. По мнению этих ученых, логическая структура причинного объяснения какого-либо события принципиально одна и та же как в естественных, так и в гуманитарных науках. Суждения, привлекаемые к объяснению, Поппер разделил на суждения о том, что подлежит объяснению (экспланандум), и объясняющие суждения (эксплананс), а само объяснение или получение нового знания сводится к дедуктивному перенесению содержания эксплананса на экспланандум. «Теория охватывающего закона» предполагает также, что эксплананс, кроме имеющихся фактических данных о событиях, подлежащих объяснению, содержит универсальные законы, которые являются истинными для любого времени и

³ Hempel K. P. Explanation in Science and in History. — In: The Philosophy of Science. Oxford, 1974, p. 54—79.

места, но подлежат эмпирической проверке на основе принципа фальсификации.

К. Поппер справедливо считает, что в истории не обойтись без общей теории, без формулирования определенных законов, распространяемых на области неизвестного и являющихся точкой отсчета в продуцировании нового знания. Однако, если в естествознании, и в частности в физике, такие законы есть и они могут быть проверены новыми фактами, то в истории таких унифицированных законов нет, а если даже они и есть, то в силу своей тривиальности не могут служить достаточно надежным средством получения нового знания. Поэтому, считает Поппер, подлинно научной теории исторического развития нет (и следовательно, нет истории как подлинной науки), а есть лишь различные интерпретации исторических фактов. Каждое поколение создает свою субъективную интерпретацию истории и не может быть истории прошлого, каким оно на самом деле было. «Это означает, что мы должны отвергнуть возможность **теоретической истории**, т. е. теоретической социальной науки, которая бы походила по своему статусу на теоретическую физику»⁴. Вследствие субъективистской трактовки метода экстраполяции Поппер приходит к мысли, что данный метод губит историю как науку.

С этим выводом согласиться нельзя, поскольку есть многочисленные примеры действительно теоретических исторических исследований, отличающихся от социологических обобщений и имеющих свою надэмпирическую специфику.

Другой моделью исторической реконструкции, основанной на идее экстраполяции как субстанциального метода, служит концепция генетического объяснения. Ее цель — построить такую последовательность исторических событий, где событие, происшедшее раньше других, стало бы более поздним. Один из сторонников генетической модели Э. Нагель излагает ее следующим образом. Чтобы объяснить прошлое историческое событие А, исследование следует начинать не с него самого, а с некоторого события Б, которое генетически связано с А, но существовало раньше него. Предполагается при этом, что событие Б должно приниматься во внимание только в том случае, если установлена его необходимость для появления А. В таком случае реконструирование А достигается путем экстраполяции на него знания о Б⁵.

Установление генезиса исторического события, его причинной обусловленности действительно является важнейшей стороной любого исторического исследования, и модель исторического реконст-

⁴ Popper K. The poverty of Historicism. L., 1972, p. V—VI.

⁵ Nagel E. The Structure of Science. — In: Problems in the Logic of Scientific Explanation. N. Y., 1961.

руирования Нагеля должна приниматься во внимание. Однако правомерен вопрос: а как же выбрать из имеющегося множества предшествующих событию А факторов именно те, которые ведут к появлению данного, а не какого-то другого явления? Как выбрать основание экстраполяции? Генетическая теория на этот вопрос не отвечает по существу, ибо не дает четкого критерия для оценки и выбора равновероятных событий, которые порождают событие А. Любое из них может оказаться фактической причиной А, но как узнать, какое? Помимо того, если не придерживаться классического монокаузализма и полагать, что причина нередко оказывается совокупностью условий (хотя и разной степени необходимости), то генетическая экстраполяция Б на А вряд ли может считаться в достаточной степени обоснованной.

Обсудив основные предлагаемые в современной методологии науки способы исторической реконструкции абстрактных исторических объектов, мы приходим к мнению, что основанная на них экстраполяция, коль скоро она не сопровождается соответствующими ограничениями, вряд ли может служить достаточно надежным средством исторического познания. Но и сбрасывать их со счета нельзя, так как они выполняют определенные тактические функции в зависимости от уровня исторического исследования. Так, вариант «социологии понимания», а также схема Нагеля могут давать некоторые положительные результаты, но преимущественно на уровне эмпирического исследования. Напротив, схема Поппера—Гемпеля на этом уровне практически неприложима, но может оказаться в известной мере полезной на уровне историко-теоретического анализа. Важно лишь не абсолютизировать эти схемы, как это делают их авторы. Нужно ограничить претензии экстраполяции на роль универсального метода исторического познания.

Можно ли найти такую стратегическую схему исторического исследования, которая бы действительно пронизывала все его уровни? В современной литературе, посвященной методологии исторического познания, такой метод усматривают в методе исторической аналогии. Действительно, этот метод почти всегда находится в основании мысленного исторического эксперимента. В этом смысле аналогия, как и экстраполяция, является достаточно универсальным — эмпирико-теоретическим — инструментом историка, который вместе с фактологическим, дедуктивным, генетическим приемами позволяет более или менее правильно воспроизводить прошлое (заметим, что поскольку аналогия есть перенос знания, экстраполяция выступает ее стороной). Однако насколько универсален метод аналогии?

Сегодня пока не выдвигается сколько-нибудь ощутимых критериев для различения формальной и содержательной исторической

аналогии и оценки ее экстраполяционного аспекта. В частности, не учитывается в достаточной степени влияние концептуальных парадигм и теоретического языка историка на формулирование новых законов. Создается впечатление, что эти законы возникают как чисто индуктивное обобщение эмпирических данных в параллельных областях исследования. Но так ли это? Разве на сбор этих данных, а потому и на содержание самих законов, не влияют наличные теоретические средства ученого, а также методологические требования к степени идеализации изучаемого объекта? Несомненно влияют, если эти средства слабы, а степень идеализации объекта чересчур высока, то аналогия будет поверхностной, формальной: между двумя рядами эмпирических данных можно произвольно установить какое угодно сходство и не увидеть различий.

Предлагаемые в литературе схемы исторических аналогий не дают пока достаточно ясного представления о причинах многовариантности экстраполяции по аналогии, т. е. не учитывают того, что сравнение одних и тех же рядов эмпирических данных может приводить разных историков к выдвигению альтернативных и равнофальсифицируемых до поры до времени законов. На наш взгляд, это опять-таки связано со спецификой разделяемой различными исследователями теоретической схемы изучаемого объекта, общей картины общества.

По-видимому, экстраполяция и аналогия пронизывают друг друга, и механизм исторической аналогии нуждается в конкретизации и корректировке, с тем чтобы возникали возможности для различения: а) формальной исторической экстраполяции по аналогии со слабой предсказуемостью; б) содержательной исторической экстраполяции по аналогии с сильной предсказуемостью, но непредсказуемой; в) содержательной исторической экстраполяции по аналогии с сильной предсказуемостью и эмпирической доказуемостью⁶. В противном случае будет трудно отличить научную экстраполяцию в истории от формально-логического переписывания сферы ее исходного основания, выяснить ее специфику и место в системе всеобщих исторических методов.

Следует сделать одно важное замечание, касающееся специфики экстраполяции в истории. Если в естествознании направление переноса знаний идет преимущественно от относительно ограниченных областей или от отдельных фактов к более широким областям, то в историческом познании, как правило, направление переноса идет, напротив, от более широких областей к узким, или к отдельным фактам, т. е., строго говоря, здесь мы имеем дело уже не с экстраполяцией в собственном смысле, а с ее противоположной формой — интерполяцией.

⁶ Hesse Mary B. *Models and Analogies in Science*. Indiana, 1966, p. 129.

Под интерполяцией мы понимаем (в отличие от ее узкоматематического смысла) реконструирование необъясненных пока объектов внутри предметной области, которая описывается определенной теорией. Например, в современной медиевистике остро стоит проблема реконструкции такого социального института, как ранне-средневековый город Западной Европы VI—IX веков, сведения о котором исключительно скудны. С другой стороны, западноевропейские города до VI и после IX веков изучены несравненно более полно и существуют теоретические модели их функционирования в эти периоды. Экстраполяция знания о предшествующем «белому пятну» в истории и последующем периодах на этот неизвестный объект и есть историческая интерполяция.

Думается, что решение вопроса о специфике метода экстраполяции в историческом исследовании могло бы заключаться в следующем. Если в естествознании алгоритм сопоставления конкурирующих теорий разворачивается, как правило, через эмпирическое обобщение на уровень теоретического конструирования и далее вплоть до научной картины мира, то в историческом познании эта последовательность исследовательских операций видоизменяется и приобретает несколько иную форму: **от эмпирического исследования к исторической картине общества и мировоззрения, а затем — к уровню специфической исторической теории.** Обусловлено это тем, что в социальных науках, в том числе и в исторической, процесс создания научной теории, как ни в каких других областях знания, связан с идеологическими и мировоззренческими аспектами познавательной деятельности ученых.

Н. В. БРЯНИК
Уральский университет
Е. Г. ТРУБИНА
Свердловский горный институт
О. М. РОЙ
Омский политехнический институт

ОСОБЕННОСТИ И УРОВНИ МЕТОДОВ ИСТОРИКО-НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

В системе методов, являющихся эмпирической базой философской методологии, в последние десятилетия особое значение приобрел историко-научный метод. Было бы неправильно считать, что он является новым в системе методов — марксистская диалектика в своих истоках и принципиальных основах базируется на методе историзма. И все же историко-научный метод как конкретизация принципа историзма получил распространение (точнее, оживление) именно в последнее время. Появились исследования, в которых не-

посредственно реализуется историко-научный метод¹, а также работы, где сам этот метод является объектом изучения².

Причины усилившегося интереса к истории науки весьма разнообразны. На наш взгляд, сюда можно отнести и общую тенденцию гуманитаризации современной науки, и определенные переориентации как в марксистской критике буржуазной философии науки, так и в рамках самого марксистского подхода к философским проблемам науки.

Успехи автоматизации и кибернетизации производства и управления, машинизация человеческой деятельности в целом служили благоприятной социальной средой для лидерства логического позитивизма и неопозитивизма вообще на фоне различных сциентистски ориентированных философских течений. Работая с моделями развитого научного знания, представленного в формально-знаковых структурах, неопозитивизм основывался по преимуществу на своеобразно понятом логическом методе исследования науки. Давая критику этому подходу, марксистская философия науки подчеркнула недопустимость сведения философских проблем науки к логике науки и оценила его как «гносеологическую обработку объекта в духе позитивистской традиции»³. Преодоление этого недостатка в сочетании с другими причинами привело к преимущественному обращению к историческому методу в изучении природы науки.

Актуальность такого подхода объясняется и идеологическими мотивами: необходимостью критики современных буржуазных философских концепций науки, в среде которых логический позитивизм утратил лидерство, а на передний план выдвинулся пестрый набор концепций, не получивших еще адекватного названия. Вместе с тем в них преобладает историческое объяснение природы науки. Представители этих концепций по сути дела отождествляют буржуазную философию науки с историей науки. Оживленно дискутируемые и наиболее оригинальные модели науки предлагают, как правило, специалисты по истории науки.

В рамках статьи сложно осветить широкий круг проблем, возникающих в связи с отмеченными явлениями. Мы ставим перед собой задачу выяснить статус и особенности историко-научного метода, применяемого при философском исследовании науки.

Ориентация на философский уровень исследования не случай-

¹ См. напр.: *Рожанский И. Д.* Развитие естествознания в эпоху античности. М., 1979; *Очерки истории естественнонаучных знаний в древности.* М., 1982; *Гайдено П. П.* Эволюция понятия науки. М., 1980.

² См. напр.: *Методологические проблемы историко-научных исследований.* М., 1982; *Кузнецова Н. И.* Наука в ее истории. М., 1982.

³ О состоянии и направлениях философских исследований.— *Коммунист*, 1979, № 15, с. 76.

на. Историко-научные исследования в настоящее время развертываются на различных уровнях. Самый конкретный уровень представляют истории отдельных дисциплин — история физики, химии, биологии, медицины, психологии, языкознания и т. п. Представляется, что этот уровень историко-научных исследований, хотя он и является рефлексивным знанием, представляет внутринаучный тип рефлексии. Истории отдельных дисциплин входят в одноименные области знания, являя собой «память» этих наук. История конкретной дисциплины, безусловно, отличается от остального массива знаний данной дисциплины: в сравнении с собственно научным историко-научное знание этого уровня кажется менее продуктивным, оно, скорее, иллюстративно; но без него невозможна ни подготовка специалистов по данной отрасли знания, ни движение самого содержания, так как историко-научные знания присутствуют на каждом данном этапе развития науки.

История науки этого уровня представляет собой свод достижений (более или менее значимых результатов, научных открытий (фактических или теоретических) и биографий их авторов. Доминирующим методом исследования является здесь, по-видимому, историко-сравнительный, описательный.

Следующий уровень историко-научных исследований, статус которых сложно однозначно квалифицировать, — это истории основных подсистем науки, а именно: история естествознания, история технических наук, можно говорить и об истории гуманитарных наук, истории обществознания.

При проведении историко-научных исследований на этом уровне нельзя ограничиться только научными открытиями и именами их авторов. Здесь в принципе недопустим описательный метод. Так, история естествознания, например, требует обращения к истории материальной культуры, истории техники, анализу уровня общественно-исторической практики в целом, стилю мышления эпохи и другим вненаучным явлениям. Так, Ф. Энгельс, чтобы понять важнейший этап в истории естествознания — период науки Нового времени, вынужден был обратиться к глубинным механизмам крупного машинного производства как важнейшего способа реализации естествознания, к исследованию средневекового стиля мышления как предпосылке и в то же время оппозиции новому типу духовной формации. насыщение исторического метода социально-культурным анализом позволило Ф. Энгельсу выявить важную закономерность смыкания науки, с одной стороны, с практикой, а с другой — с философией.

Внутринаучная рефлексия не способна совершать подобный анализ. Историко-научные исследования вышеотмеченного уровня вплетаются в ткань философских вопросов естествознания как конкретной философской дисциплины.

Проведенное деление уровней истории науки не означает, что их различие зависит от количества охватываемых научных дисциплин: если речь идет об истории одной науки, то это внутринаучный уровень, а если ряда дисциплин, то философский. Однако реальная практика историко-научных исследований сложилась пока именно так. Тем не менее специфику тех и других исследований определяет прежде всего их характер, их содержательный смысл. Внутринаучный уровень историко-научных исследований не выходит за пределы науки, собственно научных знаний, в этой и только в этой связи оно интересуется прошлым. Тогда как философский уровень развертывает историю науки на широком фоне человеческой жизнедеятельности вообще, представляет науку как элемент культуры.

Философский уровень в истории науки многопланов. Помимо истории естествознания, гуманитарных наук, которые тесно связаны с соответствующими конкретными философскими областями знания, можно выделить и более общие по характеру историко-научные исследования, не ориентированные столь однозначно на какой-то круг дисциплин, а выясняющие возникновение, становление и развитие какого-либо существенного признака науки как целого. При этом каждый этап в развитии философии в силу определенных причин высвечивает в качестве существенных признаков науки разные ее аспекты. Ретроспективно можно оценить, что до последних двух десятилетий наука глазами философа являлась по существу только как система знания, доминировал гносеологический подход.

В настоящее время в философии активно разрабатываются социологический подход, для которого наука в первую очередь выступает как особый вид деятельности и как социальный институт; культурологический, для которого наука — это элемент культуры; и все активнее высказывается мысль о необходимости органического единства в рамках самой философии и гносеологического, и социологического, и культурологического подходов к науке. Важно отметить, что каждый из обозначенных философских подходов предпринимает под интересующим его углом зрения историческую реконструкцию науки. Социолога науки интересует, когда наука становится относительно самостоятельным видом деятельности, когда эта деятельность обретает профессиональные формы, как протекала ее институционализация, когда научный вид деятельности приобретает характер всеобщего труда, и т. п. Перед культурологом стоят вопросы: на какие запросы человеческой цивилизации отвечала возникшая форма освоения действительности, из каких исторических форм культуры она возникает и каковы ее связи с остальными элементами культуры, в чем своеобразие европейского и восточного типов науки, какие контакты существовали между

ними и возможно ли между ними взаимопонимание, каким образом менялось влияние науки на человеческую цивилизацию, в чем ее значение как планетного явления.

Следует оговорить, что представленный спектр историко-научных исследований (внутринаучных и философских) еще не полон. Такие специальные области знания, как науковедение, наукометрия, логика науки, экономика науки и прочие, имеющие своим объектом науку, также представляют свой предмет изучения в историческом аспекте. Их можно отнести к конкретному, специальному уровню историко-научных исследований.

В многослойных историко-научных исследованиях можно обнаружить определенную иерархию. История науки конкретных уровней является эмпирической базой для более общих и абстрактных уровней. Так, историко-научные исследования философского уровня опираются на результаты истории отдельных наук и основных ее подсистем, а также историко-науковедческие, историко-наукометрические и прочие данные. С другой стороны, специализированные уровни историко-научных исследований руководствуются определенной методологией, общими принципами в понимании природы науки, движущих сил ее развития, места и роли в жизни общества, которые решаются в рамках философского уровня истории науки⁴.

Историко-научный метод, как и любой другой, также «нагружен» и «отягощен» предметностью. Предметным основанием историко-научного метода являются истории науки того или иного уровня.

Для всех уровней историко-научных исследований доминирующим является исторический метод. Это не означает, что историко-научный метод исключает логический анализ. Скорее он подчиняет последний, причем на разных уровнях историко-научного метода логический анализ имеет свои особенности. По-видимому, в специализированных историко-научных исследованиях логический метод носит по преимуществу индуктивный характер, на философском уровне доминирует дедуктивно-логический анализ.

Общий методологический уровень истории науки по ряду причин заметно отличается от методологического уровня дисциплин, выступающих предметом ее исследования. В чем же это отличие?

В качестве основного сравнительного источника представляется оправданным выделить методологию собственно исторической науки. Одна из специфических черт исторического познания — наличие в нем особого уровня, а именно реконструктивного. В ходе собственно исторического исследования на этом уровне воссоздаются

⁴ Егорова В. С., Карпович В. Н. К вопросу о логической структуре рациональных объяснений в истории.— Филос. науки, 1977, № 3, с. 142.

факты и события, которые имели место в прошлом и на основании которых можно обобщать, строить научные теории, отыскивать регулярности и т. д.

Историко-научный метод выступает нередко как метод историко-научных реконструкций. Такое название в известном смысле отражает цель историко-научных исследований. История науки обращает нас к прошлому, которое может быть воссоздано с той или иной степенью полноты и адекватности, но не в «чистом» виде. История науки интересует нас не сама по себе, а с точки зрения ее обращенности в настоящее и будущее науки. Необходимость такой ориентации истории науки отмечал В. И. Вернадский: «...Прошлое научной мысли рисуется нам каждый раз в совершенно иной и все новой перспективе. Случайное и неважное в глазах ученых одного десятилетия получает в глазах другого нередко крупное и глубокое значение»⁵. Здесь наиболее очевидна значимость общих, философских ориентаций для историка науки.

В рамках истории науки метод реконструкции приобретает специфический оттенок. Историк постоянно оказывается в роли интерпретатора: он вынужден, оценивая вклад того или иного ученого в науку, принимать решения, какие идеи этого ученого соответствуют, а какие не соответствуют принятым стандартам научности, а потому он вынужден осуществлять «перевод» этих идей на язык современных объяснительных концепций, рискуя тем самым утратить под собой почву истории⁶. По свидетельству В. И. Вернадского, «в этой области научных изысканий историк даже больше, чем где-либо, переносит в прошлое вопросы, волнующие современность, сам создает...материал своего исследования...»⁷.

Однако современность в определенной степени вносит искажающий момент в познание прошлого, поскольку «дистанция между исследователем и историческим промежутком не всегда субъективно учитывается ученым»⁸. Не случайны в этой связи позиции, стоящие на которых авторы выражают сомнение в возможности с точки зрения сегодняшнего дня постичь некоторые этапы прошлого науки.

Творческая, конструктивная природа историко-научного метода и заключена в определенной «обработке» прошлого под настоящее. Этот процесс не должен вести к произволу современного исследователя, «подгонке» прошлого под цели и намерения историка на-

⁵ Вернадский В. И. Избр. труды по истории науки. М., 1981, с. 191.

⁶ См. напр.: Jardine N. Philosophy of Science and the art of historical interpretation. — In: Proceedings of the 1978 Pisa conference on the history and Philosophy of Science. Dordrecht, ets., 1981, vol. 1. Theory change, ancient axiomatics, and Galileo's methodology, p. 341—348.

⁷ Вернадский В. И. Избр. труды по истории науки, с. 191.

⁸ Шаповалов В. Ф. Реконструкция исторического прошлого: основания проблемы. — Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия, 1980, № 3, с. 35.

уки. Современность обращается к прошлому науки, чтобы понять тенденции и закономерности собственного развития, чтобы обнаружить истоки и проследить ход актуальных ее состояний. Если не держаться «твердой почвы» историко-научной действительности, есть опасность находить в истории науки лишь то, что заранее задано. Так, если считать, что колыбель современной науки, протонаука, целиком и полностью связана с античной культурой и закрывать глаза на историко-научные факты, свидетельствующие о заимствовании научных знаний античностью у Востока, то с самого начала задаются такие критерии научности, которые отбрасывают восточный тип мышления как нерациональный и ненаучный.

В этой связи главные методологические трудности возникают при сравнении истории науки с ее логико-методологическими реконструкциями. Последние страдают односторонностью, ибо по определению не могут учесть многих исторических особенностей возникновения нового знания.

С одной стороны, в истории науки важно учитывать не только «то, что было» — историческую реальность в виде уникальных событий (открытий и т. п.), но и причины событий, законы развития науки⁹. Это последнее в первую очередь и интересует исследователя. С другой стороны, задачей историка является воспроизведение исторической действительности, т. е., зная результаты развития, он, опираясь на исторические источники, воссоздает сам процесс.

При этом «исторические закономерности, обобщения не «снимают» факта»¹⁰, так как в истории факты — не только материал для обобщений, но имеют самостоятельную ценность. В этом специфика исторического познания, его отличие от естественнонаучного, где целью является установление закона, а когда это достигнуто, эмпирический материал, подтверждающий установленный закон, как бы теряет свое значение. В истории факты, не имеющие значения при одном аспекте рассмотрения, становятся определяющими, т. е. историческими, при другом аспекте. Они могут служить при рассмотрении тех же самых или других событий того же периода, в зависимости от целей и задач, которые ставит перед собой историк¹¹.

Поэтому те авторы, кто выдвигает на первый план исследование логического в истории науки, неявно ориентируются тем самым на закономерности естественнонаучного познания и забывают, что

⁹ Тимофеев И. С. Изменения в понимании предмета историко-научных исследований.— *Вопр. истории естествознания и техники*, 1981, № 2, с. 99.

¹⁰ Оруджев З. М., Егорова В. С., Карташкина В. Н. Совпадение исторического и логического способов исследования и принцип всестороннего рассмотрения предмета в историческом познании.— *Вести. Моск. ун-та. Сер. Философия*, 1980, № 6, с. 6.

¹¹ Там же.

историческое познание предполагает постижение не только законов, но и исторической действительности во всей ее полноте. Отчасти это происходит потому, что в рамках совокупной истории науки гораздо полнее исследовано естественнонаучное знание. Однако в качестве полноправного компонента история науки должна включать в себя историю гуманитарного знания, в последнем же с фиксацией закономерностей дело обстоит гораздо сложнее.

Указывая на ограниченность индуктивизма, эмпиризма в историко-научном познании, И. С. Тимофеев отмечает, что ныне анализ источников, установление фактов и другие характерные для эмпиризма приемы не теряют значения, но дополняются более сложными теоретическими методами, вследствие чего очевидна необходимость упорядочить и объяснить само многообразие видов и форм концептуализации исторического знания¹². В самом деле, с одной стороны, историк должен постичь путь, пройденный наукой, во всей его полноте, не схематизируя; с другой стороны, как при этом избежать чистого описательства, чтобы не свести историю науки лишь к нарративу? Очевидно, что нельзя отказываться от логико-методологических реконструкций. Главная задача историков науки в этой связи — найти оптимальное соотношение между логическими и собственно историческими методами воссоздания реальной истории науки.

В силу того, что история науки сравнительно недавно начала осознаваться как аспект, часть общей истории культуры, особого внимания заслуживает и метод типологии: «...Каждый факт.. культуры подлежит извлечению из контекста, внутри которого он пользовался привилегией индивидуальной «неповторимости» и конкретной самоотдельности и включению в иные ряды по принципу «типологической» сопоставимости со «стадиально» **однородными явлениями любой другой цивилизации Земли**¹³ (выделено нами.— Авт.). Здесь недопустимость «европоцентризма» в исследовании истории науки получает свое дополнительное обоснование с методологической точки зрения: последовательная реализация метода типологии побуждает исследователя в равной мере обращаться к событиям истории науки Запада и Востока.

Итак, нам представляется, что истории науки в «чистом» виде, как таковой, не существует. Следовательно, историко-научный метод многослоен и реализуется в различных по характеру и уровням исследованиях. Что касается структурных особенностей историко-научного метода, то нами предложена лишь одна из возможных схем анализа этих особенностей, требующих дальнейшего разветвления.

¹² См.: *Тимофеев И. С.* Изменения в понимании предмета..., с. 99.

¹³ См.: *Аверинцев С.* Меняющийся образ античности.— Декоративное искусство, 1979, № 4, с. 32.

О МАТЕМАТИЧЕСКОМ ЭКСПЕРИМЕНТЕ КАК МЕТОДЕ НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Углубление знаний в различных областях человеческой деятельности, познание новых сторон действительности, а также новых ее форм, созданных человеком, привели к осознанию «необъятных возможностей применения математики и к появлению возросших потребностей в использовании этих возможностей»¹. Распространение электронных вычислительных машин (ЭВМ) дало толчок развитию новых разделов математики, а также породило принципиально новый метод научного исследования — математический эксперимент². Новые формы применения ЭВМ и широкое использование математических экспериментов требуют переосмысления предмета математики и методов математического познания. В связи с этим задача диалектико-материалистического анализа философских проблем математики и математической экспериментальной становится все более актуальной.

В данной статье делается попытка показать основные принципы построения математического эксперимента, его специфику, а также то, что он выражает объективную закономерность развития познания, согласно которой отражение субъектом окружающего мира идет от явления к сущности.

«Сущность метода математического эксперимента, — пишет В. М. Глушков, — состоит в том, что эксперименты проводятся не с самим объектом, как это имеет место в классическом экспериментальном методе, а с его описанием на языке соответствующего (пригодного для этой цели) раздела математики»³. Любой изучаемый объект неисчерпаемо сложен. Поэтому необходимо выделять факторы, наиболее важные с точки зрения поставленной задачи. Описание реального процесса на языке математики (математическая модель) отражает количественные, а порой и качественные соотношения между величинами, выражающими отдельные факторы изучаемого объекта. Математическая модель, конечно же, не

¹ Успенский В. Предисловие.— В кн.: Математика в современном мире. 1967, с. 5.

² См.: Моисеев Н. Н. Математика ставит эксперимент. М., 1979; Самарский А. А. Что такое вычислительный эксперимент?—Наука и жизнь, 1979, № 2; Поспелов Г. С. Новый стиль использования ЭВМ.—Вопр. философии, 1979, № 2; Боголюбов А. Н. Математика и технические науки.—Вопр. философии, 1980, № 2; Яценко А. Н. Методологические проблемы современной математики.—Вопр. философии, 1981, № 8.

³ Глушков В. М. Математизация научного знания и теория решений.—Вопр. философии, 1978, № 1, с. 29.

тождественна в гносеологическом смысле самому объекту, но тем не менее она позволяет приблизиться к более глубокому его пониманию. Зависимости величин, выражающих отдельные стороны изучаемого явления, могут быть описаны с помощью уравнений — дифференциальных, интегральных, алгебраических и т. п.

Получившаяся система уравнений вместе с известными данными, необходимыми для ее решения (начальные и граничные условия, значения коэффициентов уравнений и т. п.) и есть математическая модель изучаемого явления. В более широком смысле под математической моделью понимают любую абстрактную структуру. Из сказанного видно, что математические методы применяются непосредственно не к изучению объективно реальных явлений, а к их математическим моделям. На этой основе возникают специальные разделы конкретных наук, такие как математическая экономика, математическая биология, математическая лингвистика, ставящие своей главной целью построение и исследование соответствующих математических моделей⁴.

Модель, как правило, является отправной точкой для анализа ее поведения с целью получения знаний о моделируемом явлении, которые затем можно перенести на оригинал. Один и тот же объект (явление) можно описать многими математическими моделями, основанными на различных принципах и схематизациях. Например, в оптике созданы такие модели природы света, как корпускулярная, волновая, электромагнитная. Корпускулярная оптика, используя средства элементарной геометрии, пришла к выводу законов отражения и преломления света. Модель волновой теории света потребовала новых математических идей как для вывода уже известных результатов, так и для получения новых: чисто аналитическим путем были открыты законы интерференции и дифракции света. Волновая теория света уступила место электромагнитной, поскольку появились такие факты, которые она уже не смогла объяснить. Для всех этих моделей были выведены различные закономерности количественного характера, справедливые для определенного диапазона рассматриваемых параметров принятых моделей. Установление границ такого диапазона позволяет выявить противоречия в допущениях принимаемой модели и недостатки той или иной теории, что является одной из причин развития теоретических концепций. Математический эксперимент как раз и позволяет анализировать математические модели, более эффективно определять границы их применимости, исследовать особенности.

⁴ См.: *Соболев С. Л.* Математика в высшей школе.— В кн.: Математическое образование сегодня. М., 1974, с. 17; *Морозов И. Е.* Математическое моделирование в научном познании. М., 1969.

«Анализ математических моделей, — пишет А. Н. Тихонов, — включает в себя изучение постановки задачи, выбор модели, анализ и обработку входной информации, численное решение математических задач, возникающих при исследовании модели, анализ результатов вычислений и, наконец, вопросы, связанные с реализацией полученных результатов»⁵. Язык, с помощью которого описываются математические модели, обеспечивает возможность осуществления операций над символами и построения соответствующих исчислений для решения исследуемых проблем. Эта особенность математических исчислений была хорошо раскрыта К. Марксом в «Математических рукописях», где на примере дифференциального исчисления убедительно показана оперативная роль символа дифференцирования как «стратагема действия», т. е. символа тех операций дифференцирования, которые предстоит еще провозвести⁶.

Возникновение некоторых разделов современной математики и первые попытки успешного применения их методов в биологии, психологии, конкретной социологии и т. д. выдвигают проблему разработки нечисловых математических моделей, отображающих неметрические характеристики и взаимосвязи изучаемых объектов⁷.

Например, в последние годы для построения неметрических математических моделей используются понятия и методы теории графов. Граф представляет собой конечный набор объектов произвольной природы, которые именуют вершинами. Связь между вершинами называют ребрами. В понятии «граф» основное внимание уделяется выявлению взаимосвязей между элементами различных систем и установлению характера и типа таких связей. Результаты и методы теории графов применяются при решении транспортных задач о перевозках, в частности при составлении оптимальных маршрутов доставки грузов, для нахождения оптимальных решений задачи о назначениях, для выделения «узких мест» при планировании, а также при моделировании сложных технологических процессов, в программировании и т. д.⁸ Теория графов, по мнению Дж. Кемени и Аж. Снелла, является областью математики, идеально приспособленной для точного описания социальных структур⁹. Если речь идет об их описании с формальной стороны, то с этим тезисом можно согласиться.

Математические модели разделяют на динамические, которые

⁵ Тихонов А. Н. Вычислительная математика.— Математическая энциклопедия. М., 1977, т. 1, с.882.

⁶ Маркс К. Математические рукописи. М., 1968, с. 57.

⁷ Рузавин Г. И. О природе математического знания. М., 1967.

⁸ Алексеев В. Б., Козырев В. П., Сапоженко А. А. Теория графов.— Математическая энциклопедия. М., 1977, т. 1, с. 1120.

⁹ Кемени Дж., Снелл Аж. Кибернетическое моделирование. М., 1972, с. 12.

при надлежащей информации дают определенные, однозначные предсказания, и на статистические, с помощью которых получают вероятностные предсказания. Хотя по точности предсказаний вероятностные модели уступают динамическим, тем не менее они подчас могут оказаться более реалистичными, чем динамические модели, поскольку в меньшей степени идеализируют сложную картину явлений. В тех случаях, когда упрощение возможно (скажем, при решении многих задач земной и небесной механики), использование динамических моделей является плодотворным. Там же, где приходится учитывать совокупное действие огромного числа факторов, прибегают к построению вероятностных моделей.

Выделяют три пути возникновения математических моделей:

— в результате прямого наблюдения, изучения и осмысливания явления;

— в результате некоторого процесса дедукции, когда новая модель получается как частный случай из более общей модели;

— в результате некоторого процесса индукции, когда новая модель является естественным обобщением «элементарных» моделей¹⁰.

Важно, что в процессе познания создаются не просто различные модели или их совокупности, а логически связанные системы математических моделей (системы-теории), например, как в современной физике.

Математические модели сами по себе, без дополнительной эмпирической информации не могут обеспечить ни объяснения, ни предсказания. Глубина объяснения и точность предсказания зависят не только от совершенства применяемых математических моделей, но и от глубины, адекватности той конкретной содержательной теории, на которую опирается математическая модель. Собственно информационная часть модели содержит факты, обобщения, закономерности и теории, относящиеся к эмпирическому базису соответствующей специальной науки. Математическая часть включает все, что необходимо для вывода новых следствий из существующего наличного знания.

Когда принят некоторый вариант математической модели явления, то, варьируя различные параметры задачи, можно провести детальное исследование явления в рамках принятой модели: выявить основные закономерности, оценить влияние различных факторов, т. е. собрать столь же богатую информацию, как и в ходе натурального эксперимента. По сути дела, такая работа очень близка к эксперименту, только вместо экспериментальной установки обычно используют ЭВМ, работающую по заданной программе, а вместо явления (объекта) — его математическую модель. Математическая модель должна быть достаточно простой в математическом

¹⁰ Моисеев Н. Н. Математика ставит эксперимент, с. 33.

отношении, чтобы ее можно было детально исследовать с помощью имеющихся средств. С другой стороны, в результате всех упрощений она не должна утратить «рациональное зерно», существо проблемы.

Построение математических моделей — это своего рода искусство, в котором тесно переплетаются и знание теории, и опыт, и интуиция. Одна из основных трудностей на этом пути — создание подходящих для них теорий. Чтобы создать теорию, нужна эмпирическая информация. С другой стороны, чтобы получать такую информацию, необходима хорошо разработанная теория. Выход из этого замкнутого круга состоит «в разработке теории, на основе которой в дальнейшем можно строить обоснованные эксперименты и наблюдения»¹¹.

Схематически математический эксперимент можно представить в виде следующих этапов:

первый — построение информационной модели явления, содержание обобщения и гипотезы о сущности или механизме протекания явлений;

второй — разработка математической модели и получение на ее основе соответствующего решения;

третий — проверка адекватности модели объективной реальности и анализ в связи в этом качества решения;

четвертый — корректировка модели и решения в случае недостаточного соответствия модели реальному явлению;

пятый — непосредственная проверка полученных на предыдущем этапе эмпирических утверждений путем сопоставления их с результатами наблюдений или специально поставленного эксперимента, т. е. реализация принятого решения.

Возможности математического эксперимента по сравнению с натурным велики. Математический эксперимент дешевле, быстрее, проще, легко управляем, в него можно без труда вмешиваться, можно моделировать условия, которые еще невозможно создать в лаборатории. Математический эксперимент позволяет решать крупные комплексные проблемы, вести оптимальный расчет инженерных конструкций на их надежность и долговечность, проводить научно обоснованное планирование исследований. Важно еще и то, что, несмотря на многообразие современных физических и технических проблем, их математическое описание сводится к ограниченному числу типов уравнений.

Например, процессы диффузии, теплопроводности, намагничивания описываются формально одними и теми же уравнениями. Сходными уравнениями выражаются напряженное состояние упругого бруска, подвергнутого кручению, течение жидкости, распре-

¹¹ Болотин В. В. Применение методов теории вероятностей и теории надежности в расчетах сооружений. М., 1971, с. 9.

деление электростатического поля в диэлектрике. Поэтому численные методы решения одних задач легко перестраиваются для решения других, хотя физический смысл входящих в уравнение величин различен. В то же время нельзя утверждать, что экспериментальные установки, приспособленные для изучения одних физических явлений, столь же легко могут быть перестроены для изучения других.

В математическом эксперименте имеется возможность учесть взаимное влияние многих факторов, которые сами по себе могут оказаться случайными процессами. Есть, конечно, у математического эксперимента и свои недостатки. Самый существенный из них состоит в том, что применимость результатов расчета ограничена рамками принятой математической модели. Модель строится на основе изученных физических закономерностей, а они выявляются опытным путем. Обнаружение новых физических закономерностей требует создания новых моделей. С другой стороны, результаты математического эксперимента могут предсказать поведение реальной системы в тех или иных условиях. Опытная проверка таких предсказаний либо утверждает принятую теорию и модель, либо отвергает ее и требует другого теоретического объяснения. Вот почему математический эксперимент никогда не вытеснит натуральных опытов. Будущее — в их разумном сочетании. Необходимо отметить, что человек должен заложить в ЭВМ цель, а выбор цели, целеполагание есть прерогатива человека. Она связана с его практической деятельностью, которая является отражением определенных потребностей, т. е. наличием других целей и т. д. Любая целенаправленная деятельность — цепочка решений. Получать варианты решений может машина, но эти решения надо сравнивать между собой. Акт сравнения зависит от цели, от критериев. Как только функционал, критерий качества, целевая функция сформулированы, ЭВМ, снабженная определенным набором алгоритмов, может заменить человека.

Математическими средствами нельзя доказать не только истинность предпосылок моделей, но и их ложность: математика может установить лишь противоречивость, несовместимость различных предпосылок. Однако выявление противоречивости и несовместимости предпосылок требует опытной проверки как исходных утверждений, так и переосмысливания сущности происходящих явлений, т. е. требует, чтобы явление было «освоено на гуманитарном уровне»¹². Тем самым математический эксперимент способствует направлению развития процесса познания.

Объективная основа математического эксперимента заложена в том, что познание человека идет от явления к сущности. Позна-

¹² См.: Грекова И. Методологические особенности прикладной математики на современном этапе ее развития.— *Вопр. философии*, 1976, № 6.

ние же сущности неразрывно связано с раскрытием качества, количества и меры, которая выступает как внутреннее, диалектическое единство качества и количества. Для познания сущности вещей необходимо глубокое изучение их свойств, через которые она проявляется. Свойство же представляет собой количественно-качественную определенность. Поэтому познание сущности вещей невозможно без познания их целостности, их качественной определенности, равно как без познания расчлененности вещей на такие однородные и простые элементы, «законы движения которых допускают математическую обработку»¹³.

Дальнейшее «развитие математической теории, повышение эффективности ее использования в прикладных целях, совершенствование вычислительной техники, ее элементной базы и математического обеспечения, средств и систем сбора, передачи и обработки информации»¹⁴ будет способствовать совершенствованию математического эксперимента как метода научного исследования.

С. Д. БАЛМАЕВА
Свердловский горный институт

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЗНАНИЯ В БУРЖУАЗНОЙ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ФИЛОСОФИИ XX ВЕКА: «АНАЛИТИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ»

На каждой исторически определенной ступени развития философской культуры формируется свой стиль, особая методология исследования сознания. Сравнивая более чем полувековую историю буржуазной философии XX столетия с классической философской традицией XVIII—XIX вв., можно увидеть отличительные черты особого «прочтения» проблемы сознания, характерного для целого ряда направлений современной буржуазной философии (структурализма, неопозитивизма, лингвистической философии, поздней феноменологии, философской герменевтики). Важнейшая особенность современного подхода к решению проблемы сознания заключается в переведении ее в сферу языка, **понимание исследования сознания как исследования языка**. Начиная с «Логико-философского трактата» Л. Витгенштейна, считавшего, что исследовать «Я» неметафизически означает исследовать мыслимое, имеющее смысл, т. е. исследовать высказанное в языке, до работ Г.-Г. Гадамера и П. Рикера эта тенденция не только не затухает, но обретает постоянство традиции.

Среди многих причин, определяющих изменение методологии философского исследования сознания, особое значение имеет изме-

¹³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 326.

¹⁴ Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 146.

нение характера духовного производства, изменение места и роли философствующего индивида в обществе. Ведь то, как философ «видит» сознание, обнаруживает формы его проявления, тесно связано с его представлением о смысле мыслительной деятельности вообще и своей мыслительной деятельности в частности. Иначе говоря, философская трактовка сознания связана с тем, как мыслящий индивид и философ в особенности «уясняет себе свое собственное сознание»¹. А это зависит от того, какие силы и как управляют судьбой индивидуального разума в ту или иную эпоху.

Если с этой точки зрения рассматривать эпоху классической буржуазной философии, то можно заметить, что философ того времени (представитель «свободной профессии» в условиях «свободного духовного производства») расценивает свою мыслительную деятельность как одну из высших форм духовной деятельности вообще: его сознание, не замутненное наслоениями обыденной жизни, в состоянии охватить то, что ускользает от обычного человека. Вглядываясь в свое сознание, философ обнаруживает то, что скрыто для непосвященных — мир в его существенных определениях. Подобная рефлексия философской деятельности была тесно связана с особенностями духовного производства той эпохи. Деятельность ученого тогда представляла собой, образно говоря, «пространство одного мыслителя», который не боялся переступить границы общественного разделения интеллектуального труда. В пределах своей мыслительной деятельности он был полным «хозяином», конечный результат его исследований зависел только от него. Вполне понятно, что для него были прозрачно ясными все мыслительные операции, все используемые понятия, предпосылки и выводы: деятельность его сознания открыто лежала перед ним. В таких условиях естественным было считать структуры сознания «прозрачными» и доступными для самонаблюдения. Не случайно поэтому в классической буржуазной философии методом исследования сознания, как правило, оказывается самонаблюдение, интроспекция.

Совсем иная ситуация складывается в буржуазном обществе XIX века. Возникает, разветвляется система целенаправленного воздействия па индивидуальное сознание. Оно становится объектом манипуляции, совершенствуются методы его программирования и унификации, избавляя философствующего субъекта от иллюзий о «суверенности мышления». Существенно меняется и характер духовного производства. Научная деятельность теперь интегрирована, институционализована. Это деятельность больших групп науч-

¹ См.: Философия в современном мире. Философия и наука. М., 1972, с. 28—95.

ных работников, решающих подчас одну проблему, но не всегда знающих и понимающих связь своей каждодневной мыслительной деятельности с решением общей задачи, т. е. утративших ясность цели, предпосылок и выводов. Единственной объединяющей силой в новых условиях духовного производства становится **язык** данного научного сообщества, который начинает рассматриваться как **средство репрезентации интегрированной интеллектуальной деятельности**. Но он в равной степени может вести как к пониманию, т. е. интегрировать научную деятельность, так и разобщать, вести к непониманию. Вот почему в современной буржуазной философии, отразившей противоречия духовного производства XX века, становится такой актуальной проблема прояснения смысла понятий, проблема понимания, герменевтики.

В культуре XX века язык выступает не только как средство репрезентации интегрированной **научной** мыслительной деятельности. В обработке обывденного массового сознания язык становится средством его унификации и поэтому также может рассматриваться как его представитель, заместитель. Вопрос только заключается в том, насколько хорошо «являет» себя сознание в языке? В каком языке оно «являет» себя лучше, адекватнее? Исчезает ли в языке субъективность сознания? Если не исчезает, то как проявляется? Комплекс подобных вопросов характеризует своеобразный подход к решению проблемы сознания в буржуазной философии XX века. Причем, исследователи современной философии справедливо отмечают противоречивость мотивов, приводящих буржуазных мыслителей к анализу языка: одни обращаются к языку с целью найти более объективные формы проявления сознания, нежели неуловимые желания, чувства и мысли, другие же, наоборот, — чтобы найти в нем конкретность, неповторимость индивидуального сознания.

Рассмотренные нами социальные причины изменения методов философского исследования сознания позволяют лучше понять «аналитическую традицию»² исследования сознания в буржуазной англоязычной философии XX века, определить ее место в пестрой мозаике школ и направлений.

Ее истоки, как и истоки всей «аналитической» философии, связаны с ранней концепцией Л. Витгенштейна, доктриной логического позитивизма (прежде всего с работами М. Шлика, Р. Карнапа и Г. Фейгла, в которых была разработана логико-лингвистическая концепция сознания) и с идеями бихевиоризма.

В работах Шлика, Карнапа и Фейгла 1920—1930-х годов утверждается, что вся прежняя методология исследования сознания

² Под «аналитической традицией» в буржуазной литературе по «философии сознания» понимается единая методология исследования сознания, характерная для всех философских концепций, возникших на базе логического позитивизма и лингвистической философии.

была пронизана идеей «радикального ментализма»: гносеология по сути дела являлась «метафизированной психологией», предметом которой было происхождение и психологическое развитие знания, т. е. психическая деятельность индивида. В основе этого лежала «метафизическая» предпосылка «абсолютной достоверности сознания» — предполагалось, что сознание абсолютно «открыто», поскольку в «чистой сфере духа» познающее сознание «находится у себя дома». Именно поэтому оказывалось возможным совершенно прозрачное, свободное наблюдение за деятельностью сознания и выделение некоторых «чистых» его структур или «ступеней познания». Таким образом, в прежней гносеологии постулировалась особая сущность — «дух», которая рассматривалась как подлинный предмет философского исследования, познаваемый лишь с помощью интроспекции. Подобная методология исследования, по мнению логических позитивистов, являлась не чем иным, как спекулятивным конструированием несуществующих сущностей, созданием «псевдопонятий».

В настоящее время, заключают логические позитивисты, философия нуждается в реконструкции. Главной задачей должен быть анализ научного знания с целью прояснения его смысла, избавления от «псевдопонятий» и прочного обоснования на эмпирическом фундаменте, дабы мы могли оперировать настоящим знанием о мире и сознании, а не его фикцией. «Вопрос «как мы познаем?», — пишет Фейгл, — предполагает вопрос «каков смысл нашего знания?», и, пытаясь ответить на них, мы вынуждены реконструировать наше знание и оправдать его притязание быть истинным... **Не происхождение и психологическое развитие знания, а его логическая структура и эмпирическая легализация** (выделено мной. — С. Б.) является предметом реформированной эпистемологии»³.

В соответствии с общим замыслом перевода философской деятельности в сферу научного знания, воплощенного в языке и логических структурах, был разработан и новый «научный» подход к проблеме сознания. Она может быть решена, считали неопозитивисты, лишь путем анализа описаний сознания с целью прояснения их смысла.

Такая постановка проблемы была во многом навеяна идеями Витгенштейна, сформулированными в «Логико-философском трактате», где он впервые, по образному выражению Фейгла, предпринял попытку «растворения» проблемы сознания в анализе языка. «Мыслящего, представляющего субъекта нет»⁴, — пишет Витгенштейн. «Я» выступает в философии благодаря тому, что «мир есть мой мир». Философское Я есть не человек, человеческое тело или

³ Feigl H. Logical Empirism.—In: Readings in Philosophical Analysis. N. 1948, p. 13.

⁴ Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М., 1958, 5.631.

человеческая душа, о которой говорится в психологии, но... граница, а не часть мира»⁵. Так уже в «Логико-философском трактате» осуществляется «размывание» субстанциональности «Я» или человеческого духа. «Я» присутствует только в осмысленности языка. Исследовать «Я» означает исследовать имеющее смысл, высказанное в языке, т. е. исследовать сознание в его объективированной форме. Именно на этом пути, считал Витгенштейн, будет преодолен психологизм и субъективизм прежней «менталистской» философской традиции.

Борьба против «ментализма» в аналитической философии была тесно связана с изменениями в области психологии, с идеями бихевиоризма. В бихевиоризме не менее радикально была поставлена задача преодоления «метафизической» предпосылки «абсолютной достоверности сознания», избавления от интроспекционизма и субъективизма, присущего всей предшествующей психологии. Отказ же от метода самонаблюдения был во многом определен возникновением психоанализа, впервые показавшего, что сознание не так уж и «прозрачно» для наблюдающего свой внутренний мир субъекта, поскольку в человеческой субъективности существуют целые области, недоступные для обладающего сознанием и стремящегося познать себя индивида. Открытие этого факта заставило бихевиористов признать единственной сферой исследования интересубъективно наблюдаемое поведение, которое вполне доступно познанию и в отношении которого вполне применимы разработанные эмпирической наукой процедуры. Предметом исследования стало, таким образом, сознание, объективированное в действиях индивида, в его поведении. Сами же понятия «психика» и «сознание» были отвергнуты как мистификация, искажающая реальную суть дела. «Открытием объективных процедур изучения ментальной жизни, — пишет Фейгл, — бихевиористы заставили нас осознать тот факт, что все научное содержание психологии может быть сформулировано на физическом языке и что предположение «нечто большего», связанное с менталистской терминологией, есть иллюзия»⁶.

Методология исследования сознания, созданная бихевиористами, получает в неопозитивизме дальнейшее развитие. Любое объективно научное описание сознания, считают неопозитивисты, должно быть доступно переводу в высказывание о поведении; не поддающиеся же такому переводу психологические высказывания являются спекулятивными и подлежат элиминации. Иными словами, задачей философии как «проясняющей деятельности» должна стать элиминация «бессмысленных» утверждений о сознании. Речь те-

⁵ Витгенштейн Л. Логико-философский трактат, 5.641.

⁶ Feigl H. Mind-Body Problem in the Development of Logical Empiricism.— Revue Internationale de Philosophie, vol. 4, N II, p. 67.

перь идет не о структурах сознания и происхождении знания, а о том, как понятия, описывающие сознание и зафиксированные в готовом научном знании, соотносятся с понятиями, описывающими физический мир (физические процессы и наблюдаемое поведение индивидов).

Логические позитивисты не просто провозгласили радикальную программу «прояснения описаний сознания», но и попытались реализовать ее⁷. Однако ни Фейглу, ни Карнапу не удалось достичь позитивных результатов. Ведь «прояснение смысла» понятий и высказываний о сознании должно было осуществляться согласно общей редукционистской модели, применимой для всех других типов высказываний, т. е. путем сведения к «языку данных непосредственного опыта» (который рассматривался как абсолютно достоверный базис научного знания). Таким образом, неопозитивисты неожиданно снова столкнулись с классической «метафизической» проблемой субъективности сознания. Выразимы ли в языке данные непосредственного опыта субъекта? Если же они выразимы адекватно лишь в некотором «личном», «монологическом» языке, то тогда в принципе невозможна редукция высказываний к «языку данных» и становится бессмысленной сама идея «прояснения смысла»! Как справедливо впоследствии отметил Фейгл, оценивая подобное «прояснение» проблемы сознания, «абсурдность феноменального языка, который обречен быть «личным», монологическим (разговором с самим собой)... оказалась тождественной абсурдности метафизического солипсизма»⁸.

Несколько иной вариант «прояснения описаний сознания» был предложен Л. Витгенштейном и Г. Райлом в русле идей лингвистической философии. Интерпретация проблемы сознания, которую предложил Л. Витгенштейн в «Философских исследованиях» и в «Голубой и коричневой книгах», определена его поздними взглядами на сущность философских вопросов. Согласно Витгенштейну, то ощущение сложности и непонятности, которое сопровождает наше столкновение с философскими вопросами, вызвано **ложным убеждением**, будто в философских проблемах мы имеем дело с **тайной**, с труднодостижимыми феноменами типа «бытия», «времени», «сознания». На самом же деле, рассматривая мир и сознание, мы забываем, что смотрим на вещи через «языковую раму», и неосознанно отождествляем наши словесные схемы с самой реальностью. И затем, когда мы видим, что реальность не соответствует нашему представлению о ней, мы открываем здесь проблему и пытаемся понять некий глубинный смысл бытия или сознания. Фило-

⁷ См. Feigl H. Logical Analysis of Psychophysical Problem. — In: Philosophy of Science, 1934, (October).

⁸ Feigl H. Mind-Body Problem..., p. 68.

софские проблемы ввергают нас в недоумение своей кажущейся сложностью. Поэтому, считает Витгенштейн, они исчезнут, если мы преодолеем мистифицирующее действие языка, и «возвратим слова из их метафизического в обыденное использование»⁹.

Какое же решение проблемы разума предлагает Витгенштейн? Когда мы думаем о мышлении как о «процессе, происходящем в медиуме странного вида — разуме — природе которого мы не совсем понимаем, то мы заблуждаемся»¹⁰, — пишет Витгенштейн. Мы не должны создавать метафизических моделей, объясняющих механизм разума. «Этот аспект сознания нас не интересует. Проблемы, которые он порождает, есть психологические проблемы, и метод их решения есть метод естественной науки. Но если мы рассматриваем не каузальные связи, тогда деятельность разума открыто лежит перед нами... Замешательство, которое мы неверно интерпретировали как замешательство относительно природы медиума, есть замешательство, вызванное мистифицирующим использованием нашего языка»¹¹. Витгенштейн считает, что если мышление определить не как особую ментальную деятельность, но как деятельность со знаками в процессе написания, изображения и т. д., то легко и естественно исчезнет досадная «проблема разума».

Столь же «элегантно» решается им и вопрос о локализации разума. Витгенштейн замечает: каждый знает, что мысли локализуются в речи, книгах, но тем не менее в философии снова и снова воспроизводится традиционное представление о локализации разума в голове человека. Разрушая это странное, на его взгляд, представление, он предлагает провести воображаемый эксперимент.

Допустим, что мы сможем провести наблюдение за работой мозга с помощью особого зеркала (brain-mirror). Но попытка связать работу мозга с ментальной деятельностью все равно покажет, что существуют два разных процесса: цепь образов, ощущений, переживаний и процессы мозга. Следовательно, эксперимент по применению научной модели не даст нам ответа на вопрос о локализации мыслей. Все вопросы, заключает Витгенштейн, могут быть разрешены не с помощью моделей или «субстанциирования», но обращением к реальной практике использования обыденного языка. Ведь в обычной жизни наш язык хорошо справляется с «проблемой разума»: люди вполне понимают меня, когда в конкретных ситуациях я хочу выразить связь духовных переживаний с физиологическим состоянием, подчеркивает Витгенштейн. Это могущество языка легко объяснимо, ведь его работа тесно связана с поведением людей, в контексте которого познается язык (незнакомый

⁹ Wittgenstein L. *Philosophical Investigations*. Oxford, 1953, aph. 412.

¹⁰ Wittgenstein L. *Preliminary Studies for "Philosophical Investigations"* generally known as the Blue and Brown books. Oxford, 1969, p. 3.

¹¹ Там же.

язык или обычные высказывания о наших переживаниях). По убеждению Витгенштейна, «обычное поведение человечества» есть та система указаний, с помощью которой мы можем интерпретировать рассказы людей о своем «Я». Следовательно, не существует никакой пресловутой «тайны сознания». К такому же выводу приходит и Г. Райл в своей фундаментальной работе «Понятие духа»¹².

Идеи Витгенштейна и Райла получили широкое распространение в англоязычной философии 50—70-х годов XX века, повлияв на характер дискуссий по проблеме сознания, найдя как сторонников, так и оппонентов. Определение Витгенштейном и Райлом проблемы разума как «псевдопроблемы», возникшей в результате «концептуальной путаницы», становится объектом резкой критики со стороны «научного материализма»¹³, ведущие теоретики которого (Г. Фейгл, У. Селларс и др.) прошли школу логического позитивизма: но к 1960 г. осознали «неустранимость метафизики» и попытались предложить новый вариант «решения» проблемы сознания. «Витгенштейновская казуистическая обработка этой проблемы, — пишет Фейгл, — есть просто одна из наиболее современных в длинной цепи позитивистских (антиметафизических) попыток показать, что проблема разума возникает из концептуальной путаницы, и что должное внимание к использованию ментальных и физических терминов в обыденном языке освободит нас от этой досадной проблемы»¹⁴.

Действительно, признает Фейгл, использование ментальных терминов достигается с помощью освоения языка, который является средством коммуникаций между людьми и в силу этого обладает интерсубъективностью. Именно на основе «публично используемых намеков» ребенок овладевает такими фразами, как «выглядеть радостным», «быть усталым» и т. п.; начинает понимать специфические ментальные состояния, которые первоначально обнаруживали себя в поведенческих ситуациях, и связывать их с фразами. В обыденном языке мы довольно свободно комбинируем ментальные и физические (поведенческие) термины для описания и объяснения феноменов сознания. Но это все же не позволяет объявить проблему разума «псевдопроблемой», поскольку идеи Витгенштейна и Райла не дают объяснить «личный» характер сознания: мысли, образы, настроения, которые Я испытываю, отнюдь не находят адекватного выражения в моем поведении или в моих высказываниях. Это феномены, к которым мы имеем «привилегированный

¹² *Ryle G. Concept of Min. L., 1949.*

¹³ Направление постпозитивистской философии США и Австралии. См.: *Дубровский Д. И. «Научный материализм» и психофизиологическая проблема.*—Филос. науки, 1975, № 6; 1977, № 2.

¹⁴ *Feigl H. Mind-Body, Not a Pseudo-Problem.*—In: *Mind-Brain Identity Theory. L., 1970, p. 33.*

доступ». «Я переживаю (наслаждаясь или страдая) сырые чувства моего сознания, — пишет Фейгл. — Эти «сырые чувства» доступны другим людям только опосредованно, через заключение, что они являются моими»¹⁵.

Таким образом, согласно Г Фейглу и его единомышленникам (Дж. Смарту, Р Рорти, У Селларсу), решение проблемы сознания связано с объяснением «сырых чувств», т. е. не прошедших обработку в языке индивидуальных психических процессов. Современная наука, утверждают они, накопила достаточно богатый эмпирический материал, который позволяет вполне обоснованно сделать вывод о том, что «сырые чувства» по сути дела тождественны нейрофизиологическим процессам индивидуального организма человека. «Состояния внутреннего опыта, которые сознательные человеческие существа «переживают», тождественны... некоторым аспектам нервных процессов в их организме. То, что имеет место в опыте и познаваемо благодаря переживанию, тождественно объектам, которые описывает нейрофизиологическая наука»¹⁶. По мнению «научных материалистов», их теория «тождества ментального и физического (нейрофизиологического)» впервые в истории научной мысли создает возможность разрешения противоречий между «сырыми чувствами» (которые представляют собой скрытую от «публичного наблюдения» сущность индивидуального сознания) и различными формами объективации сознания (в поведении, в обычном языке).

В действительности же концепция «научного материализма» представляет собой лишь один из вариантов «физикалистского редукционизма», основы которого сформировались, как было показано нами, еще в логическом позитивизме и раннем бихевиоризме. В дискуссиях, посвященных «теории тождества», с особой очевидностью обнаружилась несостоятельность редукционистских методов в объяснении сознания, что привело в настоящее время к возникновению целого ряда новых, «антиредукционистских» форм «материализма» (так называемый «эмержентистский материализм») и новых концепций в «философии сознания». Одно из наиболее интересных направлений представлено работами Дж. Марголиса, который пытается осмыслить проблему разума через анализ «культуры»¹⁷, и работами М. Вартофского, в которых очень точно определена основная слабость «теории тождества»: «...Условия методологии оказались ошибочными по отношению к условиям самой проблемы. Нет эволюции, нет истории, нет общества — нет и разу-

¹⁵ Feigl H. Mind-Body, p. 34.

¹⁶ Feigl H. The "Mental" and "Physical". — In: Minnesota Studies in the Philosophy of Science. Minneapolis, 1958, vol. 2, p. 446.

¹⁷ См.: Margolis J. Persons and Minds. The Prospects of Non-reductive Materialism. Dordrecht, 1978.

ма. И без этих материалистических параметров аналитические теории будут несостоятельными... оказываясь фактически в философском тупике»¹⁸. Не случайно М. Вартофский в своей концепции «критического материализма» использует идеи К. Маркса, исследуя историческое развитие сознания.

Серьезные изменения, происшедшие в последние годы в англо-американской «философии сознания», становление новых, связанных с принципом историзма методов исследования, свидетельствуют о кризисе «аналитической традиции». Этот процесс закономерен и изначально предопределен методологической несостоятельностью: решение проблемы не может быть достигнуто путем «прояснения» описаний сознания в языке (научном или обыденном). Плодотворный подход к проблеме возможен лишь при условии включения в сферу исследования общественно-исторической деятельности человека. А это неизбежно влечет и изменение более глубоких философских принципов, предполагает материалистическое понимание истории человеческой практики.

М. А. МЯСНИКОВА, В. В. СКОРОБОГАЦКИЙ
Уральский университет

О МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВАНИЯХ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КРИТИКИ

Вопросы природы и статуса литературно-художественной критики вызывают многочисленные споры, в центре которых находится следующая проблема: от чего отталкивается критика, формулирующая оценку произведения искусства, чем обеспечивается объективное значение и принудительная сила этих оценок?

При решении поставленной задачи мы будем исходить из положения, что позиция критики прежде всего определяется ее функцией посредника в системе коммуникационных связей, соединяющих «автора» и «зрителя» и конституирующих произведение искусства в качестве реального общественного феномена. Такая постановка небесспорна.

Одна группа исследователей выводит критику за рамки отношения «автор—зритель», полагая, что ни та, ни другая стороны не нуждаются в специальном посреднике. Ведь было время, когда критика как общественного института не существовало вовсе. Ее роль брали на себя те сами художники, то зрители. «Искусство в принципе не предполагает никакого промежуточного — растолковыва-

¹⁸ Вартофский М. К критическому материализму.— В кн.: Современная прогрессивная философская и социологическая мысль в США. М., 1977, с. 220.

ющего — звена между художником и потребителем. Художник, если ему хочется передать что-то людям, сам должен быть в силах это сделать»¹. Здесь, как правило, следуют общеизвестные ссылки на Л. Н. Толстого и П. И. Чайковского, отрицавших возможность передать смысл своих произведений каким-то иным способом, нежели тот, который ими уже избран. Однако, думается, что эти ссылки верны лишь до тех пор, пока относятся к самим художникам. Хотят они этого или не хотят, нужно это отдельному зрителю или нет, критическое мышление как особое качество критичности **неизбежно и объективно** возникает в недрах общественного сознания в процессе художественной коммуникации, возникновении того отношения «автор — зритель», которое очерчивает полюсы движения художественного произведения в системе культуры общества.

Подходя к проблеме как бы с обратной стороны, другие авторы вообще отрицают «приписанность» критики к отношению между художником и зрителем. Они стремятся во что бы то ни стало отстоять независимость самой критики как особого рода литературы. Так, И. Золотусский пишет: «Критик... не «посредник», он самостоятельный писатель... и его мнение существует отдельно, даже иногда независимо от книги и жизни, как нечто самодовлеющее»². Подобная точка зрения возникает как реакция на вульгарно понятую «обслуживающую» функцию критики. Ее воздействие на искусство куда сложнее и опосредованнее. Утверждая права критика как публициста, мыслителя и борца «за свои идеалы, за свою иерархию ценностей»³, не следует забывать и о том прямом поводе, по которому он выступает, и о тех объективных законах, на которых он строит свою деятельность, с тем чтобы избежать субъективизма в погоне за единственностью собственной позиции и самостоятельностью мнения.

Споры о положении критики относительно художника, зрителя и самого искусства прямо связаны с выяснением ее собственной природы. Ибо даже определение ее как специфического образа мышления неизбежно возвращает к необходимости искать связи и аналогии то с одной, то с другой сферой духовной деятельности, так как не дает ответа на вопрос, имеет ли критика собственные функции или дублирует чужие.

На наш взгляд, суть проблемы заключается в том, что произведение искусства выступает перед критиком двойственно — в силу объективно «двусмысленного» и «промежуточного» положения критики. С одной стороны, критик выступает как полномочный

¹ Нуйкин А. А. Эстетические проблемы художественной критики.— В кн.: Актуальные вопросы методологии современного искусствознания. М., 1983, с. 270.

² Литературное обозрение, 1979, № 5, с. 99.

³ Нуйкин А. А. Эстетические проблемы художественной критики, с. 280.

представитель «публики», выражающий социальный заказ искусству в соответствии с общественно выработанным стереотипом восприятия. Художественное произведение должно отвечать этому критерию, в ином случае его движение по системе социально-коммуникативных связей от автора к зрителю окажется проблематичным. С помощью критики «соответствующий тип социальной коммуникации по поводу художественных произведений оказывает активное влияние на процесс художественного производства»⁴. С другой стороны, критик выступает от имени автора, обеспечивая относительную самостоятельность и внутреннюю свободу художественного творчества по отношению к эмпирическому многообразию индивидуальных оценок.

И дело здесь не в произвольном выборе критиком своей позиции по отношению к процессу художественной коммуникации. Она формируется объективно, независимо от степени осознания ее назначения со стороны того или иного писателя, массового читателя и даже критика-специалиста. Реальную форму осуществления критики следует отличать от ее сущности, складывающейся в процессе функционирования художественной культуры в разветвленной системе специализированных коммуникативных связей. Поэтому анализ природы и статуса критики имеет в виду прежде всего не те или иные мнения о ней, кем бы эти мнения ни высказывались — тем или иным художником, зрителем или критиком, а социально-художественную «маску», или «роль», — социологически определенный тип «автора», «зрителя» и «критика», характерный для определенного общества и порождаемый механизмами функционирования художественной культуры в социальной системе общества.

Промежуточная позиция критики является лишь воспроизведением двойственной формы существования произведения искусства. Последняя же в свою очередь обусловлена тем, что сам феномен художественного возможен только как пересечение, как столкновение эстетического и социального. «Зритель» — это только один полюс процесса социальной коммуникации, на котором эстетическая реальность, воплощенная в материале произведения искусства, перерабатывается восприятием индивида по законам, диктуемым его социальным опытом. «Автор» — это другой полюс того же самого процесса, на котором содержание социального опыта перерабатывается в форму эстетического явления «по законам красоты». Отдельный индивид может поочередно занимать место на различных полюсах социальной коммуникации.

И на том, и на другом полюсе мы имеем дело с единством эстетического и социального, вернее, с двумя формами их единства, разность которых сводится к взаимно противоположной направленности. Задача (и природа) критики как раз и определяется не-

⁴ Давыдов Ю. Н. Искусство как социологический феномен. М., 1968, с. 24.

обходимостью придать организованный характер этому стихийно осуществляющемуся процессу переработки социального в эстетическое и обратно.

Результат этой переработки на стороне «зрителя» выступает как проблема художественного вкуса, на стороне «автора» — как проблема жанра. Проблемность, незавершенность художественного вкуса характеризует его не как застывшую форму восприятия, манеру, переходящую в манерность, а как живой процесс переработки эстетического в социальное. «Вкус всегда должен балансировать между точками предельной индивидуальности, оригинальности, изящества и точкой неопределенности, неоформленности»⁵. Обращаясь к проблематике кантовской «Критики способности суждения», можно сказать, что с точки зрения художественного вкуса эстетическая реальность, воплощенная в материале произведения искусства, рассматривается как непосредственная действительность, как реальность, однопорядковая с реальностью жизни самого «зрителя». «При виде произведения изящного искусства надо сознавать, что это искусство, а не природа; но тем не менее целесообразность в форме этого произведения должна казаться столь свободной от всякой принудительности произвольных правил, как если бы оно было продуктом одной природы»⁶. Точно так же и жанровая определенность произведения искусства граничит с неопределенностью, с постоянным выходом из границы жанровых требований, за границы той условности, которая составляет необходимую предпосылку эстетической реальности. Это постоянное «размыкание» границ жанра возможно лишь в том случае, если за условностью эстетического проступает его принципиальная (по высшему счету) совпадение с явлениями непосредственной действительности, природы. «Природу надо мыслить так, чтобы закономерность ее формы соответствовала по меньшей мере возможности целей, осуществляемых в ней по законам свободы»⁷. Действительность обнаруживает свои эстетические свойства, когда она рассматривается через призму человеческой деятельности, как объект и результат предметного преобразования, в том числе и «по законам красоты» («свободы»).

Отсюда можно сделать вывод, что условием единства эстетического и социального как двух аспектов человеческого бытия является преобразующая деятельность. То, что ранее мы фиксировали как различие «зрителя» и «автора», художественного вкуса и художественного жанра, социального и эстетического, на деле явля-

⁵ Библиер В. С. Век просвещения и критика способности суждения. Дидро и Кант. — В кн.: Западноевропейская художественная культура XVIII века. М., 1980, с. 168.

⁶ Кант И. Соч.: В 6-ти т. М., 1966, т. 5, с. 174.

⁷ Там же, с. 321.

ется лишь воспроизведением фундаментального различия между объективным и свободным характером человеческой деятельности. Данное различие снимается самим процессом деятельности, всеобщие моменты которой фокусируются, предметно перевоплощаются в способ ее осуществления. Применительно к сфере художественной деятельности, т. е. той отрасли духовной культуры, где совершается производство и потребление художественных ценностей, всеобщий способ деятельности выступает в форме художественного метода.

Художественный метод составляет осевую линию разворачивания художественного процесса, в крайних пунктах которой размещаются «зритель» и «автор», проблема художественного вкуса и проблема жанра, социальное и эстетическое. Он обеспечивает совпадение указанных крайних пунктов, но совпадение не раз навсегда данное, а реализующееся в многообразных формах в зависимости от условий, времени, содержания и характера художественного процесса. Будучи «сердцевиной» художественного процесса, формой разрешения его противоречий, художественный метод по своей сути диалектичен, являясь способом художественного преобразования действительности, ее перевоплощения в формы искусства. Диалектичность метода, обращенного внутрь художественного процесса, проявляется в виде имманентно присущего ему (методу) свойства критичности. «Диалектика по самому существу своему критична именно как логика творческой, открытой **проблемности**». «Критичность есть положительное достояние всех аспектов социальной действительности, тающей в себе деятельное, творческое устремление вперед и находящейся в живом, неостановимом движении от проблемы к проблеме во всех многообразных «измерениях» и формах»⁸. Критичность художественного метода свидетельствует о том, что метод составляет основание литературно-художественной критики, определяет ее природу, статус и функции. Метод реализует имманентную ему критическую функцию и на стороне «зрителя», где оценка — неотъемлемый компонент художественного восприятия, и на стороне «автора», оценивающего действительность как материал будущего произведения. Специфика художественной критики заключается в том, что она не просто делает социальное основанием для критической оценки эстетического («зритель») или эстетическое — основанием для оценки социального («автор»), а отталкивается — от некоторой «третьей» (по отношению к «автору» и «зрителю») позиции, расположенной в «междумирии» социального и эстетического, в точке их пересечения. В этой точке эстетическое и социальное в их специфической определенности исчезают, их место занимает художественная традиция. Последняя есть

⁸ Батищев Г. С. Революционная критичность и действенность марксистской диалектики. — В кн.: История марксистской диалектики. М., 1971, с. 141, 140.

сторона, или аспект, художественного метода в его критической функции, она раскрывает рефлексивную природу метода. Традиция создает исходную точку опоры для критики, делая предметом критической рефлексии сам художественный метод.

Традиция как особый аспект метода выступает в качестве системы норм художественного мышления, его эталонов, где социальное и эстетическое сливаются в непосредственную, неразложимую далее целостность. Это своего рода «атом» художественной реальности, первоэлемент для ее воссоздания и функционирования. Источник этих норм и эталонов, образующих рамку смыслового содержания рефлексии, — коллективные формы социальной деятельности. «Рамка смысловых связей, предполагаемая субъективной рефлексией, возникает в ходе совместной межличностной деятельности и усваивается каждым индивидом в процессе его развития, в ходе коммуникации с другими людьми при посредстве созданных человеком предметов, несущих в себе опыт социально-культурного развития»⁹. Именно процесс коммуникации художественных ценностей, кристаллизующих в себе опыт развития культуры, порождает традицию как форму разрешения противоречия между социальным и эстетическим, «зрителем» и «автором», художественным вкусом и жанром. Совпадая в этом отношении с художественным методом, традиция вводит метод в контекст исторического развития культуры, размыкая границы метода и в прошлое, и в будущее, превращая метод в один из этапов развития художественной культуры человечества. Задаваемая влиянием традиции историчность, подлинность метода при всей его относительной устойчивости и обеспечивает то, что ранее мы обозначили как рефлексивность метода.

Отсюда можно сделать вывод, что рефлексивность критики — рефлексивность теоретическая. Критика — это теория, предметом которой является метод, взятый в контексте традиции, метод в его историческом изменении, вызываемом не просто развитием взятых по отдельности социальной действительности или эстетических концепций, а способом художественной деятельности, снимающим в себе, в своем осуществлении непрестанно возобновляющееся противоречие социального и эстетического.

Однако наше утверждение о рефлексивно-теоретической природе литературно-художественной критики еще не исчерпывает вопроса о ее природе и методологических основаниях. Мы считаем, что теоретичность — это феномен, характеризующий всякую систему знания в аспекте ее целостности и внутренней завершенности (самообоснованности). Поэтому решая вопрос о природе критики, необходимо соотнести ее с иными теоретическими системами. По-

⁹ Лекторский В. А. Субъект, объект, познание. М., 1980, с. 271.

следнее необходимо еще и потому, что в решении вопроса о природе критики проявляются тенденции сведения ее к тому или иному типу мышления.

Против отождествления критики с самим искусством, имеющим отличные от нее психологические истоки, образ мышления, функции, выступает сегодня большинство исследователей, которые, однако, не могут не замечать и близости этих двух средств эстетического воздействия на человека. Среди главных и наиболее весомых аргументов «против», как правило, называют неспособность критики создать самостоятельный художественный образ. Действительно, критика ведь мыслит логическими понятиями прежде всего.

Ряд исследователей отождествляют критику с публицистикой. Крайность такой точки зрения проявляется в утверждении о независимости критика от художника и зрителя, а также в недооценке ее научного потенциала. Более точным нам представляется не сведение критики к публицистике, равно как и к науке или искусству, но выявление особого синтеза научного, художественного и публицистического начал в ней. Между ними существует скорее отношение не взаимоисключения, а взаимодействия и взаимообогащения.

Так или иначе, никто из авторов не может без натяжек ни отождествить критику с наукой, публицистикой или искусством, ни изъять из нее их качеств. Так же чревата неблагоприятными последствиями и абсолютизация тех или иных сторон критики. С другой стороны, указание на необходимость синтеза в критике различных ее составляющих является слишком общим и требует теоретического развития. Одной из попыток подобного рода является концепция И. Кондакова¹⁰, в рамках которой выявляются обусловленные общественными потребностями исторические типы критики. С точки зрения типологического подхода природа критики не сводится к какой-либо одной из указанных тенденций: научной, социолого-публицистической или художественно-эссеистской. В ней признается единство разных начал, и прежде всего научного и публицистического. В то же время сам взгляд на критику в контексте истории, преодолевающий ограниченность попыток раз и навсегда вычленив некую неизменную природу критики, на наш взгляд, весьма плодотворен. Опираясь на наблюдения, сделанные в свое время Г. В. Плехановым, И. Кондаков связывает социолого-публицистический тип критики с историческими периодами социальных потрясений и роста общественной активности масс; художественно-эссеистский — с временем спада общественной активности и напряженных ожиданий социальных перемен; наконец, научный — с периодами общественной стабилизации. Причем интеграция всех

¹⁰ Кондаков И. О соотношении социальной и эстетической эффективности литературной критики.—В кн.: Вопросы эффективности литературно-художественной критики. М., 1980.

трех типов при доминировании одного из них, по мнению исследователя, время от времени сменяется их дифференциацией, обусловленной различными социальными причинами.

Ведущей современной тенденцией литературно-критической деятельности И. Кондаков называет научную. В то же время усиление научного потенциала не свидетельствует об изменении изначальной природы критики, в частности, об утрате публицистического начала в ней. С другой стороны, рост теоретичности критики нельзя отождествить исключительно с усилением того направления, которое именуется «эстетической» критикой, основанной на абсолютизации особых искусствоведческих приемов, например, семиотического и структурального подходов в современном литературоведении. Безусловно, это всего лишь крайность, но она влечет за собой поспешные, односторонние выводы, смысл которых — в подмене исторической конкретности отвлеченным логизированием¹¹

В этом плане резонными представляются нам возражения Н. Потапова театральной критику Е. Пульхритудовой, утверждавшей, что в отличие от критики 1960-х годов, которая была яркой публицистической, театральная критика прошлого десятилетия «стала более эстетической и ее гражданский заряд ушел как бы в подтекст, стал глубинной кровеносной системой». Опровергая это мнение, в целом расходящееся с реальным положением вещей Н. Потапов напоминает о спорах, посвященных «деловому человеку», «зиловщине», «энергичным людям»¹². Эти споры, прошедшие в критике 1970-х годов, имевшие огромный резонанс и влияние на искусство, вероятно, вообще не могли бы состояться, если бы гражданский заряд критики «ушел в подтекст». Более того, в спорах о пьесах, спектаклях и кинофильмах на производственную тему подчас даже не хватало подлинного эстетического анализа. По замечанию философа А. Радова, эта критика претендовала скорее «на роль некоего социального аналитика, экономиста, специалиста по управлению...»¹³. Как видим, усиление научного начала в современной критике признают даже спорящие между собой стороны. Но это начало проявляется не только в «эстетизации» критики. Обогатившись за счет научной методологии и инструментария, как кое-то новое, современное качество приобретает сегодня вовсе не уходящая из критики публицистичность. А вот личность автора, в типе художественно-эссеистской критики выявляющаяся в особой эмоциональности, индивидуальной ассоциативной образности самобытных языковых приемах, сегодня обнаруживает себя преж-

¹¹ Кузнецов Ф. Вечно живые звезды.— В кн.: Современная литературная критика. М., 1979, с. 331.

¹² Потапов Н. Компас творчества — ленинская партийность.— Театр, 1982. № 2, с. 8.

¹³ Радов А. Чужая ноша?—Лит. газ., 1980, 30 янв., с. 8.

де всего в концептуальности и научной основательности мышления.

Но проводя идею о социальной обусловленности исторических типов критики, И. Кондаков недооценивает относительную самостоятельность последней по отношению к социальным условиям, самостоятельность, которая проявляется в том, что историческое движение критики вызывается художественной традицией, в сфере которой социальная обусловленность преломляется в соответствии с эстетическим потенциалом культуры. Прямолинейно проводимый типологический подход не дает подлинно исторического развития критики, обрекая ее на замкнутую в самой себе регулярность вечных смен и столь же вечных возвращений «типов», превращающихся в некие неизменные, абстрактные «образцы», навязываемые реальному историческому процессу.

Примером реального синтеза в критике всех трех начал является творчество великих русских критиков прошлого — Белинского, Чернышевского, Добролюбова. Тяготение именно к этому типу критики, возникающему лишь на глубоко научной, теоретической основе, ощутимо и сегодня в лучших критических работах. Так, по словам В. Ковского, творчество Белинского было образцом «на много обогнавшего свое время индивидуального творческого решения важнейших методологических проблем критики»¹⁴. Их изучение сегодня только начинается, чему во многом способствует бурно происходящая на наших глазах активизация процесса самосознания критики.

¹⁴ Ковский В. В поисках целостности (о взаимоотношениях критики и социологии). — В кн.: Современная литературная критика. М., 1977, с. 136.

- Чупин П. П.**
Научный метод и методология науки 6
- Николаев Д. М., Романов В. В.**
К вопросу о соотношении теории и метода 15
- Лучанкин А. И.**
Научная традиция и методологическое сознание 22
- Пивоваров Д. В.**
К проблеме систематизации методов научного познания 30
- Гончаров С. З.**
Социальное основание принципа самодеятельности 42
- Болдыгин Г. В.**
Проблема заблуждения в методологии Нового времени 50
- Туркин Л. П.**
Категории как результат специфических операций обобщения и абстрагирования 60
- Молчанов В. А.**
О способах выведения и обоснования категорий 68
- Андрюхина Л. М.**
О соотношении метода и стиля научного мышления 75
- Мясникова Л. А., Кузнецова Н. М.**
О методологической функции понимания в научном познании 83
- Неволин В. И.**
Об эвристической функции формально-логических процедур 89
- Федяев Д. М.**
О роли базовых операций в техническом познании и практике 95
- Лоскутов В. А.**
Самообразующее отношение метода восхождения от абстрактного к конкретному 105
- Окладной В. А.**
Метод преобразующей критики 113
- Андрусенко В. А.**
Экстраполяция в типологии методов исследования исторических явлений 119
- Брянник Н. В., Трубина Е. Г., Рой О. М.**
Особенности и уровни методов историко-научных исследований 126
- Воробьев А. М.**
О математическом эксперименте как методе научного исследования 134
- Балмаева С. Д.**
Методология исследования сознания в буржуазной англоязычной философии XX века: «аналитическая традиция» 140
- Мясникова М. А., Скоробогатский В. В.**
О методологических основаниях литературно-художественной критики 149